

Ирина Фронкина

ИНОРОДНОЕ

начало

Сенсационные новости с кричащими заголовками Ник обычно игнорировал. Но сегодняшнюю открыл, поскольку в титульной ссылке упоминался городок, в котором он проживал уже два года. Из короткой заметки следовало, что «по словам очевидцев» минувшей ночью «космическое тело неземного происхождения» разворотило дорожное полотно местного шоссе. Ни фотографий, ни сколько-нибудь вразумительных пояснений не было, а стиль статейки соответствовал уровню посредственного школьного сочинения. Кроме того автор, желая, видимо, блеснуть эрудицией, в пяти строках текста умудрился обозвать «тело» и метеоритом, и метеороидом и даже метеором. Ник хмыкнул и закрыл страницу. Минут через десять он обновил новостную ленту и заметил, что ссылка на статью про «гостя из космоса» исчезла. Ради любопытства он вызвал страницу из браузерной «истории просмотров». Как и ожидалось, появился белый экран с лаконичной записью «not found» — «файл не найден». Ник удовлетворенно кивнул, чем отметил успех редактора сайта в борьбе с начинающими фантастами.

Он никогда бы не вспомнил про метеориты с метеорами, кабы не громогласная соседка миссис Грейс, известная на весь город непревзойденно склочным характером. Впрочем, в городе, число жителей которого составляло всего три тысячи, столь активную личность трудно было не заметить. Миссис Грейс во всеуслышание отстаивала свои права по любому поводу едва ли не ежедневно. Сейчас из-за тонкой стены гаража, переоборудованного в личный спортзал, Ник выслушал не менее десятка вариаций на тему налогов, дорог и нерадивых рабочих. До кучи досталось шерифу и местному автомеханику, после чего миссис Грейс перешла на личности, и Ник догадался, что она общалась со всеми приятельницами подряд по списку контактов, пока очередь не дошла до супруги владельца автосалона.

Тема дорожных работ и некоего происшествия, потребовавшего вмешательства автомастера, навела Ника на мысль о том, что утренняя «утка» про метеорит выросла на почве какого-то реального события. Расспрашивать миссис Грейс о подробностях он не собирался, но самое время было отвлечь ее от телефонного выступления перед открытым окном, пока угроза «заставить мэра чинить машину прямо сейчас» не приведена в исполнение.

Ник затолкнул штангу на фиксаторы, сполз на край скамьи, поймал кольцо «системы перемещения» собственного изобретения, подтянулся и многократно отработанным качком совершил короткий перелет в коляску. Когда-то успех этого непростого упражнения казался ему решающим на пути к заветной цели — встать на ноги. Но время шло, мальчишество угасало по мере получения новых знаний и умений, и рассудительность стала базисом его личности. «Ты выглядишь на свои годы, но глаза твои — глаза зрелого мужчины», — так отец сказал ему этой зимой, поздравляя с восемнадцатилетием. И добавил: — «Я желаю тебе быть таким же целеустремленным и сильным, но сожалею о том, что ты не успел насладиться детством».

— Миссис Грейс, могу я чем-то вам помочь? — громко спросил Ник, подъехав к торцу соседского дома.

После короткой паузы послышалась невнятная реплика, и рослая чернокожая толстуха высунулась из окна второго этажа. Она подозрительно оглядела соседа и заявила о намерении спуститься вниз.

Никун пришлось выслушать еще одну репризу про налоги и дороги, но гораздо более короткую и информативную. Оказалось, что миссис Грейс возмущена действиями дорожных рабочих, которые не убрали за собой мусор. Она не заметила, на что именно наехал ее автомобиль, но теперь под днищем, по ее словам, что-то постоянно шуршит, а единственная на весь город автомастерская закрыта, потому что автомастер ушел пить пиво с друзьями. Ник про себя отметил, что в девять вечера автомастер имел право идти куда и с кем угодно, поскольку рабочий день его давно закончился. Однако говорить об этом вслух было бессмысленно, и Ник предложил:

— Я посмотрю, что можно исправить.

Круглое мясистое лицо миссис Грейс вытянулось от изумления. Обескураженный взгляд остановился на инвалидной коляске, затем переметнулся на автомобиль, оставленный перед домом. Ник поспешил приступить к действиям, дабы не спровоцировать новый поток безостановочных речей: подкатил коляску к автомобилю и достал из багажной сумки свои подручные инструменты — клюшку для гольфа с закрепленными на конце фонариком и зеркальцем. Беглый осмотр не потребовал много времени.

— Вижу обрывок заградительной ленты, — сообщил Ник. — Это легко достать.

И прежде, чем миссис Грейс сообразила, что намерен сделать молодой инвалид, Ник ловко, с опорой на руку, уселся на асфальт.

Самостоятельное перемещение из коляски на пол и обратно он начал отрабатывать после того, как целую ночь провел в ванной комнате на коврике перед душевой кабиной. Тогда пришлось дожидаться домработницу, приходившую ежедневно согласно заключенному договору. И тогда же Ник поклялся себе, что это был первый и последний случай, когда он ощущал себя беспомощным калекой. Чувствительность поясницы и таза, восстановившаяся вскоре после последней операции, позволяла управлять телом с определенной долей элегантности, однако ноги оставались неподвижными и бесчувственными, и их размещение приходилось контролировать вручную, что выглядело со стороны несколько экстравагантно.

Миссис Грейс ахнула и, набрав в грудь воздух, собралась высказаться от души. Ник опередил: непринужденно улыбнулся, произнес — я в порядке, — и пополз под машину, благо высокий клиренс пикапа позволял протиснуться под днище рукой, плечом и головой.

Душесипательный для посторонних аттракцион он затеял не ради демонстрации своих способностей, а исключительно из любопытства — очень хотелось выяснить, каким образом обрывок легкой оградительной ленты накрутился на неподвижный элемент автомобильной конструкции в процессе движения.

Ленту пришлось не просто разматывать, а отдирать, однако ничего клейкого Ник не нащупал. То же получилось с пучком жестких белых ниток, затесавшихся между витков. Нитки, прилипшие к пальцам, Ник сжал в кулаке, а ленту предъявил хозяйке автомобиля. Миссис Грейс обозвала его упрямым мальчишкой, потребовала немедленно вернуться в коляску, громко возмутилась, когда Ник отказался от физической помощи, но промеж многословных нравоучений все-таки поблагодарила. Ник отшутился и, пожелав соседке спокойной ночи, поехал к своему дому.

Соблюдение личного распорядка дня давно стало для Ника неискоренимой привычкой. Уважать время научил его отец — профессор-искусствовед Карл Фогель. Его фамилию Ник носил до сих пор, хотя мать после развода в Германии вышла замуж здесь, в США.

— Если кажется, что времени не хватает, это значит, что ты неправильно время распределил, — сообщил Ник своему отражению в зеркале над умывальником, оттирая щеткой с мылом жирную грязь с перепачканной по локоть руки.

Операция эта продолжалась уже минут десять, что и заставило Ника процитировать слова «немецкого папы».

Мысль плавно потекла в просторы близких и далеких воспоминаний под аккомпанемент тонкого перезвона струйки воды в металлической раковине. Что есть истинное родство — общность в генах, штамп в документах или то, что называлось «жить душа в душу»?

В свидетельстве о рождении в строке «отец» у Ника стоял прочерк, а приписанное ему отчество было составлено от имени деда. Впрочем, здесь отчество никого не интересовало. Мать появилась в его жизни вскоре после смерти деда, когда Нику едва исполнилось девять лет. Знакомство началось для него с моря слез, потому что чужая тётенька, про которую бабушка сказала: «это твоя мама», — заявила чуть ли ни с порога, что увезет его в богатую страну к новому папе.

«Новый папа» в первый момент показался Нику дедушкой. Позднее он узнал, что Карл Фогель был старше его матери на пятнадцать лет. В памяти сохранились тени детских ощущений: в вокзальной толпе высокий человек поднял его на руки, и он почувствовал себя под защитой «настоящего папы». Время показало, что интуиция была права. В большой дружной немецкой семье Нику было хорошо. Он рос, окруженный вниманием и заботой. С ним занимались, его обучали, и он отвечал искренней любовью приемному отцу и его родственникам. Где разъезжала родная мать, он не знал — она не имела привычки доверительно общаться с сыном. Поэтому развод родителей стал для Ника громом среди ясного неба. Отец, стараясь скрыть горечь, сквозившую в голосе, сказал ему: твоя мама и я — мы оказались слишком разными для совместной жизни. Ник тогда выпалил: но мы с тобой одинаковые, почему мне нельзя остаться с тобой?! Разумеется, в свои тринадцать лет он не мог в полной мере осознать основы международного права, но слышал, как дядя — профессиональный юрист — говорил отцу о том, что в сложившейся ситуации закон не позволит оставить ребенка в семье отчима.

Теперь Ник неплохо владел правовыми вопросам, а кроме того составил для себя психологический портрет матери. Но одного понять не мог до сих пор: почему мать, заявившая ему, прикованному к постели: ты мне всю жизнь испортил! — в последний момент передумала отпустить его в Германию. А ведь Карл Фогель прилетел в Нью-Йорк сразу, как только узнал о травме пасынка, и готов был забрать его с собой, несмотря на неутешительные прогнозы врачей. Проведя год на больничной койке, шестнадцатилетний Ник оказался в инвалидной коляске, и был перевезен в маленький городок на Великих Озерах, где мать приобрела для него дешевый дом на окраине. Два месяца она показательно ухаживала за ребенком, а на третий — наняла домработницу-санитарку и уехала в Лос-Анджелес. Следующие два года она делала свою вожделенную карьеру, разрисовывая физиономии актеров в Голливуде, исправно переводила деньги на оплату учебы, бытовые и медицинские расходы сына, время от времени звонила на мобильный и иногда приезжала, не забывая при этом демонстрировать, кто в доме хозяин. С течением времени звонки и визиты становились реже и реже и прекратились совсем после не первого, но финального скандала, когда отметивший восемнадцатилетие Ник окончательно и категорически отказался подавать прошение на получение американского гражданства.

Ник боялся даже представить себе, что стало бы с ним — подростком — в эти годы одиночества, если бы не отец. Они общались по скайпу иногда часами — беседовали о жизни, о политике, о философии и искусстве, Ник рассказывал о своей учебе, о творческих успехах и неудачах и, бывало, просил совета в сугубо бытовых вопросах. Благодаря вездесущей всемирной паутине он часто общался с немецкой семьей. Тётя Ханна — младшая

сестра отца — ухитрилась давать ему уроки фортепьяно по курсу последних двух классов музыкальной школы. А по воскресеньям на экране скайпа как волшебная фея из сказки появлялась мама семейства Фогелей «баба Лиза». Ник без зазрения совести называл фразу Эльзу «бабой Лизой», потому что до того, как она девочкой попала в Германию во время Второй Мировой, ее звали Елизавета Смирнова...

Подумав про отцовскую семью, где все в той или иной степени владели русским, и про бабу Лизу, благодаря которой он теперь прекрасно знал родной язык, Ник заметил, что давно напевает себе под нос любимую песенку из старого советского мультфильма. «Неприятность эту мы переживем», — всегда подворачивалось на язык как противовес невеселым мыслям.

Ник усмехнулся своему отражению, закрыл кран и потянулся за полотенцем, упершись ладонью в бедро. Атрофия неподвижных ног была неизбежной, однако ежедневные физические упражнения, разработанные самостоятельно с учетом всего прочитанного и просмотренного по заданной теме, помогали сохранить мышечный тонус.

— И эту неприятность переживем, — вполголоса сказал Ник. — Но в Германию, похоже, я приеду на коляске.

Отец с нетерпением ждал возвращения приемного сына, и Ник готов был улететь из США сразу после получения аттестата о среднем образовании. Но возникли непредвиденные проволочки с документами, и Нику пришлось остаться в материнском доме еще на месяц. Задержка огорчила его, но и вдохновила на личные подвиги. Он уже достиг заметных успехов на поприще физической реабилитации, и ему казалось, что нужно поработать еще всего неделю-две, и тогда он подойдет к отцу на собственных ногах. Теперь все свободное время было отдано тренировкам. Однако долгожданный прорыв пока не состоялся...

Ник методично развесил полотенце, еще раз осмотрел результаты затянувшейся помывки и заметил распластавшийся по левому предплечью пучок тонких белых ниток. Он попытался подцепить их ногтем, но не тут-то было — нити прочно прилипли к коже. Ник развернул руку и увидел объемный ниточный комок, залепивший локоть. Потребовалось значительное усилие, чтобы этот комок отодрать. Сложилось впечатление, будто нитки как щупальца отчаянно цеплялись за руку до последнего момента, а лишившись опоры, продолжали шевелиться в воздухе. Кроме того Ник обнаружил на локте и предплечье неглубокую, но обширную ссадину.

— Ты живой? — обратился он к ниточному комку, который держал пальцами правой руки.

Будто бы в ответ нити интенсивно зашевелились, часть намоталась на пальцы, а основная масса растянулась до консистенции волос и принялась шарить по мокрой раковине. Ник с интересом следил за невиданным явлением, пока не почувствовал легкое жжение вокруг ногтей.

— Эй, ты меня слопать хочешь или потеряться боишься? — спросил он и пальцем левой руки слегка похлопал на упругому витку. — Давай так: будем считать, что ты мой гость. Пойдем-ка на кухню. Наверняка там найдется что-нибудь вкусненькое для тебя.

Он отъехал к центру ванной комнаты задним ходом, наблюдая, как странное существо безуспешно цепляется за округлые края раковины.

— Не бойся, я тебя не брошу, — миролюбивым тоном сообщил Ник, когда отрыв от раковины все-таки состоялся.

Ниточный пучок, ставший похожим на длинный локон белых волос, замер в положении вис на пальцах, а саднящее жжение под ногтями прекратилось.

— Неужели соображает? — пробормотал Ник себе под нос и вновь обратился к позднему гостю. — Ты каким местом меня слышишь? У тебя голова есть?

Головы, равно как тела и конечностей, отличных от нитей, у существа не было, в чем Ник убедился, внимательно рассмотрев «белый локон» со всех сторон. Любопытство без ответа

не осталось: все «нити» вдруг разом пришли в движение, будто сухие волосы под направленной струей фена, и — Ник едва успел увернуться — облепили ухо и скулу.

— Слушай, парень, — терпеливо начал он вслух, — давай договоримся: знакомимся осторожно и ничего друг другу не отрываем... И в рот мне лезть не нужно. Это опасно в первую очередь для тебя... Моё горло тебе зачем? Кстати, если бы ты был побольше и посильнее, сработал бы удавкой, а это для человека смертельно. Усёк?

На понимание Ник не рассчитывал, но неожиданно для себя догадался, зачем существо норовит ощупать его губы, нос и гортань.

— Тебя интересует, как я говорю? Ты колебания воздуха улавливаешь?

Поскольку никаких выраженных органов чувств у существа не было, предположение показалось правдоподобным.

— Ладно, сговоримся как-нибудь, — подытожил Ник и поднес руку с существом к груди. — Слезай. Поехали на кухню искать для тебя ужин... Не понял? — Ник постучал пальцами по плечу. — Слезай и держись за шею. Мне обе руки нужны, чтобы выехать в коридор.

Пучок самостоятельно соскользнул с пальца и сосредоточился на груди точно между рельефных грудных мышц. К шее он не прикоснулся, будто и в правду осознал предупреждение об угрозе человеческой жизни, зато раскинул свои нити на обе плеча Ника. Так он стал похож на паучка с очень маленьким тельцем и очень большим количеством лапок. Ник восхищенно хмыкнул: и условное «тельце», и «лапки» были скручены из тончайших нитей.

— Интересно, откуда ты тут взялся?

Вопрос был риторическим, ибо Ник прекрасно понимал, что существо реагирует на движения, а не на речь. Но Ник был рад и тому, что у него в материальном пространстве появился даже такой условный «собеседник».

— Посмотрим, что тут для тебя есть, — объявил Ник, остановившись перед длинной кухонной столешницей. — Масло, соль, сахар — это тебе вряд ли понравится... Эй!

Предупредительный возглас вырвался спонтанно, когда гость кинулся напрямик в мойку.

— Стой! Это несъедобное! — испуганно выкрикнул Ник, увидав, как нити тянутся к носику дозатора моющего средства для посуды. — Да остановись ты! Отравишься!

За те несколько секунд, которые потребовались Нику для толчка колес, существо успело «хлебнуть» посудного мыла.

— Чудо волосатое! Нельзя это есть, это синтетика! — Ник схватил флакон в одну руку, любопытного гостя с другую и резко развел руки в разные стороны. — Эй, ты как? — спросил он у правого кулака, в котором вяло шевелился ниточный ком. — Ты пить хочешь? Тебе вода нужна?

Ник отставил моечное средство подальше, заткнул раковину пробкой, открыл кран и опустил существо к холодной струе. Гость тут же отлип от ладони и окунулся в воду.

— Я знаю, что тебе придется по вкусу! — догадался Ник. — Плавай тут, а я кастрюлю достану.

Пока он доставал кастрюлю из холодильника, существо плескалось в наполнявшейся водой мойке. Вдруг Ник услышал за спиной отчетливый бульк — звук, сопровождавший изъятие пробки из сливного отверстия.

— У-ё! — вырвалось у него, хотя обычно он не пользовался эвфемизмами родного языка даже наедине с собой.

Он подоспел на выручку, когда любопытного исследователя засосало в трубу почти целиком. Силясь подцепить пальцами беспомощно болтавшиеся в водном потоке нити, Ник незаметно для себя принялся речитативом напевать песенку про непоседливого ребенка, который должен «бежать и прыгать, всё хватать, ногами дрыгать», чтобы не взорвать от переполнения нереализованного потенциала. К концу куплета существо было извлечено из

сливной воронки, и подвешенное на пальцах над столом вдруг принялось качать нитями точно в такт бодренькому мотиву. Ник закончил песенку в полный голос, благо при закрытых окнах звукоизоляция в доме была хорошей.

— А ты парень с юмором, — весело сообщил он «гостю» и тут спохватился. — Слушайка, приятель, а давай найдем тебе красивое имя. Меня зовут Никита, а короче — Ник, — он показал на себя пальцем. — А ты будешь Кириллом. Как тебе? Кирилл. Кир. Сильно, правда? По-моему, это имя тебе подходит. Договорились? Ты — Кир.

Нити продолжали раскачиваться в воздухе в прежнем ритме.

— Ладно. Такие тонкости пока вне сферы твоего понимания, — согласился Ник и опустил необычного собеседника к блюду с персиками. — Посиди тут. Суп тебе налью.

Когда он повернулся к гостю с тарелкой грибного супа, на блюде лежали три тщательно «обсосанные» косточки, а в центре, как студень, колыхался жидкий клубок бледно-розового цвета.

— Ты пытаешься прикинуться персиком? Или ты просто наелся? — спросил Ник.

Ответ на второй вопрос был явно отрицательным, поскольку существо нареченное Кириллом, потянулось к тарелке с супом. Но при этом попыталось сохранить шарообразную форму, что могло означать положительный ответ на первый вопрос.

— Ты не коlobка из себя делай, а что-нибудь с ногами, — посоветовал Ник. — Вот так, например.

И он изобразил пятью пальцами на столе перемещение гипотетического ходуна. Реакция существа его удивила: весь ните-щупальцевый конгломерат облепил кисть его руки и «прошел» вместе с пальцами пару «шагов».

— Движения срисовываешь? — осторожно, будто опасаясь спугнуть проблески взаимопонимания, спросил Ник и еще раз «протопал» по столешнице с импровизированной перчаткой на руке.

По завершению прохода «перчатка» очутилась на столе в облике объемного комка нитей, а через пару секунд существо скрутилось в нечто с пятью условными ногами. На человеческую руку сие слабо походило, однако это не помешало ему быстро переместиться к тарелке с супом.

Процесс поглощения жидкости Ник разглядеть не успел, поскольку бульон исчез чуть ли не в одно мгновение, будто впитался в тысячи тоненьких щупальцев. С вареными овощами Кир знакомился вроде бы осторожно — каждый кубик картофеля и морковки ненадолго застывал, опутанный полупрозрачными нитями, и лишь после «пробы» превращался в крошечную пористую губку и исчезал окончательно. Зато дегустация кусочка вареного шампиньона вызвала бурю восторга. Ник каким-то образом почувствовал этот восторг, хотя необычный приятель эмоций не выказывал. Все грибы из гущи были «впитаны» в следующие несколько секунд, затем Кир «собрал» остатки овощей, и в опустевшей тарелке остались лишь два горошка черного перца.

— Правильно, — согласился Ник. — Нормальные люди это тоже не едят. Но оно придает вкус бульону. Еще супа хочешь?

И он сделал движение рукой к кастрюле. Все нити-щупальца ринулись за рукой, но в кастрюлю не нырнули — облепили борта.

— Во-во, молодец, — Ник похлопал пальцем по осторожным нитям. — Кастрюля — это такая штука, которая часто бывает очень горячей.

Он наполнил тарелку второй раз и открытой ладонью показал, мол, можно приступать к трапезе. Кир употребил и эту порцию, но начал не с бульона, а с прицельного вылавливания грибов. И «согласился» на третью тарелку, однако на сей раз впитал только грибы, оставив жидкость и овощи нетронутыми.

— Завтра скатаюсь в магазин и куплю побольше шампиньонов специально для тебя, — пообещал Ник. — А сейчас пора спать.

Он проследил, как существо сворачивается в объемный клубок.

— Ты здесь хочешь заночевать, на кухне? — уточнил он вслух. — У меня в комнате уютнее. Пойдем?

Клубок застыл, будто Кир раздумывал над вопросом. Ник протянул к нему руки, помедлил и аккуратно сжал обеими ладонями. Все нити остались в форме клубка.

— Ты уже спишь без задних ног?

Тонкий пучок ниток вяло обвил большой палец и остался висеть с тыльной стороны запястья.

— Похоже, спишь, — подытожил Ник, опустил своего нового приятеля на колени и покатил коляску в единственную на первом этаже жилую комнату, выполнявшую функции рабочего кабинета, изостудии, музыкального класса и спальни.

Хаотичные звуки фортепиано Ник сквозь сон воспринимал как посторонний шум. Но вдруг отчетливо прозвучал аккорд соль-бемоль мажор. Второй раз. И третий.

Ник подскочил на кровати и уставился на матово-белый шар размером с баскетбольный мяч, шевелившийся на верхней крышке пианино. Три толстых упругих жгута свисали вниз, к клавишам.

— Кир?.. — пробормотал Ник и протер глаза. — Кир, ты за одну ночь так вырос?

Четвертый аккорд прозвучал, как согласительное «да», и Кир «перетек» на клавиатуру. Ник облегченно вздохнул. Впечатляющий объем оказался ложным: до сего момента нити опутывали шарообразный плафон светильника. Однако Кир действительно подрос. Это Ник определил, когда удивительный приятель растянулся над клавиатурой с опорой на бакенклеты, свернул пять жгутов вместо трех и шмякнул сразу по пяти черным клавишам. Ник спонтанно скривился от прозвучавшей дисгармонии. Киру тоже не понравился результат «музицирования»: жгуты мигом скрылись в основной массе нитей, изображавших мостик.

— Кир. Тут 88 клавиш, и каждая создает определенный звук, — сообщил Ник и привычно потянулся к коляске, обычно ночевавшей возле кровати.

Сейчас коляски на месте не оказалось. Ник огляделся и... тяжело вздохнул. Коляска стояла в диаметрально противоположном конце комнаты — в компьютерном углу. Под ней валялась клавиатура основного рабочего компьютера. Планшет для создания и корректировки цифровых изображений свисал со стола на собственном интерфейсе. Куда закатился стилус, Ник не увидел, зато узрел россыпь тюбиков с краской и без оной на полу под мольбертом. На половом покрытии и на обоях виднелись витиеватые красочные полосы различной длины и толщины — очевидно, пробы «кисти» ночного бедокура. А в стене зияли три дырки, повторявшие геометрию электрической розетки.

— Кир, надеюсь, ты не додумался слопать краски? — спросил Ник, хотя на понимание не рассчитывал. — Учти: краски акриловые. Это совершенно несъедобная химия.

Кир покачался над клавишами пианино в облике мостика, затем одним махом переметнулся на подоконник, вторым более низким «прыжком» очутился на прикроватной тумбочке, обвил нитями, как сеткой, пластиковую бутылку для питьевой воды и вместе с ней плюхнулся поверх одеяла. Следующим действием Нику была вручена бутылка.

— Не понял, — обескураженно пробормотал Ник. — Ты пить хочешь? Пробку отвинтить?

Он поднял бутылку в руке и тут только заметил, что ёмкость пустая. Однако колпачок был на месте. Кир «подсказал», куда следует смотреть: ловко запустил внутрь сосуда пучок своих многофункциональных щупальцев, растянутых до толщины волоса.

— Ты пластик проел, чтобы воду выпить? — догадался Ник, разглядев, наконец, что верхняя часть бутылки превращена в подобие мелкого сита. — Краску запивал?.. Или ты

хочешь сказать, — Ник внимательно посмотрел на безмолвного собеседника, — что тебе и синтетика в пищу годится?

Нити-щупальца, свободные от демонстрации сита и обеспечения устойчивости всего конгломерата, принялись раскачиваться перед лицом Ника, как голые ветки кустарника. На третьей серии качаний Ник узнал ритм песенки про активного ребенка.

— Ты изучаешь мир методом проб! — вдруг понял он. — И уверяешь, что ошибки безвредны для тебя. Так?

Кир замер и как будто бы собрался переметнуться к фортепиано.

— Э, стой-стой, — Ник поймал пучок щупальцев пальцами. — Я понял, что ты пытался имитировать звук согласия. Но не будешь же ты бегать к пианино всякий раз, когда хочешь что-то подтвердить. Давай так. Сверни узелок типа шарика, — он осторожно подмял щупальца в кулак. — Вот. Так и держи. Смотри. Если ты согласен — «да!», то делаешь так.

Ник ладонью вынудил узел имитировать кивок.

— Понимаешь? Если «да», то...

Кир мигом собрал второй узел-шарик и четко изобразил кивок условной головкой.

— Отлично! — обрадовался Ник. — А теперь отрицание — нет.

Он помотал головой. Кир не двигался.

— Не уловил?.. Смотри на меня. Если не хочешь, не согласен, то — нет. No. Nein... Все равно не улавливаешь?.. Эх, точно. Ты же не видишь, а только слышишь как-то.

Нити ловко вывернулись из сжимавшего их кулака и обвили руку Ника.

— Знак. Какой-то знак нужен... А ну-ка, сюда замотайся, — он подставил Киру другую ладонь. — Если нет, то... — он сложил указательные пальцы в крест. — Повторишь сам?

Кир прежде повторил знак согласия, а потом легко изобразил крест. И Ник, наконец, допустил до ума очевидный уже вывод: он общается с безусловно разумным существом.

— Мы с тобой найдем общий язык, — негромко, чтобы тщательно скрыть нахлынувшую радость, произнес Ник. — Не сразу, наверное, — он невольно глянул на задвинутую в другой конец комнаты коляску. — Но и Москва не сразу строилась. Правда?

Кир озадаченно покачался над одеялом. Затем ловко переметнулся на прикроватную тумбочку, «оседлал» корпус электронных часов и вытянулся на уровень головы собеседника, будто норовил заглянуть в глаза, чтобы найти пояснения к прозвучавшим словам.

— Не понял про Москву? — Ник улыбнулся. — Не беда, со временем дойдет. А в данный момент...

Загудел зуммер будильника, и на экране плазменной панели, облепленной полупрозрачными нитями, ярко вспыхнули цифры «06:00».

Кир взметнулся, будто подпрыгнул вверх, во мгновение ока очутился у Ника на плечах и «нырнул» под ворот футболки, не оставив снаружи ни единой ниточки своих многофункциональных щупальцев.

Ник поспешно отключил сигнал, оттянул ворот и заглянул на свою грудь. Нити облепили торс по всей ширине от плеча до плеча и опоясали талию тонким витком.

— Кир, не бойся, — произнес Ник как можно мягче. — Это электронный сигнал, каждый день в шесть утра. Здесь тебе нечего бояться. Мне фиолетового, где ты родился и на каких метеоритах тебя сюда занесло. Я тебя никому не отдам. И смогу защитить.

Непоколебимая уверенность в голосе подействовала на перепуганное существо ободряюще. Нити вытекли из-под футболки на одеяло. Из неровного конуса выделился узел в форме кривоватого шарика, оформилось нечто вроде короткой шейки, и условная головёнка принялась интенсивно кивать.

— Вот и отлично.

Ник бережно провел пальцем по головёнке так, будто погладил по виску и щеке.

Успехи на поприще взаимопонимания были многообещающими, однако Нику не пришло в голову попросить Кира прикатить коляску на место. Зато он крепко задумался над способом перемещения по комнате. Будь он в доме один, он легко добрался бы до коляски ползком на локтях. Но не хотелось столь неприкрыто демонстрировать свою немощь новому другу. Костыли всегда «дежурили» под кроватью на экстренный случай. Ник ненавидел этот больничный инвентарь, но пришлось выбрать меньшее из зол.

Кир не понял, что и зачем вытворяет человек, и забеспокоился, когда при непосредственном контакте почувствовал напряжение литых мускулов рук, плеч и торса.

— Всё в порядке, — уверил его Ник. — Но будь осторожен, не попади под костыль... Кир, эй! Куда ты делся?

Ник вынужден был остановиться посреди комнаты. Ногами он ничего не ощущал, но увидел, как шевелится штанина домашних брюк по мере продвижения приятеля по бедру на голень.

— Кир, слушай. Это ты напрасно затеял. Учти, я ничего не чувствую ниже попы.

Колено слегка согнулось под давлением ниточных жгутов, а через пару секунд нога обвисла, как у тряпичной куклы.

— Кир, это бесполезно. Внешнее воздействие не способствует оживлению нервов.

Ник говорил вслух только для того, чтобы Кир по его интонациям определял эмоциональный настрой. Сделанная беспечность в голосе вроде бы сработала — Кир оставил ногу в покое, «вытек» из-под манжеты штанины, скользнул по голой стопе и, приняв форму пятипалого паука, быстро «отбежал» в сторону мольберта. Ник продолжил свой путь чуть быстрее, чем требовала осторожность, поскольку больше всего сейчас боялся, что Кир осознает причину нештатной ситуации и почувствует себя виноватым. На очередном «шаге» он нашел баланс с опорой на правый костыль, перенес левый вперед и... Костыль попал точно на тюбик краски. И равновесие, и опора были миготом потеряны. Падая, Ник оттолкнул костыль из-под левой руки и готов был отбросить правый, чтобы «приполиться» на руки. И тут прямо перед собой на полу увидал раскинутые на манер розетки нити-щупальца. Всё, что он успел сделать, чтобы не придавить маленького друга всем своим весом, это завалиться на правое плечо. Но и в этой позиции под плечевым суставом и виском оказалась плотная упругая материя, отличная от фактуры полового покрытия.

— Кир! — выкрикнул Ник и поспешно сел. — Кир, ты цел?

Он сгреб в ладони то, что подвернулось под руки, и поднес к лицу. Часть нитей, которая оказалась в руках, переплелась в форму конуса с головёнкой, а другая — бóльшая — осталась свисать на пол, как длинный полупрозрачный шлейф. Кир изобразил кивок, но Нику показалось, что тот очень вялый.

— Кир, я тебя не раздавил?

Из конуса выделились два толстых жгута и сложились в крест.

Ник прижал руки с ниточным комом к груди и медленно выдохнул. Несколько жгутиков вытек между пальцев, сложились в форму, напоминающую пятипалую ладонь, потянулись к человеческому лицу и погладили по виску и щеке. Ник узнал движение, которое пять минут назад сам же и показал маленькому другу. Неожиданно в голову ткнула новая догадка:

— Ты хочешь сказать, что пытался защитить меня? Предотвратить падение? Поймать? — осторожно предположил Ник.

Кир ответил однозначным кивком.

— Слушай,... — Ник растерялся. — Кир, ты пока еще маленький. Как бы... не достаточно объемный, чтобы амортизировать мой вес. Понимаешь?

Кивок.

Ник улыбнулся.

— Ты вырастишь, и всё получится. Будем защищать друг друга. Знаешь, что я для себя давно постановил? — Ник руками распрямил ногу. — Если хочешь что-то сделать, значит, можешь это сделать. Нужно только целенаправленно работать над собой.

Он посмотрел на коляску, до которого оставалось всего-ничего, и решительно подтянул себя по полу с помощью рук. Так в пять-шесть приемов он преодолел бы расстояние до цели. Но тут на обе ладони, упирающиеся в пол, опустились два разлапистых пучка щупальцев. Кир выдержал паузу, однозначно ассоциировавшуюся с предложением остановиться, собрался в пятиногого ходуна, в два счета добежал до коляски и без каких-либо видимых усилий подкатил Нику его средство передвижение.

Прежде, чем приступать к утренним водным процедурам, Ник налил в тазик воды и предложил «бассейн» Киру. Тот попрыгал в тазу в «пятиногом» облике и отправился изучать помещение. Ник напряженно наблюдал за ним, пока не убедился, что Кир сделал правильные выводы из вчерашнего приключения в кухонной мойке. Сливное отверстие душевой кабины и унитаз он ощупывал с надежной самостраховкой. В баночку с содой, заменявшей чистящий порошок, сунулся тоненькой нитью и тут же отдернул свой щуп. А жидкое мыло и зубную пасту скорее «обнюхал», чем попробовал, но за процессом чистки зубов следил в непосредственной близости от объекта — прилипнув к руке Ника. Жужжание электробритвы не произвело на него особого впечатления, и Ник решил про себя, что бурная реакция на зуммер будильника была вызвана эффектом неожиданности.

Напоследок Ник взялся за расческу. Волосы у него были густые и волнистые — очевидно, достались с генами биологического отца, ибо в материнской семье никто не имел столь пышной шевелюры. И длинными, так как Ник избегал пользоваться бытовыми услугами в своем нынешнем инвалидном состоянии, и в парикмахерскую не заезжал.

Стоило Нику снять резинку, фиксировавшую «хвост» на затылке, и встряхнуть головой, как Кир пришел в неопишуемый восторг. Ник позволил ему хозяйничать на своей голове и, когда ажиотаж пошел на убыль, сообщил.

— Человеческие волосы — это не орган чувств, как твои щупальца. Это всего лишь... — он запнулся, подбирая слова. — Эстетическое дополнение к кожному покрову. Волосы можно сбрить, как я сбрил щетину с лица. И они опять вырастут через какое-то время.

Говоря про бритье головы, Ник с опаской разглядывал в зеркале копну жгутов, сложенную из нитей-щупальцев и собственных волос, скрученных и перепутанных силами этих самых щупальцев. Кир как будто понял, о чем он подумал. Копна из волос и нитей пришла в движение в стиле взрыва на макаронной фабрике, а через несколько секунд все волосы были тщательно уложены на места, причем без единого болезненного рывка.

— Ловко у тебя получилось! — восхитился Ник, провел расческой по голове и убедился, что в расчесывании уже нет необходимости. — Слушай, как ты умудряешься контролировать каждую свою ниточку?

Кир вопрос не понял, зато, спрыгнув на столик возле раковины, собрался в конус с «головкой», а на «головке» распустил нити в точном соответствии с прической Ника.

— Понравилось?

Кир выполнил четкий кивок.

— Мне тоже нравится, — сообщил ему Ник. — Но всё это, — он собрал свои волосы в «хвост», — приходится закреплять вот так. Иначе будет мешать работать.

Кир тут же скопировал результат его действий, и Ник запоздало заметил, что часть невесомых щупальцев до сих пор растянута на его плечи, шею и затылок.

— Я очень рад, что ты нашел способ меня видеть, — искренне высказался он.

С тех пор, как Ник получил полную самостоятельность в вопросах организации своего быта, фастфуд исчез из его персонального меню. На освоение диетологии с помощью интернета и на кухонные дела уходило много времени, но этого времени Ник не жалел, убежденный, что грамотно составленный пищевой рацион — залог успеха физической реабилитации. Сегодня, направляясь на кухню, он мысленно переписал свой распорядок дня с учетом готовки на двоих и времени, необходимого на поиски оптимального меню для Кира.

Кир сопровождал его, устроившись на коленях, а на стол передислоцировался только после специального приглашения. Ник предложил ему стакан яблочного сока. Кир не накинусь на жидкость, как вчера на суп, а очень осторожно ощупал стакан, и тогда уже запустил щупальца в сосуд, предварительно скрутив нити в нечто вроде тонкого хобота. Уровень жидкости уменьшился на треть.

— Неужели ты мгновенно распределяешь все вновь поступившие вещества по всем своим ниточкам? — вслух изумился Ник, так и не заметив каких-либо изменений в объеме приятеля.

Вопрос остался без ответа, что было вполне законно на нынешнем уровне взаимопонимания.

От нарезки парной говядины, заготовленной на обед, Кир шарахнулся, как от огня, и Ник догадался, что он ассоциировал мясо с человеческим телом. Устная лекция по теме «пищевой цепочки в природе» быстро превратилась в рассказ о фермерских хозяйствах. Что-то из прозвучавшего Кир уяснил: по крайней мере приблизился к коробке и ощупал мясо тонюсенькой ниточкой.

— Понравилось? — на всякий случай спросил Ник, хотя видел, что ответ будет отрицательным.

Так и получилось: щупальца моментально сложились в косоу крест.

— Ладно, потом предложу тебе это же в вареном виде. А как насчет яиц?

Ник выложил на стол перед Киру куриное яйцо.

Кир ощупал яйцо по всей внешней плоскости и как будто удивился.

— Погоди, сейчас разобью, — Ник потянулся за ножом.

Кир ловко выхватил яйцо из-под руки, облепил плотным коконом и спустя несколько секунд вернулся в форму ходуна. Ни яйца, ни даже крошечной скорлупки на столе не осталось.

— Куда ты его дел? — изумился Ник.

Над конгломератом нитей, изображавших «тельце» поднялся узел-головка, увенчанный «волосняным» хвостом. И головка начала быстро-быстро качаться вперед-назад. Нику потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что означает это новое движение.

— Смеешься, значит? — улыбнулся он. — Здорово!.. Я серьезно. Это здорово, что у тебя есть чувство юмора. Потому что в жизни, знаешь ли, бывают ситуации, когда только юмор и помогает выжить... Не-не, всё в порядке, — поспешно добавил Ник, увидав, что Кир озадаченно застыл. — Не буду тебя грузить. Иди сюда, смотри. Это холодильник. Тут хранятся продукты питания. Вряд ли ты сумеешь открыть самостоятельно, но я...

Договорить он не успел: Кир наглядно доказал, что открыть он способен всё, что требуется — и холодильник, и камеру «нулевку», и морозильный отсек.

В настезь распахнутом морозильнике вспыхнул свет, пахнуло холодом, и Кир отпрянул. Да так, что во мгновение ока очутился на столешнице у противоположной стены.

— Что с тобой? — испугался Ник.

И испугался по-настоящему, увидав, что приятель потерял всякую форму. Лишь два пучка нитей отчаянно трепыхались в воздухе. Ник одним толчком подкатился к Киру, сгреб в охапку весь ниточный конгломерат, прижал к себе и принялся руками и дыханием отогревать бурлящую массу. Опомился он, когда поверх его запястья опустилась маленькая пятипалая

ладонь почти человеческой формы. Он неуверенно выпрямился, продолжая предплечьями и ладонями контролировать бесформенные ниточные клубы. Часть нитей тут же свернулись в жгуты, и Ник увидел перед собой головку с «хвостиком» на затылке и невнятные, но интуитивно распознаваемыми чертами человеческого лица.

— Кир. Прости. Я не подумал, что минусовые температуры для тебя так опасны, — пробормотал он.

Нити, оформленные в ладонь, скользнули по его щеке.

— Впредь будем осторожнее: холодильник открываю только я, — безапелляционно постановил Ник, тут же наткнулся взглядом на крест и вопросительно качнул головой.

Кир живо перебрался на столешницу, встал на пять «ног», добежал до холодильника, вновь открыл нижнюю — морозильную — камеру и сунулся туда целиком.

— Кир? — Ник, стараясь не упускать его из вида, кое-как развернул коляску. — Ты приспособился к холоду?

Тот покачался из стороны в сторону всем своим «телом». Ник решил, что сие означало непонимание вопроса, и принялся размышлять вслух, отслеживая реакцию немого собеседника.

— Тебя что-то напугало, да?

Кир продолжал неопределенно раскачиваться на столешнице. Ник оглянулся на открытый холодильник. В морозильнике зашуршали пакеты. Оказалось, что тонкие, почти невидимые нити активно сортируют продукты внутри морозильной камеры.

Ник облегченно вздохнул,

— Ладно, будем считать, что бояться больше нечего. Доставай, что там тебе понравилось.

Наружу вынырнул смятый полиэтиленовый пакет, извлеченный из дальнего угла нижнего ящика. Кир «протянул» находку Нику — на тонких жгутиках нитях, растянутых на полкухни.

— Ого! Полкило на такой тонкой консоли, и никаких физических усилий! — воскликнул Ник и взял пакет в руки. — Я так и подумал: на завтрак будут грибы.

Так же, как и вчера вечером, Кир, насытившись, свернулся в шар. Ник решил, что в такой форме приятель усваивает пищу. Как долго и как часто — предстояло определить на опыте, а пока Ник, закончив мыть посуду, аккуратно взял «спящий» клубок в руки, положил на колени и покатил коляску в свою комнату.

Окинув взглядом погром в «изостудии» — ничем не ограниченной части комнаты, где возле комода с выдвигаемыми ящиками стоял мольберт, — Ник решил, что убрать краски и отмыть пол он сможет в присутствии бодрствующего приятеля, а пока приятель спит нужно успеть сделать те дела, смысл которых будет очень сложно объяснить юному существу. Поэтому Ник первым делом открыл ноутбук и проверил почту.

С тех пор, как он закончил онлайн-курсы компьютерной графики и получил сертификат, деловых контактов, равно как и работы, стало много. Но в настоящий момент он ожидал сообщений только от одного заказчика. Однако новых писем не оказалось, и Ник, глянув на календарь, усмехнулся.

— Америка готовится к празднику, — по-привычке вслух подытожил он и, спохватившись, быстро посмотрел на пригревшегося на коленях Кира.

Тот распластался по ногам, как пуховый платок, и на голос не отреагировал.

Ник присмотрелся к ниточной массе. Под верхним — с виду неподвижным — слоем удивительных нитей прослеживалась слабая пульсация. Он разглядел тонкие волокна — короткие, длинные, перекрученные в жгуты и сплетенные в петли подобно узорному кружеву. И сколько бы свободных кончиков он ни насчитал, все нити оставались единым целым.

«Какая-то неевклидова геометрия, — подумал Ник. — Кто знает, быть может Кир существует в таких измерениях, которые человеку и не снились, а это всего лишь трехмерная проекция. Интересно, откуда же ты, малыш? Как ты оказался в этой глуши, на пустой дороге? Неужели тебя кто-то выбросил?.. Или потерял?»

Он спонтанно оглянулся на электронные часы. Вчера приблизительно в это же время на глаза попала дурацкая статья про метеориты.

Ник вызвал на экран ленту новостей. Никаких «сенсаций» на сей раз не было ни в центральной, ни в местной интернет-прессе.

«Падение метеорита сопровождается знатным фейерверком в атмосфере, — Ник нахмурился. — Даже если бы что-то и свалилось на землю, его увидели бы не какие-то абстрактные «очевидцы», а весь этот *the town*. И, кажется, в ту ночь была гроза... Да, точно. Гроыхало с полуночи. Кто-то с пьяных глаз принял молнию за след болида?»

Ник открыл страницу соцсети, где местные любители сплетен обменивались впечатлениями о городских происшествиях. Всё было забито постами на тему приближавшегося Дня Независимости. Для ускорения поиска Ник загнал курсор в поисковую строку, набрал запрос и... отдернул руку от клавиатуры. Если «потеряли» и ищут, то запрос приведет их напрямиком к цели. Ник поспешно стер заготовку поисковой фразы, ибо иллюзий по поводу анонимности в интернете никогда не питал, и задумался над характеристикой предполагаемых «искателей». На фоне прошлогодних разоблачений правительственного кибершпионажа ничего кроме «агентов ЦРУ» в голову не пришло, но киношные образы Ник поспешил отставить в сторону и принялся рассуждать здраво.

«Кир испугался будильника. Звук для него — основной источник информации. Не знаю, как он воспринимает звуки без слухового аппарата, но голос, песня, мелодия — всё это доступно его пониманию. Зуммер сработал на какой-то особой для него частоте? — Ник опять посмотрел на будильник и признал, что с его знаниями физики рассуждать про частоты глупо. — Ладно. Дальше. Стакан...»

— Почему стакан? — неожиданная мысль вытолкнула рассуждения на язык. — Он всю ванную-комнату ощупал утром. Но меня насторожил сейчас только стакан... Стекло. Стекланный цилиндр. Кир не испугался, только осторожничал. И все же мне кажется, что стекло как материал было ему знакомо раньше... Или я всё это насочинял?

Ник покосился на своего необычного подопечного. Пара тонких жгутов приподнялась над общей массой и теперь вяло, будто сонно, раскачивалась из стороны в сторону.

— Всё в порядке, Кир, спи. Это я тут «тихо сам с собою» по привычке... Что же тебя напугало в холодильнике? Неужели тебя держали замороженным в стеклянном сосуде? Но зачем? Только потому, что инородный?..

Ник тяжело вздохнул. Он-то прекрасно знал, каково быть инородным.

В первой своей американской школе на окраине Нью-Йорка, куда мать отправила его сразу по приезде из Германии, Ник особых проблем не испытывал. Языковых сложностей не возникло, так как мать, помешанная на «американской мечте», говорила с ним только по-английски, а язык кулаков, освоенный еще во дворе дедовского дома, он быстро вспомнил и усовершенствовал, чем завоевал уважение новых одноклассников. Проблемы начались на следующий год, когда мать отдала его в старшую школу-пансион, где учились дети особой степени именитости в мире искусства. Безусловно талантливый, но упрямо не принимавший заданный образ жизни, он оказался безоружен перед изощренными издевками и гнусными подставами. В школе его считали немцем, поскольку в его европейских документах отцом был обозначен Карл Фогель, а мать тщательно скрывала своё русское происхождение. На почве «чужеродности» выросло немало конфликтов, в том числе с учителями. Ему необоснованно занижали оценки, наказывали за любую ничтожную дисциплинарную провинность, а на уроках живописи учитель демонстративно уничтожал

его работы, чуть только обнаруживал отклонение от заданного шаблона. Директриса школы прямым текстом сказала его матери: ваш ребенок не соответствует нашим требованиям. После чего унижительную выволочку Ник получил дома — от него требовали покаяния и обещаний исправиться. Ник не ответил ни слова, однако мать отправила его в тот же пансион и на следующий семестр. Он морально приготовился противостоять еще более жесткой травле. Но всё закончилось на второй неделе учебы: одноклассники смеялись над ним, корчившимся от боли под опрокинутой стойкой с инвентарем, пока учитель звонил в «9-1-1», и, наверное, так и не узнали, чем обернулась их жестокая шутка.

— Человеку свойственно отпихиваться от всего иностранного, — вслух сказал Ник и бережно погладил ниточный конгломерат. — Из страха или от омерзения. Не удивлюсь, если узнаю, что тебя и вправду держали замороженным в какой-нибудь стеклянной колбе.

Нити, только что вяло качавшиеся будто на волнах сонных грез, вдруг пришли в движение все разом — конус и головка с «волосами» возникли чуть ли не мгновенно, и с небольшим опозданием появились два плотных жгута с пятипальными «ладошками» на концах.

— Ты уже выпался? — удивился Ник.

Кир быстро взобрался — вернее, перетек — на стол, и Ник увидел новшество: на условном лице хорошо просматривались теперь скулы, губы и нос. Кроме того общий объем ниточной массы вырос вдвое по сравнению с утренним состоянием.

— Ого! Этак ты до меня скоро дорастешь, — хохотнул Ник.

Кир выразительно кивнул и пошлепал «губами».

— Кушать хочешь? Нет?

«Губы» опять зашевелились, но на сей раз движение походило на речь без звука.

— Говорить? — Ник опешил. — Кир, слушай, это не так просто, как кажется. Чтобы произносить слова, недостаточно скопировать движение губ. Воздух проходит из груди через голосовые связки. Язык нужен. И вообще, — Ник скомкал фразу, ибо понимал, что объяснения звучат как ахинея. — Я пока не знаю, как это всё объяснить на пальцах. Но важно другое, — он улыбнулся. — Если хочешь, значит — можешь. Ты хочешь говорить, а я хочу тебе помочь освоить речь. Значит, у нас всё получится.

Кир кивнул и вытянул щупальца «с ладошкой» налево. В первый момент Ник подумал, что он показывает на мольберт. Но о назначении этого объекта разговора не было, зато стоявшее дальше — торцом к окну — пианино юное существо уже исследовало.

— Общение посредством музыки? — неуверенно переспросил Ник.

Кир бесшумно спрыгнул на пол, пробежал по комнате на пяти «нижних» конечностях, сохранив при этом форму головы, тела-конуса и жгутов-рук, и очутился на верхней крышке инструмента. Если бы не пошатнулся светильник, Ник решил бы, что прыжок выполнен с места вверх без каких-либо физических усилий. Но светильник выдал автора трюка: Кир выпустил вверх практически прозрачные нити, и подъем выполнил как паук на паутине. Разве что не учел свойства своего противовеса относительно собственной возросшей массы.

— Кир, музыка — не заменитель речи, — предупредил Ник, разворачивая коляску в направлении фортепиано. — Это как бы... отображение эмоций, чувств, состояния души. Я тебе сейчас сыграю. Но то, что ты услышишь, придумал не я. Я только исполню... воспроизведу созданное великим композитором. Исполню так, как чувствую.

Он не стал уточнять, понимает ли Кир сказанное, потому что верил — понимает.

Ник быстро размял пальцы, поднял руки над клавишами и заиграл «Марш Радецкого». Это было одно из его любимых произведений. Бодрый жизнеутверждающий марш всегда поднимал настроение и вдохновлял на личные подвиги. А сейчас Ник постарался вложить в музыку свою веру в успешное достижение поставленных целей.

Лихой пассаж и высокая финальная нота.

Кир неподвижной статуэткой стоял на крышке.

Шоковое оцепенение затягивалось, и Ник струхнул.

— Кир, — он, потянувшись, взял пальцами кончик жгута-ноги и слегка встряхнул.

Кир будто опомнился: подскочил, опутал пальцы пианиста и притянул к клавишам.

— Еще сыграть? — уточнил Ник.

Кивок.

— Хорошо. Но пусть будет что-нибудь поспокойнее...

Этюд Шопена пришелся кстати — Кир оправился от культурного шока и начал покачиваться в такт легкой как весенняя капля воздушной мелодии. Продолжая тему весны, Ник сыграл Штрауса «Звуки весеннего вальса». Затем он намеревался сделать лекционную паузу, но Кир опять облепил его запястья.

Домашний концерт для одного слушателя продолжался до тех пор, пока у Ника не закончился отработанный репертуар. Нотных альбомов на полке стеллажа было много, но с листа он играл весьма посредственно, а продемонстрировать сырое исполнение не хотелось. Кир вроде бы согласился, что на сегодня концерт закончен, однако погрузился — это Ник почувствовал безо всяких вербальных проявлений.

— А давай-ка я тебе музыкальный центр включу, — вдруг придумал он. — У меня есть прекрасные диски с музыкой.

Кир с любопытством ощупал небольшой аппарат, уяснил, что звук пойдет из двух компактных колонок, и приготовился «слушать». Ник поставил «Пер Гюнта» в исполнении Лондонского симфонического оркестра. Кир с минуту сидел неподвижно, затем принялся вращать «головой», а затем изобразил кривой крест.

— Не нравится? — насторожился Ник. — Не слышишь?....

Ответное качание корпуса означало ответ «не совсем так» — это Ник понял.

— Слышишь, но не... — Ник призадумался. — Не распознаешь? Не узнаешь музыкальный рисунок?

Кир тоже призадумался и, наконец, кивнул.

— Странно, — Ник озадаченно оглядел комнату, будто объяснения феномена притаились в углах. — Живой звук, конечно, лучше самого качественного цифрового. Но музыка остается музыкой... Слушай-ка, Кир, а давай кое-что проверим. Я сейчас опять включу проигрыватель, — Ник торопливо повел коляску в сторону комода. — Но поставлю не оркестр, а простенькие детские песенки. Посмотрим, распознаешь ли ты голос.

Он достал из ящика старый рекордерный диск с тщательно собранной коллекцией песен советского кинематографа. Все эти записи давно перекечевали в эм-пэ-три плеер, однако музыкальный центр был староват — достался в «наследство» от прежних хозяев дома — и современные форматы не понимал.

Из динамиков зазвенела песня про улыбку, и Ник спонтанно улыбнулся.

— Эту песенку я однажды исполнил для деда. Мне года четыре было, если не меньше. Дед с работы пришел, и только порог переступил, я залез на табуретку как на сцену и запел для него. А он подпевать начал. Я пою и смеюсь, и он смеется. Так ярко помню до сих пор...

Ник спохватился и посмотрел на Кира. На «ниточных» губах сияла улыбка от виска до виска. «Пятипалая» щупальца быстро скользнула по кнопкам проигрывателя, безошибочно нашла клавишу питания и выключила аппарат, а другая открытой «ладошкой» приложилась к губам Ника.

— Мне спеть? — обескураженно переспорил Ник.

Кир кивнул.

— Ладно. Понял. С аккомпанементом или а-капеллой?

Вопрос был задан больше в шутку, чем всерьез, но Кир опять удивил — однозначно указал щупальцем на пианино. Таким образом, второе отделение домашнего концерта было составлено из вокальных этюдов в аранжировке исполнителя.

И вот когда исполнитель и слушатель дошли до той кондиции, при которой песня лилась «и твоя, и моя», за окном, закрытым жалюзи, появились признаки человеческого присутствия — кто-то стоял на террасе, растянутой вдоль всего фасада дома. Кир среагировал первым: напрягся всеми своими нитями и вытянул в сторону окна «руку».

Чуть только музыка стихла, послышался отчетливый стук в стекло.

— Кир, скройся, — выдохнул Ник. — Сделай так, чтобы тебя не увидела ни одна живая душа!

Кир моментально собрался в шар, и на верхней крышке пианино появился второй «светильник».

Ник подъехал к окну и приподнял жалюзи. Из груди вырвался облегченный вздох — на террасе стоял шериф Джонсон. Этого человека Ник не решался считать приятелем только потому, что был втрое младше. Шериф потешался над его попытками соблюдать этикет и в шутку, бывало, обещал выбить «европейские клинья из курчавой головы». Он был единственным во всей Америке человеком, кто знал о счастливых и несчастных детских годах Ника, о его учебе, работе, о целях и планах. А началось всё с борща.

Год назад приходящая домработница уволилась, и Ник не стал искать ей замену, посчитав, что готов обслуживать себя сам. На самостоятельного юношу одноклассники смотрели с завистью, и никто не сумел навязаться ему в друзья ради организации тусовок на площади, свободной от родительского контроля. Несколько неприятных стычек в школе, из которых Ник вышел победителем благодаря своей выдержке, эрудиции и хорошо подвешенному языку, послужили поводом для гнусной клеветы. Кто-то позвонил в офис шерифа и заявил, что инвалид продает в школе наркотики. Шериф и один из его помощников приехали к Нику домой без ордера, но с намерением серьезно пообщаться на обозначенную тему. Ник спокойно выслушал претензии и обстоятельно развеял подозрения. В качестве жеста доброй воли блюстителям порядка было предложено осмотреть дом. Шериф сразу понял, что имеет дело с добропорядочным и серьезным молодым человеком, но его помощник полез на рожон — почувствовал необычный запах из кухни и грубо принялся строить всяческие предположения. Ник на провокацию не поддался, объяснил, что запах из кухни — это запах приготовленного обеда, и пригласил незваных гостей отведать борща. Помощник шерифа растерялся, а шериф заявил, что приглашение принимается. С тех пор он частенько припоминал Нику тот вкусный борщ, а Ник со своей стороны время от времени находил поводы, чтобы пригласить старшего товарища на обед, приготовленный по рецептам русской кухни...

— У тебя всё в порядке, Ник? — спросил шериф Джонсон, когда Ник открыл ему парадную дверь.

— Да, вроде бы, — Ник озадаченно нахмурился.

— Я заметил ночью, свет мигал на твоей мансарде, — шериф кивком показал на второй этаж. — Приехала твоя мать?

Ник отрицательно покачал головой, тревожно оглянулся на лестницу и запоздало догадался, кто устроил ночное шоу с электричеством. Нужно было срочно выкручиваться, причем так, чтобы опытный и чуткий человек не заподозрил ни толики фальши.

— Опять закоротило, — с неподдельной досадой вздохнул Ник.

Это вполне могло быть правдой — электропроводка на втором этаже не раз добавляла хлопот хозяину дома, а о причинах сбоя сейчас Ник постарался не думать.

Однако подумать пришлось, ибо причина в данный момент плавно перетекала по полу гостиной через арочный проём прямоком в холл, посреди которого стоял шериф Джонсон. К счастью, он не заметил отчаянную попытку Ника мыслью и беззвучным шепотом остановить приятеля и начал говорить об электрике, который сегодня непременно попадет к нему на глаза, так как будет монтировать праздничное освещение на улицах.

— Спасибо, но не нужно беспокоиться, — быстро произнес Ник, когда шериф дошел до сути своего предложения. — Электрик был тут дважды уже. Он сказал, проводку нужно менять. Думаю, новые владельцы дома сделают это.

— Новые владельцы? — механически переспросил шериф.

Ник отвел взгляд. Но только для того, чтобы не привлечь внимание визитера к подвижному участку ковролина, подобравшемуся к самым его ногам.

— Я уеду в начале августа. Мать наверняка продаст этот дом.

— Всё решено? — уточнил шериф. — Понятно... Но месяц впереди. Я могу заехать вечером помочь с электрикой.

— Спасибо, но я... — Ник с трудом сдержал себя от взгляда на ботинки шерифа, подвергавшиеся в данный момент тщательному ощупыванию.

— Опять всё сам? — шериф укоризненно посмотрел на собеседника.

Ник виновато улыбнулся.

— Я планирую съездить на природу сегодня, — сообщил он.

По сути прозвучала ложь, но Ник обернул слова в такую грамматическую форму, чтобы в результате осталось непонятно, в какой период времени он построил свои планы.

— На озера? — шериф нахмурился. — Подожди до праздников.

— Почему? — удивился Ник.

Тревога зашевелилась в следующую секунду, но вопрос уже прозвучал, и прозвучал в нужной сейчас тональности.

Шериф поправил форменную шляпу и отступил назад, к порогу. Это означало, что он, сказав «а», теперь раздумывает, как представить «бэ». Ник слегка подстегнул его дополнительным вопросом.

— Что-то случилось?

— Я знаю, ты не будешь болтать. Федералы разыскивали кого-то в лесу два дня назад. В соседнем округе хотели ввести комендантский час.

— А здесь?

— Официально ничего нет и не было. Думаю, замешана политика. Я ничему не удивлюсь теперь после того, что парень из ЦРУ рассказал на весь мир.

— Неужели искали шпионов в этой глуши? — с тщательно взвешенной долей иронии в голосе усомнился Ник.

— Напрасно смеешься. Я всякого насмотрелся за двадцать лет службы здесь. Поэтому послушайся меня: занимайся рисованием дома сегодня, — шериф выразительно посмотрел на коляску. — Ты сильный парень, но...

Сигнал мобильного телефона перебил его на полуслове. Глянув на дисплей, он поспешно свернул разговор:

— Извини, дела. Увидимся.

Ник дождался, когда автомобиль шерифа вырулит на шоссе, запер дверной замок и развернулся вместе с коляской лицом в холл.

— Кирилл, ты соображаешь, что делаешь?.. — начал он и осекся: приятеля след простыл. — Кир? Ты где?

Ник испуганно оглядел пол, ничего подвижного не заметил и судорожно оглянулся на входную дверь.

В углу возле стены шаркнули колеса «уличной» коляски. Плед, сложенный на сидении, шевельнулся и будто по волшебству «вырос» в знакомый конус с головёнкой.

— Ого! Ты и свой цвет можешь менять? — пробормотал Ник. — Вот это мимикрия!.. Ладно. Согласен, с такими способностями тебя ни одна живая душа не увидит. Но ты меня напугал.

Кир «стек» на пол, в процессе перемещения «перекрасился» в привычный белый, взобрался к Нику на колени и попытался вытянуться так, чтобы узел, изображавший голову, оказался на уровне человеческого лица. Объем оказался достаточно, но не хватило жесткости, и Ник подставил приятелю руку. Кир тут же воспользовался опорой.

— Зачем ты из комнаты вылез? — Ник заглянул в условную физиономию.

Кир изобразил улыбку.

Ник присмотрелся к так называемому лицу. В контурах скул, губ и носа угадывалась попытка скопировать портретные черты его — Ника. Глаза оставались условным обозначением, но прорисовались брови. И в данный момент эти брови слегка пульсировали.

— Что ты хочешь спросить? Ты чего-то ждешь от меня?

Конус слегка осел, будто Кир опустил плечи. Щупальца с ладошкой поднялась на уровень головы, описала дугу и выразительно показала вниз. Ник проследил за жестом и тут только обнаружил, что половина ниточной массы скопилась на его коленных суставах поверх брюк.

— Кир, я не чувствую, — тихо сказал Ник.

Жгут нитей с ладошкой быстро преобразовался в нечто, напоминавшее циркуль. Сгустки, только что изображавшие наколенники, обвили поясицу и принялись пружинными толчками подпихиваться под ягодицы. Ник, наконец, догадался, что добивается от него приятель.

— Ты хочешь, чтобы я встал на ноги? Ты увидел, как ходил шериф Джонсон, и хочешь, чтобы я сделал так же?

Толчки и пихания прекратились, и Кир дважды кивнул.

Ник украдкой вздохнул.

— Прости, малыш. Ничего не выйдет. Да, я такой же человек, как мистер Джонсон и все вокруг, но так получилось, что... Короче: из-за травмы я не могу ходить. Мне нужна эта коляска, — он похлопал ладонями по колесам, — чтобы передвигаться. Но я хочу встать и идти, и для этого я тренируюсь. Каждый день тренирую тело по специальной программе. Скоро сам увидишь... Что суксился?

Ник отчетливо рассмотрел мимику на условном лице. Осторожно провел пальцем по сплетенной из нитей щеке, слегка поддел выпуклость, обозначавшую нос, и улыбнулся.

— Не переживай. Я добьюсь своего. И стану крепче. Вот увидишь. Давай лучше подумаем, как бы сделать так, чтобы я тебя понимал так же, как ты меня — быстро и безошибочно.

Сравнение было сделано не для красного словца: в ходе этого «разговора» Ник окончательно убедился, что его удивительный приятель воспринимает речь дословно и оперирует бытовыми понятиями в рамках человеческого менталитета.

Изобретение методов быстрого и безошибочного взаимопонимания было совмещено с наведением порядка в доме. Ник порадовался, что достиг определенных результатов — с первой же серии жестов понял, что Кир развлекался ночью не на втором этаже с выключателями на стенах, а в подвале с рубильниками электрошита. Однако демонстрация свойств диэлектрика привела его в ужас и начисто подсекла всякую осторожность: он схватил Кира в руки, не дожидаясь, когда тот вытащит щупальца из розетки стиральной машины. В ответ на извинения за недоверие, Кир погладил Ника по щеке щупальцем с пятерней, а после принялся водить метелкой из нитей по грубой, начертанной шариковой ручкой схеме, приклеенной к щитку. Ник высказал десяток предположений по поводу смысла сего действия, но Кир отверг все варианты.

— Со временем до меня дойдет, обещаю, а пока — сдаюсь, — Ник виновато развел руками.

Однако Кир сдаваться не собирался и, чуть только Ник вернулся в комнату, возобновил свои странные пассы «метелкой» — на сей раз над нотной тетрадью, оставленной на пюпитре.

— Линии здесь, это обозначение нотного стана, а не материальных предметов вроде проводов, — осторожно пояснил Ник, изо всех сил воображения стараясь уловить ход мыслей «собеседника». — Погоди-ка... Ноты. Нота — это запись звука. Кир, ты как-то ощущаешь или распознаешь, что именно написано на листе бумаги?

Кир четко кивнул и жгутом нитей, сложенным в форму ладони, прикоснулся к человеческим губам.

— Запись речи? Текст? — Ник аж задохнулся от восхищения. — Кир, умница!

Изображения на экране монитора Кир распознавал, но с большим трудом, поэтому Ник отказался от затеи использовать графический редактор в роли грифельной доски и достал чистый альбом для эскизов. Методик обучения азбуке он не знал, но смутно помнил, как родная бабушка учила его читать и писать. Гораздо больше осталось в памяти от занятий с бабой Лизой, но до освоения грамматики было пока далеко. И Ник решил действовать по-наитию.

— Кир, смотри сюда, — он подвел карандаш к чистому листу. — Буква «А». Как в слове «да» — согласие. Теперь «Д». Пишем вместе, получаем слово «да». Попробуешь сам?

И он вручил в «пятипалую» щупальца фломастер...

Через два часа с начала увлекательного урока весь русский алфавит был изучен в печатном и письменном начертании, а на альбомных листах не осталось чистого места, поскольку всё изученное Кир применял на практике — задавал вопросы. Ник уже перестал удивляться прямо-таки фантастическим способностям своего ученика, лишь корректировал написание тех слов, которые тот лепил по принципу «как слышится — так и пишется». Но удивиться пришлось, когда Кир, получив в своё распоряжение пачку бумаги для принтера, вывел очередной вопрос: *«Как ты говорил шерифу?»*

Ник вопрос не понял. И Кир уточнил на листе: *«Голос твой, звук другой, слова непонятно»*.

— У-ё... — выдохнул Ник шепотом, будто боялся спугнуть рой невероятных догадок, зародившихся в голове. — С шерифом я говорил на здешнем языке, по-английски. А тобой говорю на своем родном — на русском. Ты знал русский до того, как мы встретились? Где? С кем ты общался? Когда?..

Маленькая пятерня взметнулась к губам Ника в классическом жесте «стоп», а другая деловито взялась за карандаш.

«Язык это звуки и слова?»

— В общем, да. А ты...?

Ладошка в стиле «стоп» вновь очутилась перед лицом, и Кир написал следующий вопрос: *«Сколько языков есть у тебя?»*

— Три. Ты хочешь научиться понимать окружающих людей?

«Нет. Да — потом. Сейчас хочу говорить с тобой только».

— Но нам с тобой и русского хватит.

«Ты имеешь больше один языки».

Ник тихо посмеялся.

— Для общения достаточно одного языка. А что вокруг говорят, я тебе перескажу, если захочешь.

«Хочу. Что говорил шериф? Почему ты чувствовал страх обо мне?»

— Испугался за тебя, — поправил Ник. — Шериф сказал, что сотрудники государственных служб кого-то искали в лесу. Мне кажется, искали тебя. Понимаешь, люди

— особенно те, кто управляет государством — стараются изолировать то, чего боятся или что кажется необычным, инородным. Вот я и подумал, что тебя держали в какой-то... лаборатории или где-то еще.

«Понимаю. Изолировать было. Чувство ничего. Иногда что-то. Знания есть, нет объема, чтобы взять».

Ник дважды прочёл фразу — в процессе написания и после поставленной точки.

— Не понимаю, — пробормотал он.

«Спрашивай», — быстро написал Кир.

Ник взволнованно облизнул губы.

— Ты понимаешь, что люди считали тебя необычным?

«Иностраный. Ты сказал хорошо. Иностраный — из другого рода».

— И потому, что ты инородный, тебя где-то заперли? Изолировали?

«Мне кажется так».

— Не помнишь?

«Память иная. Память есть знания, нет объема взять».

— То есть твоя память устроена не так, как у человека? Хранишь всё, что ощущал, слышал, и это есть знания?

Кир помедлил и кивнул.

— А сейчас не можешь расшифровать знания, полученные когда-то раньше? — уточнил Ник.

Кир подвел карандаш к бумаге, подумал и ответил: *«Почти да»*. Затем подумал еще несколько секунд и уверенно записал: *«Мне нужно больше слов для языка. Имею только твои. Нужно больше»*.

Ник открыл рот, чтобы объявить — не проблема, но тут вспомнил, что звуки из динамиков Кир не воспринимает, а потому рассчитывать на коллекцию русских и советских фильмов бессмысленно. Взгляд упал на ящик комода, выдвинутый по случаю розыска бумаги.

— погоди! Я кое-что придумал.

Он развернул коляску и подъехал к единственному в доме хранилищу своих личных материальных ценностей.

Кир с любопытством ощупал новые для себя объекты, выпустил из условного плеча тонкий жгут и изогнул в форму «знака вопроса». Ник улыбкой отметил изобретенный жест и вслух пояснил.

— Это книги. Здесь отпечатаны — записаны — тексты. С помощью книг люди передавали и хранили знания, чувства, фантазии. Сейчас тексты стали электронными, — он показал на экран монитора. — Их проще хранить, потому что места не занимают. Но ты экран не видишь.

Кир приподнял «ладонь» в знаке «стоп» и записал:

«Я чувствую цвета и линии. Я смогу прочесть экран».

— Это было бы здорово, потому что печатных книг на русском у меня только две, — Ник опустил ладони на обложки. — Толковый словарь Ожегова и детская сказка.

«Словарь — сборник слов? Сказка — рассказка?» — тут же начеркал Кир.

— Словарь — сборник слов и их значений с примерами использования, — подтвердил Ник. — А сказка это фантазия. Придуманная красивая история про то, чего никогда не было в реальной жизни, но в которой много житейских мудростей. Сказки пишут для детей, чтобы научить понимать, что такое хорошо, что такое плохо, что есть дружба, любовь, верность, и почему плохо предавать, ненавидеть, причинять боль.

Ник погладил потертую, но всё еще крепкую обложку любимой своей детской книжки.

«Ты чувствуешь неприятное?» — мигом среагировал Кир.

— Это чувство называется тоска, — пояснил Ник. — Грусть от мыслей о недоступном. Смотри сюда, — он придвинул ближе к Киру толковый словарь. — Сейчас покажу, как искать значение слова. «Тоска», первая буква «Т». Дальше по алфавиту ищем «тос», это будет между «тор-точ»...

Кир подпихнул щупальца под страницы и открыл искомую.

— Как ты так быстро? — изумился Ник.

Кир изобразил улыбку во весь рот и нитями, сложенными в подобие маленького пальца, обвел указатель на верхнем колонтитуле.

— Ты все страницы успел ощупать, пока я говорил?

Кир кивнул.

— Ладно, — Ник опустил руки на колени. — Теперь ищи слово.

Обилие текста на странице Кира озадачило. Он долго водил своими «пальчиками» по печатному листу, затем распустил щупальца до нитей.

— Кир, мы с тобой пишем в строку на весь лист, а тут строки короткие и собраны в столбцы, — подсказал Ник. — Для словаря это обычное размещение. Показать, куда смотреть?

Кир отрицательно помотал головой — это движение вместо «косого креста» он освоил, пока изучал азбуку, сидя «нос в нос» со своим наставником.

«Тоска», наконец, нашлась. Ник заметил, как тщательно Кир «ощупал» восемь коротких строчек пояснительного текста.

— Трудно пока читать, да?

Кир кивнул, сформировал жгут с «ладошкой» в дополнение к двум имевшимся и этой «третьей рукой» взял карандаш.

«Нужно тренироваться щупать плоскость», — написал он.

— Ты распознаешь изображение по границам вещества, как линии карандаша и фломастера на бумаге?

Кир кивнул.

— Будет сложно, — Ник нахмурился. — Существует масса способов что-либо начертить или нарисовать вручную, а в полиграфии вариантов вообще не пересчитать. Ты освоишь чтение одной книги, а другую придется осваивать заново.

Кир подтянул к себе чистый лист и быстро написал: *«Помоги тренироваться щупать цвет»*. И добавил: *«Пожалуйста»*.

— С радостью помогу. Но как?

«Читай вслух. Я буду ощупывать строки».

— Хорошая идея, — согласился Ник. — Но давай начнем не со словаря, а детской книжки. Там и буквы крупнее, и картинки есть.

«Тебе грустно эта книжка. Тоска», — напомнил Кир.

— Ничего страшного. Сейчас я с удовольствием буду читать для тебя, а прошлое останется в памяти как факт, и всё. Понимаешь, хорошее сейчас затмит прежнюю грусть.

Кир покачал карандашом над бумагой и медленно вывел: *«Это правильно»*.

— Забирайся ко мне на колени, — Ник положил на стол перед собой детское издание. — Устроился? Отлично. Текст этой сказки стихотворный — с ритмом и рифмой. Сейчас поймешь. Готов?.. «За горами, за лесами, за широкими морями, против неба на земле жил старик в одном селе...»

Ник так старался помочь Киру поскорее освоить письменный язык, что начисто забыл про обед. Спohватившись, он узнал, что Кир не нуждается в питании непосредственно сейчас, и решил сэкономить время на своих потребностях, а дополнительно пожертвовать тренировкой. Однако Кир заявил, что уже уяснил основы человеческой физиологии, и

«собственноручно» отодвинул коляску от письменного стола. На тему тренировки он «высказался» на кухне, написав на заблаговременно прихваченном листе бумаги: *«Мне нужно знать, как ты тренируешься»*.

— Почему «нужно»? — удивился Ник, продолжая шинковать зелень.

Кир написал ответ и опять выставил перед собой лист.

«Я хочу поставить тебя на ноги».

Ник едва не выронил нож.

— Слушай, давай действовать по порядку: мы решили, что первостепенная цель — оперативное общение.

«Одно другому не мешает», — тут же ответил Кир со скоростью стенографаиста.

Теперь Ник рассмеялся.

— Ладно. Пусть так. Честно говоря, пропускать тренировку я бы и сам не хотел. Но прежде нужно разобраться с графикой.

Азы рисования — изображение объемных предметов на плоскости — Ник начал объяснять Киру после того, как тот признался, что не понимает иллюстраций, но очень хочет «нащупать» Конька-Горбунка. Смена темы в тот момент спасла Ника от судорожных поисков ответа на простой вопрос: почему главного героя сказки — ловкого, честного, доброго парня — называют дураком.

Итогом полуторачасового урока рисования стала фраза Кира, тщательно выведенная на альбомном листе под корявыми картинками его же «кисти»: *«Я понял, что означает пословица — Москва не сразу строилась»*. Осознание народной мудрости наступило весьма вовремя: теперь Ник легко объяснил, почему результаты любых тренировок становятся видимыми постепенно, и что такое «количество, переходящее в качество».

В гараже, служившем спортзалом, Ник первым делом рассказал Киру о назначении тренажеров и, пока тот ползал по стойкам, брускам и кольцам, начал переодеваться. Чтобы снять домашние брюки и натянуть короткие эластичные шорты обычно требовалось от пяти до десяти минут в зависимости от влажности тела и окружающей среды, и это обязательное упражнение Ник выполнял без спешки, как необходимую разминку. Однако сейчас заторопился и поймал себя на том, что отслеживает перемещение Кира. Неожиданное открытие вызвало растерянность, граничившую со смущением. «Мы оба парни, — одернул себя Ник до того, как чуткий Кир уловил его эмоции. — И вообще: я обещал предоставить ему свое тело для изучения человеческих движений».

Вместо плановых двух часов тренировка длилась почти три, поскольку потребовались «лекционные паузы». Ник остался очень доволен новыми «парными» упражнениями, которые нечаянно подсказал Кир своими действиями. Однако напарник восторга не выказал. Ник забеспокоился.

«Я не устал, — быстро написал Кир на листе изрядно потрепанного блокнота. — Я обижен на себя. Я не смог сделать, что хотел».

Ник принялся расспрашивать висевшую на плечах «шаль с головой», что именно тот хотел сделать сейчас, но Кир отрицательно помотал головёнкой, уменьшенной в пользу размера «шали», тонким жгутом нитей перевернул лист и пояснил: *«Я расскажу потом. Ты остываешь. Тебе нужно высушить тело»*.

Сидя на специальном стуле в душевой кабине, Ник размышлял, на основании каких знаний Кир сделал вывод о необходимости просушки ради сохранения тепла. Ни в сегодняшних разговорах, ни тем более в сказке ничего подобно не говорилось, а в толковом словаре, который Кир теперь всюду таскал за собой вместе с блокнотом и карандашом, таких сведений не было.

Но этот вопрос оказался мелочью на фоне того, что Ник прочел, когда закончил водные процедуры.

На листе для принтера ровным почерком, практически идентичным его собственному, было написано следующее: *«Я хотел понять, как в теле человека движется информация. Если бы я почувствовал пути информации, я бы нашел разрыв, из-за которого твои ноги забыли, как двигаться. Я не понял и не нашел. Поэтому я обижен на себя. Я неправильно думал, как устроен человек. Мне нужны знания. Для знаний нужен объем. Объем — неправильное слово для меня. Но другого я не нашел. Когда я говорю — объем — я говорю о путях информации в себе. Чтобы увеличить, нужны время, питание, впечатления — внешний источник данных. У человека это называется — рост, взросление. Я завидую Коньку-Горбунку. Он родился и сразу смог помочь другу. Но он — фантазия, волшебство. Я — реальный, живой. У меня есть некоторые знания. Нет стабильных путей. Я понял, что я хочу — хочу быть с тобой и стать как ты навсегда. Я буду тренироваться и смогу. Сначала сделаю голос. Писать очень неудобно».*

На ужин Кир выбрал для себя пять яиц, весь оставшийся в холодильнике творог, пучок петрушки, порцию холодного обеденного супа и две коробки молока.

— Это оптимальный для тебя рацион? — усомнился Ник. — Посмотри, может, что-то в морозилке найдешь.

«Неоптимальный. Но грибов нет, я проверил», — написал в ответ Кир.

— Грибы я завтра куплю. Зато есть рыба замороженная и куриные грудки.

«Мертвая плоть животных. Я не знаю, как сделать это полезным для себя. Живую плоть впитывать нельзя. Это негуманно».

— Живая плоть? — Ник невольно передернулся.

«Оптимально для роста объема. Но нельзя. Я хочу стать человеком. Значит, буду делать как человек. Не буду спешить. Стремительный рост — революция, медленный — эволюция. Эволюция дольше, но лучше. Меньше ошибок... Почему ты так странно удивляешься?»

Ник неуверенно улыбнулся. Он был не просто удивлен, он был шокирован ответом.

— Я действительно очень удивился, — признался он. — Ты рассуждаешь как грамотный взрослый человек.

«Я существовал рядом с людьми. Где-то. Когда-то. Не все пути к знаниям сохранились. Я нашел в себе какую-то часть путей».

— Разве можно получить знания, не владея языком?

Вопрос прозвучал риторически, но Кир опять взял карандаш.

«Получить несложно. Сложно распределить. И сложно общаться. Ты тоже получаешь знания без языка. Я не знал, как общаться, а ты заговорил со мной, отдал мне свои знания. Я стал быстро понимать. Вот почему я думал, что мы устроены одинаково. Теперь знаю, что твои пути другие. Кажется, ты не умеешь управлять путями. Но зато у тебя есть языки и музыка».

— Ты прав, я понятия не имею, как управлять «путями к знаниям», — осторожно начал Ник и тут его осенило. — Погоди. Ты говоришь про интуицию. Знания, получаемые в обход сознания. Чутье. Чувства. Так?

Кир подумал и написал.

«Похоже. Чутье, чувство — похоже на пути к знаниям, как рисунок на натуру. Потом найдем слова лучше. Сейчас объясни мне, пожалуйста, как посчитать время».

Ник в первый момент хотел ответить — так же как количество любых объектов. Недюжие способности в устном счете Кир уже продемонстрировал в спортзале, а запись чисел освоил самостоятельно, обследовав номера страниц толкового словаря. Однако сейчас вопрос подразумевал не методы подсчета, и Ник догадался, что Кир ищет способы «измерять

время». Требовалось найти эталон для демонстрации секунд, минут и часов. Можно было бы скататься в гараж за секундомером, но на глаза Нику попало другое средство.

— Сейчас покажу тебе минуту, — объявил он и подъехал к микроволновке. — От моего слова «старт» до электронного сигнала пройдет ровно минута. Зуммер не такой резкий, как у будильника.

Кир нетерпеливо махнул жгутом-рукой, мол, не важно.

— Ладно. Приготовились... Старт!

Микроволновка жужжала установленное время и отсигналила завершение работы деликатным писком.

— Прошла минута, — сказал Ник. — Один час — 60 таких минут. Сутки — 24 часа. Год — 365 суток.

Кир кивнул и поднес карандаш к листу бумаги.

«Час и сутки я понял. Год — нет. Год потом. Сколько часов ты должен спать в сутки?»

— Семь, — от неожиданности моментально ответил Ник и поспешил уточнить. — В обычном режиме — семь. Бывают ситуации, когда приходится спать меньше. А если очень устал, можно накинуть час-два сверх нормы.

Кир кивнул.

«Я буду распределять информацию, пока ты спишь, — письменно сообщил он. — Сегодня мне будет нужно восемь или девять часов. Потом меньше или несколько. Я не буду мешать твоему сну».

— Кир, — Ник улыбнулся. — Не беспокойся обо мне. График на двоих выработается сам собой со временем. Это не проблема.

Кир употребил все отложенные продукты, но в шар не свернулся — дождался, когда Ник закончил свой легкий ужин и уберет посуду. В комнате он спросил, можно ли использовать стены для опоры, получил утвердительный ответ и в форме большой вязкой капли расположился на комодике возле глухой — без окон — стены. Ник отъехал к компьютерам, решив, что Кир уже «уснул», но тут из «капли» выделился жгут нитей, нащупал карандаш и написал на оставленном рядом листе бумаги: *«Спокойной ночи».*

В эту ночь Нику снилось подводное царство. Фантастически реалистичное и сказочно красивое. В какой-то момент кораллы, водоросли и причудливые обитатели сказочных глубин плавно перетекали из сна в явь — сквозь приоткрытые веки в предрассветном сумраке комод и половина всей торцевой стены виделись материальным воплощением сновидения. «Ты не из космоса, Кирилл. Ты — самое что ни на есть земное», — в полусне подумал Ник и опять закрыл глаза.

* 2 *

Сборы в магазин напомнили Нику сцену из фантастического боевика, где герой облачался в «супер костюм». Сейчас в роли костюма выступал Кир. Основная — значительно увеличивавшаяся за ночь — масса нитей распределилась по неподвижным ногам под широким брюками, а тонкий «слой» обвил торс и плечи. Но Кир попросил предоставить ему доступ к внешним объектам, и Нику пришлось надеть рубашку с длинным рукавом, чтобы Кир пропустил часть себя по его левой руке и сформировал на кисти невесомую перчатку. Ник придирчиво оглядел результат в зеркало, и решил, что конспирация выдержана на уровне: тончайшие щупальца на собственных пальцах он сам с трудом разглядел, лишь поднеся руку к лицу, а исчезнувшие признаки атрофии ног мог бы заметить только близкий человек, общавшийся с инвалидом ежедневно. Таковых здесь не было.

Сложности возникли в процессе решения вопроса «обратной связи». Еле слышный, почти беззвучный шепот Ника Кир улавливал без проблем. Но для обеспечения ответа требовались либо жесты, либо блокнот с карандашом. Кир скрутил крошечную «головку» и вывел ее из-под расстегнутого ворота рубашки. Так, опустив взгляд максимально вниз, Ник в принципе мог разглядеть и «да», и «нет», и даже «знак вопроса». Однако столь пристальное внимание к своему телу выглядело со стороны странно, да и ткань едва заметно, но шевелилась при движении нитей.

«Буду молчать и копить вопросы», — написал Кир, высунув жгут-руку из-за пазухи между двумя пуговицами.

— Это не выход, — Ник вздохнул. — Постфактум ты не получишь полной картины окружающего, а я не смогу говорить постоянно, потому что даже тихий-претихий шепот кто-нибудь заметит... Слушай, а ну-ка распределись по правой моей руке и сделай браслет под манжетой.

Щупальца, только что управлявшая карандашом, изогнулась в «вопрос».

— Браслет — кольцо на руке, — Ник вытащил из ниточного узла карандаш и в три штриха изобразил на бумаге руку с браслетом.

Кир «считал» рисунок и безошибочно материализовал его в трехмерном пространстве.

— Отлично! Делаем так: если «да», то сжимаешь мне запястье один раз... Во, так нормально, чувствую. Если «нет» — два раза... Хорошо. А если хочешь что-то спросить или обратить мое внимание на какой-то объект, сжимаешь руку и не отпускаешь, пока я не подведу тебя к этому объекту. Уловил?

Кир немедленно приступил к выполнению упражнения. Ник растерялся, поскольку контекст тренировочного вопроса оказался неопределенным. Он на удачу взял в руку чистый лист бумаги. Прессинг не ослаб, напротив — усилился.

— Здорово. Это как игра в «холодно-горячо», — поддержал Ник. — Чем дальше от объекта, тем больше «холодно», а в нашем случае — сильнее сжимается. Погоди, ничего не подсказывай. Я сам должен понять, что тебя заинтересовало.

Он живо оглядел ближайшее пространство — ноутбук на угловой тумбочке, стол с компьютером и огромным монитором, журнальный столик на роликах с бумагой, карандашами и блокнотом на нем. Дальше направо комод, часть ящиков которого остались открыты с тех пор, как Ник показывал Киру свои графические работы. Все предметы и объекты так или иначе обсуждались с утра. Но некорректность избранного направления Ник скорее ощутил, чем вычислил. И спонтанно оглянулся на окно. «Браслет» на кисти чуть-чуть ослаб. Ник уверенно развернул коляску, подъехал к окну и взялся за фрамугу, открытую по случаю проветривания.

— Предлагаешь закрыть, — утвердительно объявил он.

Кир «сжал» запястье один раз.

— Отлично! — восхитился Ник. — И спасибо. Я забыл про окно. Не критично, тут многие даже двери не запирают. Но я не хочу оставлять дом открытым без присмотра. Ну как, готов знакомиться с человеческим социумом?

Утвердительный ответ Ник почувствовал за секунду до «рукопожатия».

«Я как будто и вправду чувствую его желания, настроения, эмоции, — подумал Ник. — Может быть он и прав: моя интуиция задала тон взаимопониманию».

Устно-письменный спор о том, что послужило катализатором столь быстро установившегося контакта, разгорелся сегодня за завтраком. Кир настаивал на уникальности «чутья и интуиции» Ника, а Ник яростно отрицал какую-либо свою уникальность, но обронил — «добрая воля». Кир подхватил — «желание и воля». На том они и достигли консенсуса.

От северной окраины до местного супермаркета было всего полмили согласно дорожным указателям. Дороги здесь выглядели как ухоженные широченные проспекты, и местным жителям со всеми их автомобилями не приходилось тесниться на двух тысячах акрах городской площади. Ник воспринимал мили и акры только после устного пересчета на километры и гектары. Обычно путь от дома до магазина занимал у него десять минут на полной скорости инвалидной коляски с электроприводом. Сейчас он ехал медленнее, чтобы Кир успевал улавливать и осознавать информацию — принимать состояние пространства, как он выразился сегодня утром. Ник не мог представить себе, что сие означает в натуре, но безоговорочно поверил в природные способности друга.

Тротуары были пусты как всегда, ибо местные жители предпочитали автомобили всем прочим способам перемещения, и Ник смело комментировал обстановку вокруг вслух.

— Проезжает большой грузовик, слышишь?.. Ему навстречу два пикапа один за другим. Это небольшие машины с открытыми кузовами, чтобы мелкие грузы перевозить... Въезжаю на мост..

Тут Кир сильно сжал правое запястье Ника.

— Мост через реку, — быстро пояснил Ник; прессинг не ослаб. — Тут очень много рек, а озер, кажется, еще больше. Слева от нас вдалеке как раз озеро. Река впадает в озеро. Ты звук воды уловил?

Одинарное «пожатие» и опять давление.

— К воде спуститься?

Теперь давление исчезло.

— Кир, здесь сейчас не получится, прости. Тут набережная покрыта бетонными плитами, мне не съехать. А если съеду, то сразу бултыхнусь. Я тебе покажу и реки, и озера, но не в городе, а севернее. У меня есть на примете несколько приятных мест, где я делаю эскизы для пейзажей.

Кир сжал руку один раз и, как показалось Нику, невербально добавил — не беспокойся.

Обилие народу возле супермаркета Ника неприятно удивило. Он крепко сжал кулак — это был знак Киру о необходимости сохранять неподвижность, причем сделал это очень вовремя: из машины в крайнем ряду парковки его окликнули.

Ник не водил дружбу со сверстниками, когда учился в старшей школе, но никогда не отказывал в помощи. А поскольку посещал больше предметных курсов, чем требовал обязательный минимум, знакомых набралось много. Один из таковых как раз и сидел за рулем автомобиля.

После стандартного — «Привет, как дела?», — школьный знакомый принялся рассказывать о своем житье-бытье. Ник понимал, что в ожидании мамы и бабушки, зашедших в магазин «на пять минут», он смертельно соскучился, и терпеливо выслушал монолог о превратностях судьбы, сводившийся к риторическому вопросу: почему нормальные люди едут на праздники отдыхать в веселые места, а он — несчастный неудачник — вынужден развлекать явившихся в гости предков.

Подбодрив тоскующего парой дежурных фраз, Ник развернул коляску в сторону дверей супермаркета, а Киру шепотом объяснил: «Просто болтовня ни о чем. Это был парень из школы, где я учился». Попутно Ник сообразил, откуда в полуденный час в магазине столько покупателей — национальный праздник американцев наступал завтра, и горожане в поте лица готовились к празднествам.

Вспомнив про День Независимости, Ник невольно помрачнел. Мать и он при ней переехали в США осенью, поэтому первый свой «День Независимости» он увидел, когда уже отучился целый год в средней школе среди простых разноцветных ребят. В тот день мать вместе с американским супругом разгуливала по городу, заставив четырнадцатилетнего сына

следовать рядом, и всячески демонстрировала, как органично она вливается в американскую действительность. Ник терпел до тех пор, пока она не запела вместе с толпой «Боже, храни Америку». При этом на ее лице сияло неподдельное счастье. И Ник вскипел. На безупречном русском языке с неуклюжими вставками изысканных дедовых выражений он высказал ей всё, что думает, о ее предательстве Родины и людей, принявших ее в свою семью. За первый открытый протест он был наказан отлучением от интернета и лишением карманных денег. Но своего добился: мать осознала, что представление о счастливой жизни у нее и ее биологического сына очень и очень разные.

Позднее в телефонном разговоре с отцом Ник обширно высказался о том, как ненавидит Америку. Карл Фогель задал встречный вопрос: что для тебя Америка — континент, правительство, американцы? Ник ответил — весь этот балаган! Отец ответ принял и продолжил обстоятельный спокойный разговор. В результате беседы Ник неожиданно для себя уяснил, что ненавидеть страну — бессмысленно. Можно принимать или не принимать традиции и нравы, критиковать или приветствовать политику правительства, можно симпатизировать или не симпатизировать отдельным людям, которые живут в стране рядом с тобой, и, наконец, можно стремиться стать гражданином страны. Ник сделал собственный вывод — моя мать и я не пересекаемся ни по одному из этих пунктов. И отец сказал: увы, это так, но она — твоя мать, и ее выбор тебе следует уважать, а тебе самому придется искать компромисс, пока ты не получил право самостоятельно решать, гражданином какой страны ты желаешь быть...

Прессинг на запястье вернул Ника из мрачных туч памяти в сегодняшнюю действительность. Он отвернулся к стене, вдоль которой стояли тележки для покупок, и предельным шепотом сказал:

— Задумался. Извини. Завтра здесь праздник, поэтому много людей вокруг. Дома расскажу, почему этот праздник навеивает мне неприятные мысли.

Прессинг исчез, но нити единоразово скользнули по предплечью: так Кир выражал сочувствие.

— Спасибо, — шепнул Ник и, прихватив тележку, повел инвалидную коляску в торговый зал.

Менеджеры магазина всегда помогали инвалиду набирать продукты и товары, поскольку до верхних полок тот из коляски не дотягивался. Но сейчас возле кассовых лент скопились покупатели, и обслуживающий персонал был занят упаковкой и контролем покупок, поэтому Ник оказался без деликатного сопровождения. Ситуация складывалась удачно. Ник предоставил Киру свободу выбора в открытых витринах-морозильниках и на стендах с овощами и фруктами. Содержимое вакуумных упаковок, банок и пакетов Кир определить не мог, и эти продукты Ник отбирал сам. Почуввав парное мясо, Кир заблаговременно «утек» под манжету целиком. Ник уже знал, что он воспринимает мясо съедобным только в виде бульона, поэтому выбрал то, что подходило под определение «суповой набор». В этой части торгового зала он обычно разворачивался назад, к кассам, поскольку игрушки, косметика и вещевые полки его не интересовали. Но сейчас он решил сделать полный круг по супермаркету и, завернув за первый же стеллаж, понял, почему интуиция повлекла его именно сюда: в огромных аквариумах плавала живая рыба.

— Кир, я нашел тебе легальную, гуманную живую еду, — тихо сообщил Ник под свой воротник.

Замешательство выразилось в хаотичном прессинге и щекотании на запястье левой руки — так Кир спешил выбраться из-под манжеты.

— Чуешь? — спросил Ник.

Отрицательный ответ отобразился на правом запястье.

— Аквариумы закрыты. Ладно. Ничего не предпринимай, тут человек за прилавком.

Менеджер — это был один из старейших работников магазина — немного удивился, когда Ник обратился к нему с просьбой упаковать одну из рыбин, и по-свойски спросил, не ожидает ли тот гостей. Ник соврал: мол, хочет опробовать меню, рекомендованное специалистами. Пожилой продавец многословно поддержал абстрактных специалистов, заявил, что рыба — лучшая еда и, вылавливая выбранный экземпляр сачком, принялся рассказывать о своих рыбацких подвигах. Шутливое повествование закончилось вместе с процессом упаковки живого товара в специальный герметичный пакет, Ник выразил благодарность в той же легкой форме и отъехал от прилавка.

Кир несколько раз импульсно пожал его руку.

— Ты прямо сейчас ее слопать хочешь? — изумился Ник. — Эй, мы еще до кассы не доехали. Потерпи.

Кир принялся щекотать предплечье.

— А, понял, это была шутка. Ты почуял, что мне приятно было общаться с менеджером?.. Ты прав, он юморной дядька. Я его немного знаю, общались на озерах. Он рыбачил, я рисовал... Всё, тишина.

Ник для убедительности сжал руку в кулак, так как приблизился к кассе на расстояние звуковой досягаемости.

Покинув магазин, Ник развернул коляску в сторону ближайшей улицы, чтобы не катиться вдоль всей парковки как по витрине на глазах прибывавших и отъезжавших покупателей. Выехав на тротуар, он почувствовал на правом запястье предупредительный прессинг.

— Проеду тут и на проспект, напрямик до дома, — пояснил он. — Лишний крюк в двести метров — это не проблема.

Прессинг не пропал. И Ник почувствовал, что Кир пытается обратить его внимание назад. Зеркал заднего обзора на инвалидной коляске не было, а оглядываться не хотелось, дабы не демонстрировать повышенную настороженность. Рывкнул мотор нагонявшей машины, автомобиль поравнялся с коляской, и Ник, бросив взгляд направо, мимолетно поморщился.

— Привет! — раздалось из-за опущенного стекла.

Ник остановился, но коляску не развернул.

— Фогель, ты не узнал меня? — не то удивилась, не то возгордилась яркая владелица шикарного форда.

— Привет, — нейтрально-вежливо ответил Ник.

Он не ожидал встретить здесь «королеву школьных вечеринок». После получения аттестата она уехала в столицу штата, и об этом знал весь городок.

— Не спросишь, как у меня дела? — девица чувственно скосила глазки.

— Полагаю, прекрасно. Ты поступила в колледж?

— Пф-ф! — девушка скривилась. — Фогель, ты неисправимый ботан!

— Сожалею, — Ник демонстративно посмотрел по ходу своего движения.

Девица поняла, что разговор вот-вот закончился, и поспешила выложить то, о чем собеседник спрашивать не собирался:

— Я устраиваю завтра грандиозную вечеринку дома. Начало в девять вечера. Приходи, будет весело.

«Да уж, конечно, весело», — мысленно ответил Ник, но постарался сделать так, чтобы его отношение к молодежным оргиям не отобразилось в мимике.

Девушка принялась перечислять имена приглашенных. Ник так или иначе знал большинство названных, но ни с кем из них не контактил вне школьных стен и — тем более — в соцсетях.

— Приходи завтра, Ник, — повторила девушка.

— Спасибо, Стефани.

Она поморщилась.

— Меня называют Теф, если ты забыл.

Ник не удержался от соблазна вставить ей тонкую шпильку:

— Ты сказала только что: школа закончена, мы все взрослые теперь, — невозмутимо напомнил он.

— Как ты можешь быть таким занудой! — взвизгнула девица.

— Веселой вечеринки.

Он взялся за джойстик, и коляска послушно покатила вперед.

Автомобиль тронулся за ним с небольшим опозданием.

— Фогель, это означает, ты не придешь? — демонстративно обиженно осведомилась девица.

— Ты права. Я имею другие планы на завтрашний вечер.

— Счастливого вечера тебе и твоим планам, — объявила Стефани и втопила газ.

Мотор отчаянно взвыл, машина рванула вперед и через пару секунд скрылась за поворотом на другую улицу.

— Таких, как она, по-русски называют «потаскуха», — пояснил Ник для Кира, причем достаточно громко.

Кир крепко сжал правое запястье. Ник спохватился и продолжил втрое тише.

— Лживая, наглая, злопамятная. У меня были неприятные стычки в школе и с ней, и с ее приятелями. Сейчас она приглашала меня на вечеринку — молодежное сборище. Это очевидная провокация... Нет, всё, что я сказал, это не определение слова «потаскуха». Я описал эту конкретную личность так, как мне довелось ее увидеть. А про слово я тебе поподробнее дома расскажу.

Кир охотно согласился.

Чтобы распаковать багажную сумку, Ник перебрался в домашнюю складную коляску. Передислокация была давным-давно отработанным упражнением, и занимала не более минуты. Однако за это время Кир успел разложить на столе половину покупок.

— Рыбу нужно в тазик выпустить, — вспомнил Ник и взял в руки отставленный в сторонку пакет.

Подозрительно легкий и... — он быстро заглянул внутрь — пустой.

— Кажется, рыба сбежала, — растерянно пробормотал он.

Кир, «сидевший» на краю столешницы, принялся раскачиваться из стороны в сторону как китайский болванчик. На лице сияла улыбка.

— Ты слопал ее уже? — изумился Ник. — Во дает! И как тебе? Понравилось?

«Отлично! — быстро написал Кир. — Я получил много энергии».

— После обеда спать будешь?

«Нет. Потом. Я сохраню энергию и подумаю, как тратить. Хочу сделать голос, но пока мало знаний».

— А объема-то хватит? — усомнился Ник.

Утром Кир продемонстрировал ему Конька-Горбунка размером с мелкую кошку. В части трехмерного моделирования на основе рисунка он преуспел, но знаний физического строения лошади не хватило, а потому изобразить движения «конька» ему не удалось. Однако больше всего Кира расстроило другое: для имитации ему пришлось использовать все «нити» тела, поскольку потребовалось обеспечить реальную жесткость, а результат получился неожиданно маленьким. Ник осторожно заметил, что голосовой аппарат человека строится на жестких и упругих элементах. Кир окончательно скис, но не прошло и пары минут, как он бодро вывел в блокноте — «Москва не сразу строилась», и попросил выдать ему обещанный ранее анатомический атлас...

«Мне нужно знать, как устроена гортань человека. Тогда я буду рассчитывать объем заранее», — написал Кир в ответ.

Что такое семья и общество, Ник рассказывал долго и обстоятельно, и в какой-то момент поймал себя на том, что излагает собственное мнение по многим затронутым вопросам. На предупреждение о субъективности Кир ответил: *«Я буду читать, и составлю собственное мнение. Но оно будет рядом с твоим. Потому что твоё мышление красивое, и мне нравится»*. Ник давно оставил попытки осознать, как Кир «ощущает мысли», решив для себя, что в комплекс этих «ощущений» входит некая энергетическая составляющая, недоступная восприятию человеческими органами чувств. Но формулировка «красивое мышление» появилась впервые. К удивлению Ника, Кир ответил сразу и многословно: *«У меня нет слуха такого, как у тебя. Я ощущаю много всего сразу. Голос и мысли почти одинаково. Но голос сильнее из-за воздуха вокруг и со словами, а мысли — слабее и без деталей. Когда ты играешь на пианино, я ощущаю вместе звук и мысли. Когда ты говоришь, я ощущаю голос отдельно, мысли — так же красиво, как на пианино»*.

Ник дважды перечитал стремительно составленный опус, и уточнил.

— Мне кажется, слово «мысли» тут не на месте. Больше подошло бы чувства в смысле ощущения. Но в целом я тебя понял.

«Очень надеюсь на понимание, потому что чую, что изложил плохо», — со скоростью пулеметной очереди настрочил Кир.

— Тебе нужно больше книг. Словарь — хорошо, но словарь — не панацея.

«Не нужно покупать книги. Я уже чувствую то, что на экране», — написал Кир так, будто перебил собеседника.

Ник мимолетно улыбнулся. Вопрос о деньгах, их получении и использовании поднимался еще вчера, когда Кир спросил, почему братья Иванушки украли коней и что такое «продавать». Сегодня Ник прочитал ему целую лекцию о роли финансов в современном социуме, особо акцентируя внимание на размерах оплаты труда и стоимости потребительской корзины, чтобы убедить Кира в том, что он своим появлением не создал «финансовых проблем».

— Обязательно освоишь экран, — подбодрил Ник. — Если есть желание, можно начать прямо сейчас. Я научу тебя управлять электронными средствами для чтения. Хочешь?

«Если я буду читать, что будешь ты делать?»

Ник показал на ноутбук.

— Мне нужно на пару писем ответить и поискать информацию про голосовые связи. Поподробнее, чем анатомический атлас.

«А про создание семьи когда?» — не унимался Кир.

— Прямо сейчас. Я хочу тебе предложить почитать одну классическую историю. Правда, история грустная в итоге, но ты воспринимай ее так же, как сказку. Эту вещь написал гениальный драматург пятьсот лет назад. И всё, что он писал про чувства людей, до сих пор актуально.

«Хочу прочитать», — заявил Кир.

— Тогда прилипай к большому экрану, а я сейчас выведу текст. Оригинал на английском, потому что автор — Уильям Шекспир — англичанин. Но я тебе дам очень хороший русский перевод. Это произведение переведено на огромное количество языков. История про двух молодых людей — мужчину и женщину. Их звали Ромео и Джульетта...

Ник успел написать письмо отцу, но когда он открыл емейл от своего интернет-знакомо-го, щелчки клавиатуры стационарного компьютера прекратились.

— Кир, ты уже всё прочел? — удивился Ник, увидав, что тот неподвижно сидит перед монитором.

Кир медленно кивнул, нащупал бумагу и карандаш и написал: *«Да. Хочу еще раз. Как вернуть начало?»*

Второе прочтение длилось вдвое дольше, и Ник приготовился отвечать на шквал вопросов. Однако Кир задал только один: *«Такая сильная связь между людьми — сказка?»*

— Нет, не сказка. Но крайне редкое явление. Или же... — Ник на секунду задумался. — Или же те, кому посчастливилось испытать настоящую любовь — чистое, искреннее чувство, без пошлости, жадности плотских утех и модной атрибутики, не распространяются об этом. Потому что вопить в интернете о своих «глубоких чувствах» — это самая что ни на есть пошлость.

Разговор о семьях как социальном явлении возобновился в гараже, когда Ник перешел к упражнениям, не требовавшим тщательного контроля дыхания. Кир спросил: почему ты один? Ник постарался рассказать свою историю так, чтобы не выглядеть жертвой материнского сумасбродства, но Кир мигом уловил неестественную тональность повествования. Ник согласился, что ему неприятно говорить о себе, и он не хочет, чтобы у друга сложилось искривленное представление о людях, его воспитавших.

«Искривленного не будет, — написал Кир в блокноте. — Криво — когда говоришь не то, что думаешь. Другое криво не бывает. Про себя расскажешь, когда появится желание рассказать. Сейчас объясни про девочку».

— Девочку? — изумился Ник. — Про Стефани?.. Кир, девочка это ребенок женского пола. А Стефани — моя ровесница. Она молодая женщина.

«По уму и чувствам она ребенок, который играет с другими людьми», — возразил Кир, и дописал. — «Зачем она пытается играть с тобой?»

— Видимо, до сих пор надеется, что я ее полюблю минут на тридцать, как две трети парней из школы... Что ты с глазами сделал? Это ты так удивился?

На вылепленной из нитей физиономии глаза доселе были лишь обозначены, но сейчас выглядели как две крупные полусферы под высоко поднятыми бровями.

— Эффектная мимика. И точно в тему, — Ник усмехнулся. — Сейчас, к сожалению, очень многие — особенно, молодежь — отождествляют любовь и секс. Мне это противно, но если живешь в человеческом обществе, приходится терпеть и нравы, и моду, и вывернутые наизнанку понятия.

«Мне показалось, девочка ощущала желание навредить. Причинить неприятности», — с долей сомнения, заметной в движениях, письменно высказался Кир.

Ник в очередной раз убедился, что Киру не нужно знать язык, чтобы уловить суть разговора.

— Мелкая месть это называется, — подсказал он. — Было дело в прошлом году. В школу пришел новый учитель немецкого языка. Немец, прибыл из Германии, чтобы преподавать. Я не хотел записываться на его курс. Вообще старался не афишировать знание языка. Но ему, видимо, в дирекции про меня рассказали. Он затеял разговор на перемене в самом людном коридоре. Так половина школы узнала, что я владею немецким в совершенстве. Потом эта девица — Стефани — подрулила ко мне с просьбой помочь с немецким для контрольной работы. У меня была кое-какая практика репетиторства — работал с ребятами из средней школы по курсу литературы, истории искусств, даже уроки живописи одному мальчику давал.

Ник улыбнулся приятным воспоминаниям, но наткнулся взглядом на вопросительную неподвижность Кира и поспешил вернуться к ускользнувшей теме.

— Я согласился заниматься со Стефани, хотя чувствовал, что просьба — фикция. Ей от меня нужен совсем не немецкий язык. Первое занятие с ней я провел в школьной библиотеке. На второе она не пришла. Я уехал домой, а она позвонила и напросилась ко мне в гости. Я

предпринял кое-какие меры безопасности. Помнишь, ты спросил, зачем на кухонном шкафу стоит коробка со стекляшкой? Этот муляж меня и выручил тогда. Стефани и пять минут не высидела с учебником. Полезла ко мне в штаны. Я показал ей, что инвалидная коляска — не синоним беспомощности, и потребовал уйти. Она пообещала меня оболгать, то есть преподнести ситуацию так, будто я привел ее домой и хотел изнасиловать. Я предупредил, что в этом случае выложу в интернет запись камеры видео наблюдения, и издала показал на муляж. Она так и вылетела за порог в расстегнутой одежде. Потом гадости всякие начала про меня говорить в школе, но на этот пустозвон я внимания не обращал... Ладно, тут я закончил.

Ник руками снял ноги с педалей комплексного тренажера.

— Теперь последнее на сегодня — брусья, — сообщил он и потянулся к коляске.

Кир моментально вырос перед ним в облике «джинна в юбке». Ник озадаченно оглядел плотный конус, натурально стоявший на полу, и перевел взгляд на торс и голову с детально «пролепленными» лицом и с прической. В руках Кир держал открытый блокнот с заготовленным текстом: *«Я поведу тебя. Верь мне»*.

Кабы не вторая часть заявления, Ник принялся бы сомневаться вслух, так как в его представлении весовая нагрузка для Кира была слишком велика, а потому опасна. Так же как для отца, который во время последнего своего визита опрометчиво взялся поддержать Ника физически и едва не сорвал себе спину. Но Кир был уверен в своих силах и просил доверия.

— Ладно. Веди, — выдохнул Ник.

То, что выглядело как юбка-колокол, распалось на бесчисленное количество нитей, и обвил неподвижные ноги, бедра и поясницу. Несколько тонких жгутов перекинулись через плечи, как лямки комбинезона. Пружинный толчок под ягодицы был настолько сильным, что Нику показалось, будто Кир подкинул его в воздух. В следующую секунду он понял, что стоит. Он осторожно посмотрел вниз.

Ноги в жестких штанинах. И неожиданно далекий пол.

Шквал эмоций оросил тело россыпью горячего пота и пошатнул физическое равновесие. Нити тут же стянули торс. Ник усилием воли заставил себя сосредоточиться на упражнении и тем самым погасил неоправданную эйфорию. Правую ногу повело вперед. Ник увидел движение собственной ноги в «штанине-скафандре», а боковым зрением заметил паутину нитей — страховка опиралась на корпус тренажера, стену и установленные поодаль раму со штангой и скамью под ней. Он раскинул руки для поддержания баланса. А чтобы Кир не воспринял его действие как недоверие, поднял вверх оба больших пальца. Кир ответил одинарным «рукопожатием».

Второй шаг. Третий. Самодетельный экзоскелет неплохо имитировал человеческое движение, но огрехи имелись. И Ник спонтанно сделал попытку исправить неестественность самостоятельно.

Знакомое, но давно забытое. Ник не понял, что ощутил — то ли импульс вроде короткого тычка, то ли легкий укол.

— Кир, что это было? — пробормотал он.

Нити крепко сжали правое запястье, а другой свободный пучок указал на брусья, как на конечную цель.

Четвертый шаг. Пятый...

Ник ухватился за перекладины, по привычке вышел в положение «в упор» и дал эмоциям некоторую свободу.

— Кир, я что-то чувствовал! — крикнул он бурлящему ниточному конгломерату, собиравшемуся на полу по мере «стекания» с тела.

Между перекладинами поднялась масса в форме конуса, живо сложилась в «джинна», и голова без лица с чувством кивнула. Ник сморгнул. Кир поднял голову — лицо вернулось на место. Вместе со счастливой улыбкой.

Ник хмыкнул

— Слушай, братец, неужели я так широко улыбаюсь?

Тонкий пучок нитей пощекотал по руке.

— Ладно, будем считать это дружеским шаржем, — согласился Ник и серьезно сказал. — Спасибо, Кирилл.

Зашелестела бумага. Блокнот перелетел через полгаража в открыто-растрепанном виде, шлепнулся на ниточную ладонь человеческого размера, и Кир написал: *«Твоя левая нога двигалась. Один раз. Очень коротко. Но это была твоя энергия. Я не ошибаюсь».*

— Знаешь, что это означает? — шепотом, поскольку боялся радоваться открыто, спросил Ник.

«Это начало восстановления, — написал Кир в ответ. — Я чувствовал твою информацию. Этот путь можно открыть. Я буду помогать. Сегодня. Завтра. Всегда. Ты встанешь».

— Спасибо, — повторил Ник.

* 3 *

Подъем на второй этаж по крутой лестнице Ник осуществлял нечасто, поэтому две доски, служившие рельсами, хранились в подвале, а систему страховки в виде тросов всякий раз приходилось наводить заново. Кир помог достать доски, тщательно ощупал извлеченные из технического шкафа элементы альпинистского снаряжения и выгнул ниточный жгут в «знак вопроса».

— Это для подъема, это для спуска, — Ник показал на разноцветные тросы. — Крепеж наверху есть, нужно только кольцо притянуть сюда на веревочке и пристегнуть к нему трос.

Кир похлопал его по плечу и, когда Ник обернулся, показал на себя, затем лестницу и опять изобразил вопросительный знак.

— Конечно, ты можешь туда подняться, — удивился Ник.

Кир изогнул жгут, изображавший руку, так, будто упирался кулаком в бок, а другим с выставленным большим пальцем потряс в сторону разложенного на полу инвентаря. Новый жест он освоил незадолго до начала уборки, рассматривая юношеские зарисовки Ника в стиле комиксов.

— А это... — Ник осекся и рассмеялся. — До меня дошло. Прости, Кир. Я так привык всё делать один, что и сейчас не подумал про твои возможности.

Очутившись на площадке второго этажа в считанные секунды, Ник осторожно посмотрел вниз. Кабы в доме существовали настоящие камеры видео наблюдения, взлет коляски с пассажиром на большом ниточном клубке выглядел бы киношным спецэффектом. Но сейчас Ника интересовало другое.

— Кир, это было здорово. Но чуть раньше, чем планировалось. Коробки и пакеты для мусора остались внизу.

Кир извлек из своего «шлейфа» упрятанные там блокнот и карандаш и написал: *«Не проблема. Принесу».*

Генеральную уборку в день национального праздника американцев Ник затеял не в качестве акции протеста, а в сугубо практических целях: следовало перебрать вещи своими руками прежде, чем покинуть дом, приобретенный матерью.

«Где ты будешь жить?» — написал Кир на обороте рекламного флаера, который затесался между мусорных пакетов.

— «Мы» для начала, — поправил Ник. — Неужели ты думаешь, что я оставлю тебя одного?

Кир отрицательно помотал головой.

— То-то же, — Ник улыбнулся. — Переедем в столицу штата, там в гостинице проживем до отлёта. Главное, чтобы ты к этому моменту не перерос меня совсем. Иначе под одеждой не уместись.

Кир изобразил смех — мелко потряс головой — и написал: *«Нити — материя для формы. Я — информация. Информация управляет формой».*

— Да? — Ник с сомнением оглядел ниточный шлейф, изображавший сейчас большую и весьма действенную метлу. — По-моему, за сегодняшнюю ночь ты стал больше, чем вся поверхность моего тела.

«Плотность. Жесткость. Регулирую всё. Потому что главное — информация и пути к ней. Если вдруг, — он старательно подчеркнул двумя чертами слово «вдруг», — материи будет больше, чем нужно, я сброшу лишнее».

— Это как? Откажешься от каких-то путей?

«Нет. Все пути теперь в каждой нити. Можно уничтожить всю материю, но если останется одна нить, я останусь жив».

Ник вытаращил глаза.

— То есть ты клонируешь себя с нуля?

«Не клонирую. И не с нуля. Наверное, информация — это неточное слово сейчас, но я не нашел другого. Всё, что я есть сейчас, через минуту, завтра — это есть и будет в каждой нити. Останется одна, и это всё равно буду я».

— Ну а если,... — Ник помедлил. — Это гипотетическая ситуация. Если возникнет смертельная опасность, ты можешь спрятать одну свою нить заранее? На мне, например. Или вообще... Внутри меня? Скажем, в ухе или под кожей. Для страховки.

Кир улыбнулся точь-в-точь как улыбался Ник.

«Я чувствую, как сильно ты хочешь оберегать меня. Но хранить нить заранее не получится. Одна, две, три нити — это не я. Я только целиком. Если целиком — это одна нить, тогда одна нить — это я. Я сейчас покажу».

Ник дернулся вперед, будто собирался вскочить на ноги, когда увидел на однотонном матрасе невостребованной кровати одинокую неподвижную ниточку. Кир выставил перед ним лист с записью: *«Не пугайся!»*

— Слушай, давай без членовредительства!

Кир мягко развернул его голову так, чтобы матрас и нить опять оказались в поле прямого зрения. Ниточка, только что похожая на белую швейную нитку, на глазах посерела, а через несколько секунд рассыпалась пылью.

«Так будет с любой отсоединенной частью материи», — записал Кир.

— Ладно, я понял, — Ник облегченно вздохнул. — И надеюсь, что про твою живучесть никто не знает. Иначе обязательно найдется урод, который вздумает скопировать твои свойства для создания бессмертной армии или ультрасовременного оружия.

Кир перевернул лист, но на лицевой его стороне пестрела реклама автоматического полива газонов, и он быстро отыскал в блокноте оставшуюся чистой страницу.

«Я прочитал книги про войну и политику, которые ты мне оставил. Я понял, почему воевали Наполеон и Гитлер. Но не понял, почему цивилизация воюет до сих пор. Почему люди не используют знания и языки для разрешения конфликтов?»

— Используют и даже успешно. Статью про кризис 1962 года прочел?

«Прочел. Но прочитал историю дальше, и не понял, зачем воевали в других странах после».

— Честно говоря, я тоже много не понимаю, — признался Ник. — Отец однажды сказал: социум — это корявая модель природных взаимосвязей. В природе сильная стая хищников прогоняет слабую стаю с территории ради прокорма и качественного размножения. Прокорм и размножение — инстинкты, заложенный природой в саму сущность любого животного. А в

социуме одно государство подчиняет другое, чтобы провоцировать вооруженные конфликты, сбывать оружие и получать большие деньги. Я потом подумал, что руководитель, который дал приказ вводить войска, фактически приказал людям убивать других людей, может быть по жизни добрейшим человеком для своих близких и лучшим папой для своих детей.

«Он дал приказ потому, что он добрейший человек для близких и лучшей папа для детей, — письменно высказался Кир. — Ради прокорма и качественного размножения. Тот же инстинкт».

Ник перечитал последнюю реплику раз, потом второй и спонтанно передернулся.

— Знаешь, я опять склоняю тебя к моему субъективному суждению, а представление о государствах нужно создавать на базе авторитетных источников.

«Или на большом количестве разных субъективных мнений, — написал Кир. — Я понимаю, это сложные вопросы. Мне сейчас интересно другое, очень простое: для чего эти помещения в доме?»

Ник охотно переключился на тему быта: объяснил, что планировка дома — стандартная, второй этаж — жилой, а комнаты здесь — спальни и «детские».

— До того, как мать этот дом купила, тут жила семья с двумя детьми, — рассказывал Ник, упаковывая старое постельное белье в мусорный мешок. — Эта комната — одна из двух детских. Мать сделала тут склад вещей. В другой детской пусто... Кир, вот этот пакет вытащи, пожалуйста, в холл.

Ник критично оглядел результаты уборки. Кровать и другую немногочисленную мебель, принадлежавшие прежним владельцам, он решил оставить на месте, убедился, что встроенный шкаф опустошен, и выехал в узкий коридор. Кир уже управился с пакетом, и теперь посредством своих бесчисленных щупов «разглядывал» комнату, назначенную гостевой спальней.

— Это для гостей, — подсказал Ник. — Отец тут жил, когда приезжал. В эти новогодние праздники подгадал отпуск так, чтобы и мой день рождения отметить. Знаешь, я, кажется, никогда не радовался так, как тогда.

Кир поднял блокнот на имитации человеческой ладони, другой «рукой» с карандашом быстро записал реплику и развернул листок на Ника.

«Ты рад даже сейчас, когда только вспоминаешь об отце. Я помню это твое чувство. Оно будто разбудило меня, и я стал стараться ощущать тебя».

— Надо же! — Ник растерянно усмехнулся. — Я отмывал руки в ванной, думал про отца и его семью и вдруг заметил тебя на своем локте. Получается, ты с того момента как бы заново родился?

Кир задумался, почти человеческим движением пальцев перевернул лист и взялся за обстоятельный ответ. Ник проехал по комнате, для порядка заглянул в шкаф, убедился, что никаких личных вещей здесь не осталось и оглянулся на Кира. Тот как раз закончил запись.

«Родиться заново — неточная формулировка. Но ты прав: как личность я появился именно тогда. Ты заговорил со мной с такой же теплотой, с какой думал о дорогих тебе людях, и я избрал пути развития себя. Выбор — сознательное действие. На момент выбора я имел развитое базовое сознание. Когда и как оно сформировалось, я не знаю. Я не смог восстановить пути к этой информации. Наверное, базового сознания не достаточно для управления информацией. База нужна только для того, чтобы сделать выбор».

— Ты хочешь сказать, что мог бы определить свою сущность по образу и подобию любого живого объекта? — удивился Ник.

Кир кивнул.

— Даже дерева?

Кир поразмыслил пару секунд и написал: *«Теоретически, да. Практически — не вижу смысла в таком выборе».*

— А я вижу, — азартно начал Ник. — Вот тебе абстрактный пример: кто-то твоего вида развивается как дерево, чтобы дожидаться благоприятных условий для создания себя на подобии чего-то другого.

«Ничего не выйдет, — быстро настрочил Кир и пояснил. — Выбор делается один раз в жизни».

— То есть ты человек — навсегда?

«Моя сущность формируется по образу и подобию человека», — письменно уточнил Кир.

— Здорово, — тихо порадовался Ник. — А форма? Ты тщательно копируешь мое лицо и фигуру. Это тоже навсегда?

«Я делаю это сознательно, потому что мне симпатичен твой облик, а тебе нравится, что я тебя копирую», — без промедления ответил Кир.

— Нравится, — признался Ник. — Но абсолютно одинаковых людей не бывает. Даже у монозиготных близнецов полно различий.

«Понимаю. Я составлю собственный облик, когда наберусь опыта оформления материи. Но прежде я должен развить пути так, чтобы создать точную копию человеческого тела. Поэтому какое-то время я останусь очень похожим на тебя. Ты ведь не против?»

— Нет, конечно! — воскликнул Ник, чуть только Кир показал ему лист с ответом. — Оставайся похожим навсегда, я только рад буду. И, кстати, сходство может здорово пригодиться, когда будем искать методы идентификации тебя в обществе. Я пока не представляю, как сделать тебе документы. Я даже отцу не хочу пока про тебя говорить. Но рано или поздно вопрос встанет, и тогда мы с тобой прикинемся близнецами.

Последняя комната на жилом этаже была самая большая и хорошо меблированная. Кир привычно «потек» по стенам, дабы определить кубатуру, но остановился на полпути и с озадаченной миной на лице собрался в «джинна» между этажеркой и трюмо.

— Это спальня моей матери, — пояснил Ник, кисло оглядывая плацдарм предстоящих уборочных работ. — Она приезжала с большими чемоданами, жила по несколько дней и уезжала налегке, иногда даже без «до свидания»... Ну и бардак!

Кир ощупал ближайшую мебель, сунулся в шкаф, оценил количество и размещение предметов одежды на полках и вешалках, вернулся к Нику и состряпал на лице точную копию его нахмуренной физиономии.

— Ты прав: мешков для этого всего не хватит, — пробормотал Ник.

Кир медленно-медленно изогнул жгут-щуп в знак вопроса.

— Как я понял, о чем ты подумал? — уточнил Ник без особых эмоций. — Твои щупальца в коридоре перебирают пакеты. А вывод тут очевидный. Ладно, тащи сюда коробки. Все, какие найдешь в подвале. Дорогие вещи сложим аккуратно, а остальное разнообразие — в мусор.

Ник по достоинству оценил помощь Кира с его вездесущими нитями и признал для себя, что в одиночку на разбор этой комнаты у него ушло бы не два часа, а два полных дня.

«Тебе пора обедать», — письменно напомнил Кир, хорошо ощущавший теперь течение времени.

— Давай сначала закончим тут. Дел осталось на пятнадцать минут.

«Я подниму тебя сюда в любое время, как только пожелаешь», — живо настрочил Кир огрызком карандаша.

— Спасибо. Вот только подниматься сюда еще раз мне не хочется, — признался Ник. — Мешки остались?.. Во, как раз одного и хватит, — он открыл ящик будуарного столика. — Это всё мусор. Срок годности давно вышел... Что это такое? Косметика. Этим только женщины пользуются.

Кир быстро ощупал несколько баночек и взялся за блокнот.

«Здесь есть полезные для меня вещества. Срок годности мне фиолетово. Можно?»

Ник рассмеялся.

— Можно, конечно. Но как ты запомнил — «фиолетово»? Я, кажется, только раз или два при тебе так говорил.

«Мне понравилось. И очень понравилось, когда почувствовал за словами образ», — ответил Кир.

После «употребления» тонального крема на дне баночки остался белый сухой порошок.

— Ты впитал красители и жиры, — прокомментировал Ник. — Слушай-ка, Кир, может, тебе больше масла нужно? Я ведь использую только растительное, а есть и сливочное, животный жир.

«Не беспокойся о моем питании, пожалуйста. Если что-то специально потребуется, я обязательно тебе скажу. Это я использовал как образец для создание цветовой гаммы. Не вещество — метод. Я не намерен всю жизнь уподобляться ходячей гипсовой статуе. Я сделаю естественный человеческий обли...»

Ник читал ответ в процессе написания, а потому очередную и финальную полочку карандаша наблюдал в реальном времени.

— Погоди, тут где-то была шариковая ручка.

Он потянул частично заполненный мешок на колени, не заметив, что край подвернут внутрь. Только что собранный мусор шумно посыпался на пол.

— У-ё! — с досадой воскликнул Ник.

Кир выставил ладонь в жесте «стоп» и чуть ли не разом собрал все упавшие предметы, в том числе то, что успело закатиться под тумбочку. Ник извинительно пожал плечами, нашел авторучку и тут заметил в щупальце Кира блестящее колечко с миниатюрным камушком. Кир с интересом ощупал новый предмет и приложил его к своему уху.

— Точно. Это сережка, — подтвердил Ник. — Мать потеряла ее здесь в прошлом году.

Кир показал под тумбочку.

— Там валялась?.. Понятно. Кажется, это кубический цирконий в серебре. Не ахти какая ценность, но выбрасывать не хочется, — Ник взял серьгу и спохватился. — Кир, погоди. Откуда ты знал, что такие украшения носят в ушах? Увидал на Царь-девице с иллюстрации?

Кир отрицательно помотал головой и медленно, будто раздумывая, провел жгутом-пальцем по серьге на ладони Ника. Затем быстро подцепил валявшийся на кровати блокнот и с третьего раза — стержень в ручке слегка подсох — нацарапал ответ: *«Я щупал очень похожее украшение. Это обрывок информации. Полной нет. Но я знаю точно: я прикасался к похожему предмету»*. Он замер на несколько секунд и уверенно дописал: *«Я схватил и дернул серьгу. Человек — женщина, очевидно — испугалась и отпрянула. Это всё, что сейчас могу собрать из памяти»*.

— Это очень много для начала, — осторожно заметил Ник. — Если ты схватил, значит, она поднесла тебя к лицу.

«Нет. Я был больше по объему. Больше, чем когда ты меня нашел, но несравнимо меньше, чем сейчас».

— Получается, ты потерял часть объема?.. И что с той частью стало? То же, что ты мне показал на одной ниточке?

Кир кивнул и дописал: *«Сознание было базовым, а распределение путей не стабилизированным. Поэтому вместе с материей я потерял и информацию»*.

— Пути потерял, а не информацию, — решительно возразил Ник. — А пути, как мосты, их можно заново навести.

«Ты не совсем прав, но будем надеяться, что в данном случае твое желаемое станет действительным, и я вспомню что-то еще».

Ник хохотнул.

— Где ты таких оборотов нахватался?

«Я прочитал всё, что ты мне оставил открытым на ночь. Я учусь комбинировать в своей речи то, что понравилось из текстов».

На плановой тренировке Ник получил от своего организма новый приятный сюрприз — одномоментная чувствительность проявилась в правой ноге. Кир на радостях «повел» его на второй круг по гаражу. Количество не превратилось в качество, однако Кир заявил, что нащупал одному ему ведомые «пути» и проиллюстрировал открытие — прошелся щупальцем по позвоночнику Ника в стиле щипкового массажа. Ник взвился от неожиданно чувствительной щекотки и в шутку попытался скрутить массажиста за жгуты-руки. Кир подыграл, но очень скоро борьба закончилась на полу, причем Ник был спеленат как куколка по рукам и ногам.

В ванной Кир написал на запотевшем зеркале: *«Ты взмок на тренировке больше, чем вчера».*

— Парко в воздухе, — отозвался Ник. — Гроза собирается. Слышишь, вдалеке гремит? Нет? Ладно, окно откроем, уловишь.

Когда оба вернулись в жилую комнату, гроза была уже не вдалеке, а непосредственно над городом.

— Эх, испортит людям праздник, — посетовал Ник. — Сейчас горожане собрались в парке на традиционные тут фейерверки.

«Ты не празднуешь вместе с местными жителями, но беспокоишься о них», — написал Кир в новом блокноте, приобретенном специально для него накануне.

Знака вопроса в предложении не было, но Ник расценил реплику как неявный вопрос.

— Я не гражданин Америки и никогда им не буду, но я живу рядом с этими людьми. Если они довольны и счастливы, почему бы не порадоваться за них? К тому же моя мать всю жизнь стремилась стать американкой. Ее мечты и желания мне следует уважать.

«Про людей ты говоришь от души, а про мать — от ума», — мигом среагировал Кир.

Ник усмехнулся.

— Подловил, — признался он. — Честно говоря, я пытаюсь сознательно создать в себе чувство уважения к матери. Я должен заставить себя не держать на нее обиды. Ни капли, понимаешь? А это очень непросто для меня.

Кир осторожно выгнул свободный пучок нитей в знак вопроса.

— Почему должен или почему непросто?.. Должен потому, что она моя мать, она дала мне жизнь, а позднее вложила в моё образование много денежных средств. Для нее финансирование и забота — одно и то же. Таково ее мировоззрение. А не обижаться на нее мне трудно потому, что она властвовала надо мной. Сейчас с позиции взрослого... ну, или почти взрослого человека я начинаю понимать, откуда у нее такое отношение к собственному ребенку. Она сама выросла в семье, где ее отец — мой дед — жестко держал бразды правления. Никто не смел ему перечить. Так мать однажды сказала. По ее отдельным репликам я понял, что дед фактически отрекся от нее, как от позора семьи, а ребенка — меня — заставил отдать ему и бабушке на попечение. Я хорошо помню деда — могучий сибиряк, строгий, справедливый. Этаким Мужик с большой буквы. Я его обожал. Но мне было только восемь лет, когда он погиб. Понятно, что я не видел обратную сторону его домашнего тоталитаризма. Что? Почему погиб? Нет-нет, не на войне. Несчастный случай на работе. Он был мастером в железнодорожном депо. Что-то случилось с вагоном во время ремонта, и его раздавило насмерть. Зимой, уже после его похорон, мать приехала из Германии — она там вышла замуж за отца. И забрала меня у бабушки. Я и на бабушку тогда обиделся за то, что она отдала меня чужой тетке. Я ведь мать вообще не знал до того дня.

«Почему позор семьи? — быстро написал Кир. — Она убежала с твоим отцом без родительского благословения?»

Ник улыбнулся, уловив аллюзию на героев «Войны и мира».

— Без благословения, это верно. Хотя сейчас такие слова уже не используют. Но всё еще сложнее. Мой немецкий папа — он мне не кровный отец. Про биологического отца я ничего не знаю. Его даже в документах нет. Вроде бы мать как-то раз сказала, что влюбилась в заезжего музыканта из эстрадного ансамбля, будучи еще школьницей. Дед расценил ее поступок как неприкрытый разврат.

«И ты с ним согласен», — констатировал Кир.

— Честно? Да, согласен. Меня она называла «плод юношеской страсти». И это меня тихо бесит даже сейчас... Ладно, я не имею права судить мать за свободу нравов. Почему отец сделал ей предложение, я не знаю. Он рассказывал только, что познакомился с ней, когда работал в России, и что ему очень понравились ее оригинальные работы — она была уличным художником, рисовала портреты желающих буквально за 5-10 минут. Когда меня привезли в Германию, отец сразу оформил усыновление. Вот почему у меня фамилия Фогель и европейские документы. А сюда, в Америку, мать меня притащила, когда нашла себе американского мужа, а с отцом развелась. Законодательно я обязан был следовать за ней, потому что был несовершеннолетним. Если бы она от меня официально отказалась, я бы остался с папой в Германии как усыновленный ребенок. Но я нужен был ей в Америке как модный аксессуар и основание для получения денежного пособия. Я вынужден был ей подчиняться и даже привык к ее власти. Но когда она потребовала, чтобы я написал прошение на получение американского гражданства, я сказал — нет. Тут такие громы-молнии гремели! — Ник взглядом показал на пространство комнаты и кивнул на окно. — Прямо как реальная гроза. В конце концов она заявила, что сын-неамериканец ей не нужен, хлопнула дверью, и больше я ее не видел.

Кир взялся, было, за карандаш, но передумал. Ник подхватил пучок нитей из шлейфа в кулак и дружески встряхнул.

— Нет худа без добра. Борьба с обстоятельствами закаляет волю и тренирует мозг. А теперь мы с тобой встретились. Это же здорово, правда?.. Как отблагодарить мать за оплаченное образование, я придумаю. И надеюсь, она когда-нибудь поймет, что ребенок — не собственность родителей, он имеет право на свой выбор в жизни.

Грозовой разряд на несколько мгновений озарил комнату белым «дневным» светом. Гроыхнул гром. Кир мигом подобрал все свободно болтавшиеся жгуты и нити и сжался в жесткую фигуру, не потеряв при этом форму. Получилось, что на столе перед Ником сидит парень со змеиным хвостом.

— Ого, как шандарахнуло? — Ник с опаской посмотрел в окно. — Давай-ка компьютер выключим от греха подальше... Кир, ты грозы испугался? Нет? Но ведь тебя что-то насторожило сейчас.

«Дежа-вю, — быстро написал Кир. — Вспышка. Не люблю вспышки. Я уже ощущал молнию».

— Твои нити не проводят электричество, — заметил Ник. — Помнишь, я тебя из розетки выдернул? Если бы ты проводил ток, мне бы достались все 240 вольт, а это совсем небезобидно.

«Молния действительно может убить человека?»

— Запросто. И случаев таких полно. Что тебя беспокоит?

«Я легко управляю электропроводностью моей материи сейчас, но не помню, какие свойства имел раньше. Вспышки света раздражают. Даже холодильник с лампочкой сначала очень напугал. Вспышка молнии вызвала панику. Было много звуков, и человеческий крик. Изменилось ощущение пространства. Я нащупал щель и сбежал».

— Нет, погоди... — Ник заговорил прежде, чем придумал, что сказать. — При чем тут твоя электропроводность? Если молния попала в помещение, это не твоя вина! И ты был во-от такой, — он сложил пальцы так, будто держал яйцо. — Ничего смертельного ты в принципе не мог наделать!

«Мог притянуть электрический разряд», — быстро написал Кир.

— Глупости! — заявил Ник. — Не выдумывай вину на свою голову. Если то, в чем тебя держали, грохнулось и разбилось, ты ни при чем. Хорошо, что сбежать успел.

«Да, очень хорошо», — согласился Кир и вылепил на физиономии улыбку.

На следующий день Ник планировал порадовать Кира знакомством с красотами местной природы, однако утренний емейл от заказчика смешал все планы. Кир пресек попытку извинений активной жестикуляцией и написал, что с удовольствием понаблюдает за обычным рабочим днем.

— Совсем недавно обычные мои дни были заполнены учебой, а на работу отводилось всего несколько часов, — сообщил Ник, сортируя текстовые файлы на ноутбуке, который собирался предоставить Киру.

«Ты будешь продолжать учиться в Германии?» — задал вопрос Кир.

— Обязательно. Я накопил достаточно финансов для оплаты учебы. Собственно, в колледж искусств меня уже приняли по итогам онлайн-тестирования. Учебный год начнется в сентябре. Но не уверен, что хочу посвятить свою жизнь работе художника-дизайнера. Раньше мечтал о работе биохимика, но увы... Почему «увы»? Потому что коляска, — Ник невесело усмехнулся. — Учиться на колесах кое-как можно, хотя даже в школе меня всячески выпихивали с углубленного курса химии. Я не поддался, но понимал, что создаю массу проблем на практических занятиях. И уж точно, никто не возьмет инвалида-колясочника в штат серьезного института. Вот когда встану, тогда и буду размышлять о своих возможностях на поприще биологии.

«Музыка?» — уточнил Кир.

— Это просто хобби. Чтобы стать профессиональным музыкантом, как тётя Ханна, например, нужно заниматься только музыкой. Это не в моих интересах... Вот, смотри. Я открыл тебе файлы по списку. Этот экран нормально распознаешь?

«Не волнуйся, приспособлюсь», — ответил Кир. — *«На твою работу смотреть можно?»*

— Конечно. И болтать можно. Мне же не задачи решать нужно, а всего лишь три локации нарисовать. Правда, во всех деталях, в форме панорамы и за два дня, но это мы уже проходили.

Настаивая на двухдневном сроке выполнения аврального заказа, Ник учитывал время, необходимое для общения с Киrom. И был очень удивлен, обнаружив, что несмотря на неизбежные перерывы в работе он успел сделать гораздо больше, чем планировал. Нечаянным открытием он поделился во время обеда.

— Ты помогаешь мне, даже когда только присутствуешь рядом, — закончил Ник сумбурный монолог.

«Я очень рад это слышать», — написал Кир. — *«Я не понимаю, как устроено человеческое сознание в деталях, но я старался вклиниваться с вопросами только в те моменты, когда ощущал, что твои мысли сбиваются с ритма и теряют темп»*.

— Ого! — вырвалось у Ника. — Это типа биоритмов. Я читал про методы регулирования качества ручной работы. Утверждается, что мозг оптимально работает над одной темой ограниченное время, затем требуется пауза — переключение на другую тему. Временная характеристика для каждого человека индивидуальна, но попадает в определенный диапазон. Поэтому на предприятиях, где используется ручной труд, регулируют скорость конвейера в

соответствии с усредненными значениями биоритмов и таким образом достигают высокого качества продукции.

Они вернулись в комнату в приподнятом настроении и возобновили каждый своё занятие: Ник — выполнение заказа на графическом планшете, а Кир — чтение произведений мировой литературы, перемежаемое с освоением поисковых аппаратов электронных словарей и энциклопедий. Через тридцать две минуты — Ник для себя засекает время своих «биоритмов» — Кир обратился к нему с просьбой найти нечаянно закрытый файл. Однако следующее подергивание за рукав состоялось через семнадцать минут. Ник хотел, было, удивиться вслух, но увидел причину обращения и поспешно развернул коляску к тумбочке с ноутбуком: по скайпу его вызывал отец.

Кир знаком уточнил, какое пространство попадает в область захвата видеокамеры, и, решив не рисковать, переместился на подоконник — за тыльную сторону аппарата.

— Хочешь на отца посмотреть? — быстро спросил Ник. — Вот это место на корпусе не закрывай, это камера, а экран шупай.

И он принял вызов.

Сеанс видео связи протекал как обычно, но в какой-то момент отец заметил: ты выглядишь счастливым. Ник чуть было не ляпнул — я встретил друга, но вовремя прикусил язык и сообщил, что начал готовиться к отъезду. Карл Фогель подсказал: отправь часть вещей почтовой посылкой. Ник обрадовался, ответил, что обязательно воспользуется этой идеей, и перешлет ценные книги и папки со своими художественными работами. Отец одобрил содержательную часть и посоветовал не затягивать пересылку.

Отключив скайп, Ник вопросительно посмотрел на Кира. Тот «стек» на стол и выложил перед Ником открытый блокнот с заготовленным текстом.

«Мне понравился твой отец. Он такой же чуткий и добрый как ты. Между вами есть единство. Это я почувствовал даже через искусственный звук из динамика. Я не понял слов, но почему-то знаю, о чем вы говорили. Я принял его информацию через тебя. Когда ты разговаривал с другими людьми — с шерифом, со знакомыми на улице, с менеджером в магазине, я не ощущал ничего подобного. Проверь моё понимание, пожалуйста. Твой отец упоминал людей, которые тебе дороги, одно упоминание вызвало у тебя приятное удивление, другое слегка расстроило».

Ник прочёл аккуратный текст на странице блокнота и восхищенно прищелкнул языком.

— Всё-таки ты как-то читаешь мысли!.. Ладно-ладно, не будем спорить на эту тему. Я просто поясню твои выводы. Отец действительно говорил о дорогих мне людях — о своих родственниках, которых я очень люблю. Я немного удивился, когда он сказал, что встречать меня желает вся семья. Это не очень-то просто, потому что дядя со своей женой и детьми живут в столице, а тётя Ханна недавно вышла замуж и уехала в Гамбург. Но они все намерены приехать в гости в дом бабы Лизы, где живет отец. А расстроило меня то, что в это воскресенье баба Лиза в скайп не выйдет — она уехала с семьей дяди Филиппа отдыхать на море. Но это пустяки. Скоро встретимся, тогда и наговоримся.

«Твой отец говорит по-русски?» — спросил Кир.

— Да, совершенно свободно с раннего детства. Он плотно работает с русскими искусствоведами, статьи пишет на русском, читал лекции для студентов в Санкт-Петербурге. Тётя Ханна тоже неплохо говорит, но пишет с ошибками. Дядя Филипп — тот только в общих чертах понимает. А для бабы Лизы русский — родной. Она преподавала язык в университете. И мне преподавала. Дома. Это она научила меня учиться. Благодаря ей, я легко сдал тесты для поступления в среднюю школу в Германии, хотя в немецкой младшей школе не учился ни дня.

«Ты общаешься с родственниками в России?» — написал Кир.

Вопрос был задан как будто очень острожно, и Ник постарался ответить так легко, как мог:

— В России у меня оставалась только бабушка. Я несколько раз писал ей почтовые письма на адрес, который помнил с детства. Но ответов не было. Боюсь, бабушки уже нет в живых. Я решил так: получу образование в Германии, подниму себя на ноги и обязательно вернусь в Россию. Отец меня поддержал. А баба Лиза сказала: «Когда час настанет, моя душа за тобой на Родину вернется». Надеюсь, ее час настанет нескоро. Ну а нам с тобой предстоит учиться.

Кир понимающе кивнул и написал:

«Мне нужно знать немецкий. А тебе нужно подумать, как сказать про меня отцу».

— Придумаем, не проблема, — заверил его Ник. — С немецким давай так: закончу работу, и проведем общее знакомство с азбукой. Потом будем чередовать языки общения: день русский, день немецкий.

«У немцев другая азбука?» — медленно вывел Кир.

— У них — латиница, у нас — кириллица. И здесь, у американцев, латиница... Что, испугался?

Ник сдвинул в горле смешок, глядя на копию своей физиономии с миной выразительной растерянности.

«Сначала я сделаю голос, а потом будем заниматься немецким», — ответил Кир на листе блокнота.

На следующее утро Ник, проснувшись, не обнаружил Кира в комнате. Трижды внимательно оглядев стены, мебель, пол и даже потолок, он передислоцировался с кровати в коляску как был — в пижамных штанах и в майке — и выехал в зал. В столовой-тире-гостиной и в кухонном углу тоже не оказалось никаких признаков замаскировавшегося мимика.

— Кир, — позвал Ник вслух. — Кирилл! Если это утренняя шутка, то считай, что она удалась. Я тебя не вижу!

Некий неопределенный звук донесся из-под пола, и Ник по-настоящему испугался.

— Кирилл, где ты? Что с тобой? — выкрикнул он и выкатился в холл.

Приоткрылась подвальная дверь, и снизу вверх по лестнице и стене потекла ниточная масса.

— Ты меня напугал, — выдохнул Ник, когда из массы вылепилась знакомая фигура.

Кир извинительно пожал плечами.

— Что ты там делал? — Ник кивнул на подвал.

Кир выставил руку в жесте «подожди секунду», сместился по стене под арку и запустил через весь зал три толстых жгута нитей. Два жгута вернулись с блокнотом и карандашом. Третий долго рыскал в комнате и, наконец, приполз по полу вместе с оторванным из блокнота листком.

«Я тренируюсь в подвале» — прочитал Ник на этом листке.

— Погоди. Это для меня записка была? Я ее не заметил.

Кир виновато опустил голову и написал в блокноте: *«Положил тебе на грудь поверх одеяла».*

— Ага, понятно, — Ник облегченно вздохнул. — Зачем тебе понадобилось закрываться в подвале? Что за тренировка...?

Тут Ник осекся, ибо моментально и четко увидел причинно-следственные связи.

— Ты голос тренировал? Чтобы я не слышал?

Кир кивнул и отвернулся.

— Эй, погоди. Что случилось? Изобрази!

Кир отрицательно мотнул головой и быстро написал: *«Ничего не получилось».*

— Кир, так не бывает, — Ник ухватил его за руку, сплетенную из ниточных жгутов. — Ясно, что нахрапом такие модификации не делаются. Но промежуточный результат ты получил. Я слышал звук похожий на гудок.

Кир качнулся вверх-вниз, и Нику показалось, что он вздохнул.

«Это и получилось, — написал он. — Звук волынки. Но не голос. Не понимаю, чего не хватает».

— Сейчас разберемся, — уверенно пообещал Ник.

Сначала Кир попытался описать своё изобретения словами, затем изобразил в графической форме, и, наконец, догадался показать в натуре. Ник рассмотрел тонкие трубки разных диаметров, сотканые из нитей и упрятанные в такую же ниточную капсулу, служившую мехами, тактильно оценил упругость конструкции и нащупал те волокна, которые призваны были моделировать голосовые связки, но с задачей не справились.

— По-моему, ты пытаешься и имитировать, и конструировать, — заметил Ник. — Я бы на чем-то одном остановился. Если уж конструкция, то конструкция, и думать, как моделировать слова. А если имитация гортани, то от начала до конца, весь комплекс от легких, до языка и зубов.

«Имитация», — написал Кир и с чувством подчеркнул свое решение.

Пока Ник наводил лоск на законченную работу и готовил файлы к отправке, Кир, освоивший принципы поиска в рунете, старательно распознавал иллюстрированные статьи. Ник не всматривался в экран ноутбука, поскольку сквозь ниточную пелену экран выглядел издали как размытое светящее пятно. Но пришло время отправлять файлы заказчику, и Ник попросил Кира дать ему ноутбук на пару минут.

— Ты кого препарировать собрался? — вырвалось у него, чуть только он бросил взгляд на заголовок открытой статьи.

«Лягушку», — письменно ответил Кир.

— Да? — с сомнением переспросил Ник и бегло просмотрел статью. — Тут говорится про исследование легких. Ты, конечно, без проблем ощупаешь любую мелочь, включая потроха лягушки, вот только что это даст? Тебе же нужен человеческий голос, а не лягушачий квак. И не забывай, что центр речи у человека в мозгу.

«Центр речи у меня уже есть, потому что есть желание говорить и есть избранный путь развития, — быстро написал Кир. — Мне не хватает понимания материальной части».

— Сделай на мне воротник из своих нитей и изучай движение гортани хоть весь день, — вдруг придумал Ник.

«Это опасно», — возразил Кир.

— Если не сжимать, то ничего страшного. Давай попробуем.

Опытным путем Кир определил допустимую силу давления на человеческое горло, но Ник утверждал, что «планка занижена».

— Чтобы придушить человека, нужно раз в десять сильнее давить, — объяснял он, извлекая папки и тетради из комода. — И даже так будет несмертельно.

«Казнь через повешение. Разве это не петля-удавка?» — спросил Кир.

— Петля-удавка. Но смерть наступает не от удушья, а в результате перелома шейных позвонков... Так, Кирилл, глянь-ка сюда, — Ник показал стопку, приготовленную для упаковки и последующей отсылке почтой. — Тут мои рисунки. Это всё ты уже видел. Атлас анатомии для художников тебе пригодится?....

Жгут-рука показала на компьютерный угол.

— Ладно, ясно, — Ник улыбнулся. — Там действительно всё есть. Теперь вопрос о словаре и Коньке-Горбунке. Я могу отправить это отдельно непосредственно перед отъездом...

Кир остановил его жестом и отрицательно покачал головой.

— Неужели ты всё запомнил дословно? — удивился Ник.

Кир ответил письменно: *«Сказку — да. Словарь — нет, но теперь я знаю, как искать в интернете то же самое».*

Ник тепло посмотрел на свою детскую книжку.

— Что ж, пусть опять отправляется в почтовый путь... Почему «опять»? Эти две книги попали в Америку почтой. Баба Лиза прислала уже сюда, в этот дом. Словарь Ожегова — ее книга, она мне подарила. А Конёк-Горбунок вообще отдельная история. Это единственная моя вещь, которую я привез в Германию из России. Я помню, как старательно собирал в дорогу ранец: любимые книги, альбом и карандаши. А мать сказала: это мусор, у тебя будет фирменное, — и вытряхнула, всё, что я упаковал. Кроме «Конька-Горбунка». Книга неформатная, застряла и не выпала. Бабушка вмешалась, что-то матери наговорила, я не слышал. Мать позволила взять ранец. А книжку внутри не заметила. Так и приехал Конек в Германию нелегалом. Я эту историю только бабе Лизе рассказал, и то не сразу. Наверное, она отцу передала, но это уже не важно. Куда ранец делся, не помню. А книжку эту баба Лиза сохранила и потом мне переслала.

«Твоя мать — удивительная личность, — написал Кир. — Похожа на героиню «Унесенных ветром»».

— Эта героиня — ее идеал с детства, и она это никогда не скрывала, — усмехнулся Ник. — Меня другое в ней удивляет: талант, хватка, шарм — всё при ней, но всё это заточено на создание личного благополучия.

На почту Ник отправился сразу после обеда в «супер костюме» под брюками и рубашкой. Кир, как и утверждал, без каких-либо проблем разместился на его теле несмотря на возросший объем. Проблема возникла непосредственно в зале почтового офиса: работник демонстративно отвернулся, чем выразил свое нежелание помогать инвалиду. Нику пришлось изощряться, чтобы извлечь объемные пакеты из багажной сумки за спинкой коляски, и Кир с огромным трудом удержал себя в состоянии неподвижного невмешательства. На последнем этапе, когда Кир готов был высунуть щупальца, чтобы достать последний пакет, подоспела нежданная помощь в лице толстощекой миссис Грейс. Моментально оценив обстановку, она походя достала сверток из сумки и сунула в руки Нику, после чего учинила громогласный разнос бессовестному приёмщику. Упаковка посылочного ящика и оформление отправки проходили под ее пристальным надзором, но на удачу Ника весь процесс, включая оплату, закончился до того, как в офис прибежал начальник почтового отделения, которого возмущенная миссис Грейс выдернула с субботнего пикника телефонным звонком.

— Похоже, парень вылетит и с этой работы, — еле слышным шепотом сказал Ник для Кира, когда отъехал от почты на приличное расстояние. — Это хорошо известный в городе лоботряс. Нигде дольше трех месяцев не продержался... Хочешь, прокатимся до речки? Тут есть место, где я могу подъехать к самой воде. Погода пасмурная, народу мало. Хочешь?

Одинарное «рукопожатие» было коротким, но очень сильным.

В тени огромного старого вяза царил влажный сумрак. Вода в узенькой речке вяло шуршала в такт шелесту листвы, тяжелое небо едва-едва просматривалось за завесой широкой кроны, и казалось, что город, люди, автомобили остались далеко-далеко, за незримой границей. Ник с улыбкой наблюдал, как Кир плещется в речной воде в облике полупрозрачного кальмара. Иногда он исчезал из вида — сливался с донным грунтом или

«растворялся» в воде в форме огромного количества тончайших нитей. Однако его присутствие Ник ощущал прекрасно, поскольку едва заметный глазу жгут крепко обвивал правое запястье. Присмотревшись к береговому песку под колесами коляски, Ник определил, что и ноги его опутаны прозрачными щупальцами.

Проплывавший по воде сучок застыл вопреки всем законам физики, а через несколько секунд и вовсе исчез. Ник беззвучно посмеялся.

— И как тебе на вкус деревяшка? — еле слышно спросил он.

От «браслета» отделились несколько нитей и сложились в букву «о».

— Неужели понравилось? — удивился Ник.

Из воды вынырнула щепка, и практически невидимая щупальца вывела на песок: «Пригодится».

— Сотри сейчас же! — зашипел Ник сквозь зубы. — Вот так. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь случайно увидел здесь русскоязычный текст.

Купание закончилось, стоило только Нику подумать о возвращении домой. Кир быстро разместился на человеческом теле, причем ни капли воды Ник на себе не ощутил.

— Я вот что подумал про твою писанину, — тихо начал Ник, вырубив из-под полога естественного шатра в постную городскую реальность. — Бумагу ведь тоже нужно как-то уничтожать. Просто в мусор не выкинешь. По закону подлости именно пакет с бумагой не вовремя порвется, или какой-нибудь мусорщик сунет туда нос. Шредера у меня нет, а если куплю сейчас, могут вопросы возникнуть... Что? Переездом прикрыться? Можно, конечно. Но не рассказывать же на каждом углу, что собираюсь уезжать. Про мои планы знает только шериф Джонсон. Сжигать бумагу негде. Камина нет, а в доме нельзя даже порционно. Миссис Грейс обязательно запах почует и примчится выяснять, что случилось. В общем, это открытый вопрос... Ого, а тут дождина, оказывается!

Неожиданное открытие Ник сделал на улице, ибо в тени деревьев дождь ощущался как слабая морось. Передвижение Кира под рубашкой он почувствовал, но ни щекотки, ни прочих неприятных ощущений не было и в помине.

— Ты что делаешь? — Ник с опаской посмотрел по сторонам, потому что Кир выполз из-под воротника на голову и плечи. — Ты зонтиком хочешь прикинуться?.. Нет? А, понял, плащом. Слушай, а ты уверен, что это хорошая идея?.. Я-то дождь переживу, а если тебя заметят?

Похлопывание по плечам означало, что Кир призывает осмотреть себя. Ник осмотрел. Увидел свою рубашку — рукава, карманы, пуговицы, — но не разглядел ни единой нити. Слегка шевельнулась ткань штанин в области колен.

— Ты меня всего поверх одежды обвил? — уточнил Ник, получил утвердительный ответ и улыбнулся. — Ладно, едем домой с комфортом. Спасибо!

Дома он обнаружил, что Кир обеспечил защиту от дождя не только ему самому, но и инвалидной коляске вместе с багажной сумкой.

— Это уже не дождевик, а целая плащ-палатка! — посмеялся он.

Кир выразил согласие глубоким кивком.

После тренировки в гараже-спортзале Кир вознамерился опять уединиться в подвале, чтобы использовать на практике информацию, которую собирал в течение дня, пребывая в форме воротника-стойки на шее Ника.

— Зачем тебе сейчас прятаться? — искренне удивился Ник. — Звукоизоляция такая, что петь в полный голос можно и с улицы никто не услышит, если окна закрыты... Ты меня стесняешься?.. Ты чего, Кирилл! Ты же учишься! Стесняться ошибок во время учебы — только себе вредить. Тем более я тебе не чужой.

Кир помялся, но согласился экспериментировать со звуками в комнате.

Ник открыл ноутбук, чтобы ознакомиться с новостными сайтами, однако начал не с местного, а с немецкого, рассудив, что теперь, когда до отъезда оставалось меньше месяца, приоритеты следует изменить. Таким образом, на втором месте оказалась лента русских новостей, а на американские времена не хватило, поскольку Кир приступил к практическим занятиям.

Ник узнал в гудящих завываниях попытку продекламировать русский алфавит, но не понял, почему Кир не сумел произнести ни одного твердого звука.

— Давай вместе и не так быстро, — предложил он. — Начнем с того, что получается — с гласных.

Все гласные Кир воспроизвел со второй попытки безошибочно. Но ни одной согласной выговорить не смог.

— Кир, покажи-ка мне, как ты оформил ротовую полость, — предложил Ник.

Кир послушно открыл вполне человеческий по форме рот. Ник аккуратно провел пальцем по имитации зубов и вздохнул.

— Кир, зубы — кость. А ты себе сделал вторую пару губ. Они более упругие, но все равно не твердые.

«Понадеялся, что этого достаточно», — написал Кир в блокноте.

— А реальную твердость обеспечить можешь? — с надеждой в голосе спросил Ник.

Кир кивнул и письменным пояснил: *«Не будет оперативности при перестроении формы. Придется либо оставлять челюсти неизменными, что само по себе снижает качество метаморфоз, либо после каждой трансформации тщательно лепить заново, что будет занимать около десяти минут при нынешнем объеме путей».*

— Погоди, — Ник внимательно осмотрел копию своего лица в ниточно-плетеном виде. — Люди без зубов могут говорить. Дикция меняется, но это не критично. Наверное, я ошибаюсь, и дело не в зубах, а в плотности всего комплекса. Давай так, — он решительно придвинулся к Киру, сидевшему на краю кровати. — Ты только сразу руками не размахивай, а дослушай идею до конца. Ладно? Ты сейчас тщательно и спокойно ощупаешь мою ротовую полость, гортань и трахею. Ты достаточно уже знаешь про анатомию человека, поэтому опасных ситуаций для меня не создашь.

Кир вытаращил глаза.

— Дослушай, — напомнил Ник. — Ничего экстраординарного в проникновении в трахею нет. В рот — тем более. Существует масса медицинских процедур, предусматривающих введение инструментов в ротовую полость и глубже. Возможно, у меня будет рефлекторный отталкивающий эффект — кашель, рвотная потуга. Я потерплю, это не в первый раз. Мне столько всяких трубок вставляли на операциях, что твои щупальца — манна небесная. Важно, чтобы ты сейчас спокойно и без эмоций собрал необходимую информацию... Кир, ну как?

Карандаш долго и безрезультатно качался над листом блокнота.

— Кирилл, я хочу, чтобы ты заговорил. И ты этого хочешь. Давай вместе постараемся, — Ник взял жгут-руку в ладони. — Смелее. Я в твоем распоряжении.

Процесс внедрения жгута-щупа прошел совершенно безболезненно и безо всяких побочных эффектов. Ник ухитрился даже продемонстрировать речь во время процедуры непосредственно — начал читать наизусть «Конька-Горбунка».

— Как успехи? — спросил он, чуть только Кир закончил.

«Я понял, что нужно сделать», — торопливо написал тот. — *Ты был прав: дело в степени упругости. Сейчас мне нужны питательные вещества для получения энергии, потом буду выстраивать пути. Завтра утром покажу результат».*

— Что тебе приготовить в качестве питательных веществ?

«Грибы. И дай мне какую-нибудь свою вещь для мерки. Мне нужно точно повторить внешнюю поверхность твоих головы и торса».

— А я сам тебе вместо мерки не подойду? — спросил Ник.

Кир показал на кровать и выгнул шуп в вопросительный знак.

— А какие проблемы? — не понял Ник. — Я спать буду. Можешь меня хоть в кокон заворачивать, не помешаешь... Не веришь?.. То-то же. Поехали на кухню за грибами.

* 4 *

— Никита.

Никуну показалось, что имя прозвучало во сне. Он тяжело вздохнул и склонился в сторону стены. Тепло упругого конгломерата, ночевавшего с этой стороны, на месте не оказалось.

— Кир? — промямлил он. — Куда тебя опять понесло?

— Никита, — отчетливо раздалось над ухом.

Ник вздрогнул и мигом принял сидячее положение.

— Кирилл? Это твой голос? Ты как это... Ого!

Кир сидел на краю кровати почти по-человечески, разве что вместо ног на полу шевелился длинный рулон ниточной массы. От бедер до линии груди тело выглядело как щербатая гипсовая копия человеческой фигуры, а выше — на плечах, шее и на лице Ник не заметил ни малейших признаков «плетеной» фактуры. Скулы, нос, сложенные в мягкую улыбку губы, брови и широкий лоб — всё казалось абсолютно естественным. Лишь в глазах — ярко-серых с синеватыми прожилками — отсутствовал живой блеск.

— Кирилл! У тебя всё получилось! — Никита от избытка чувств встряхнул в воздухе кулаками.

Кир прикрыл глаза и отрицательно качнул головой.

— У нас, — тщательно выговорил он. — Не у... меня. У нас. Без тебя... я не... достиг... бы...

Он шумно вдохнул.

— Не спеши, — Никита положил руку на его плечо. — Четкость речи, скорость — всё это придет само собой. Главное — начало положено! Ты сам себя как слышишь?

— Как тебя. Чувствую... звук.

— А ты чувствуешь, что голоса идентичные?

— Я могу... сделать чуть... ниже тембр... Выше нет.

— И так сойдет. А воздух в резервуар подкачивай постоянно. Подгадывай вдох под тон фразы. Тогда пауз не будет. Чувешь, как я делаю?

— Да. Я приспособлюсь. Потом создам... что-то вроде... рефлекса.

— Ты супер! Поехали на озеро!

— Покажешь рисунок... с дальней природы?

— Именно! Следующая цель — твои глаза.

Кир предупреждающе потряс указательным пальцем.

— Э-нет. Следующая цель твои... ноги. Попутно — восприятие... дальнотящих объек... объектов.

— Не спеши ты! — воскликнул Никита и тут спохватился. — Кирилл, слушай-ка, а сколько тебе времени надо на изменение формы?

Вместо ответа тот «растекся» в невесомое покрывало. Ник оценил размер условного полотна, покрывшего весь пол комнаты, половину стены над кроватью и всю торцевую вместе с окном и тумбочкой под ним, и озадаченно нахмурился. Тонкий жгут-щупальца

тукнула по запястью, и, когда Ник посмотрел на свою руку, выразительно показала на электронный часы.

— Засекать время?.. Понял. Внимание. Старт!

Кир собрал человеческую форму и волосы на голове за три секунды, две следующие потребовались для создания имитации кожи на плечах и лице, неподвижная пауза длилась четыре секунды, и он произнес.

— Готов.

— Девять секунд. А ты вчера про 10 минут говорил, — напомнил Никита.

— До того как ты... предоставил мне образец.

— Значит, основной объем информации ты получаешь через осязание?

— Информацию о материальных... объектах, — поправил Кирилл. — При исследовании среды... и пространства приоритет... у других комплексов. Можно считать... это слухом. И в какой-то... степени обонянием. Но оба слова... не отражают истину в полной мере. Я не... слышу, я чувствую... вибрацию и движение воздуха. И не ловлю... запах, а ощущаю вещество.

За завтраком Кир сидел за столом на стуле напротив Ника и методично поглощал творог при посредничестве ложки. Ник не сразу осознал новизну момента, поскольку новое действие органически вписывалось в обстановку, а видеть перед собой «близнеца» он давно привык. Спихватился он, когда Кир заговорил, не прерывая трапезы.

— Погоди ты про бумагу, — перебил Никита, наблюдая за невиданным явлением. — Я не понял, как ты это делаешь?

— Что?

— Ты не глотаешь. А просто кладешь еду в рот.

— Иначе пока не умею. Любая моя часть способна... собирать энергию из питательных... объектов. Я оставил свободные... нити в полости рта.

— Неужели в каждой твоей нитке содержится весь биохимический комплекс для преобразования веществ в энергию?

— Я сам больше энергия, чем материя, — без запинок ответил Кирилл. — Хотел бы я знать, как я устроен. Но учебников о строении... моего вида пока никто не написал.

— Ты — это ты, Кирилл. А мне по-настоящему фиолетового, какой частью тела ты кушаешь.

— Понимаю. Я хочу имитировать человеческое... существование так, чтобы никого не удивлять и не пугать. Поэтому... прошу тебя: подсказывай сразу, когда... видишь, что ошибаюсь. Я хочу изучить себя, чтобы приносить пользу людям... Сейчас я не могу что-либо отдать.

— Почему же? — Никита приготовился обстоятельно возражать.

— Материально отдать, — быстро уточнил Кир. — Не умею генерировать вещества.

— А это в принципе возможно?

— Боюсь, что нет. При той структуре путей, которую я выбрал, я не знаю, как организовать аппарат преобразования... веществ. И это меня расстраивает.

— Кирилл, слушай, — Никита подался вперед. — Существует масса способов помогать ближнему. И для этого совсем не обязательно заниматься донорством. Мы найдем свое место в обществе. Вот увидишь! А сейчас давай собираться на озеро.

— Я кое-что сделал с бумагой, — вспомнил Кирилл.

Он плавно стек со стула, сохраняя в неизменности верхнюю часть торса, походя взял из рук Ника собранную со стола посуду, жгутами из «хвостовой» массы переправил в мойку и «поплыл» в комнату на закольцованном рулоне своего шлейфа.

Ник внимательно проследил за перемещением и крикнул вдогонку.

— Кирилл, я понял, на кого ты похож в таком виде! На нага.

— Что-то сказочное? — громко спросил Кирилл из комнаты.

— Типа русалки, — Никита подъехал к дверям. — Торс человека, нижняя часть — змеиный хвост.

— Я сделаю ноги и буду передвигаться, как человек. Но... — про подкачку воздуха он опять забыл и запнулся. — Но после того, как отпадет необходимость изображать костюм под твоей одеждой.

— Пока и так неплохо, — подбодрил его Никита. — Что ты делаешь? Откуда тут эта перина?

Кир двумя пальцами поднял с пола пучок белого материала, груды которого казалась периной.

— Это бумага, на которой я писал, — пояснил он. — Я разобрал ее на волокна. Теперь никто ничего не прочитает.

— О да. Никто и ничего, — пробормотал изумленный Никита и оживился. — Знаешь, если это всё замочить в ведре и добавить клея, получится прекрасный материал для художественной лепки!

— Хочешь заняться художественной лепкой?

— Не, больше не хочу, — Никита со смехом потряс головой. — В начале учебного года учительница из младшей школы случайно увидела мою поделку из папье-маше и попросила сделать фигуры животных, чтобы уроки иллюстрировать. А мне нужны были баллы за общественно-полезный труд. Я и согласился на свою голову. Сколько туалетной бумаги пришлось рвать в клочки и замачивать с клеем! Но все модели я ей сделал. Даже лошадь на деревянном каркасе. А она никак не могла поверить, что материалы — это туалетная бумага, простейший клей и бамбуковые шампуры.

— Где ты узнал, как лепить из бумаги? — любопытствовал Кирилл.

— У художников в рунете.

— Ты общался с русскими людьми?

— С тех пор, как здесь живу — общаюсь. На форумах, перепиской иногда. Переводы делал под заказ — русский, немецкий, английский в любых комбинациях... Ты это всё хочешь в мусорный мешок засунуть?

Кир замер с открытым пакетом в одном ведре щупальцев и большим комом целлюлозных волокон в другом.

— Почему нет? — спросил он.

— Потому что не влезет.

— Влезет. Легко.

Ник критично осмотрел объем «перин». —

— Ладно. Допустим, влезет. А дальше что?

— В багажную сумку. Взять с собой спички. Под водой сожгу.

— Кирилл, под водой ты ничего не сожжешь. Вода только в сказках горит.

— Под водой буду я и воздушный пузырь из моей материи. Это, — он показал на то, что недавно было листами бумаги. — Сгорит очень быстро.

— Да? А как насчет тебя?

— А мне фиолетово.

И Кирилл изобразил широкую улыбку.

В приподнятом настроении Никита и Кирилл отправились на озеро. Поездка на инвалидной коляске с пассажиром в облике головы представлялась Нику до того комичной, что он то и дело принимался посмеиваться вслух.

— Что тебя так развеселило? — серьезным тоном поинтересовалась «голова», пристроенная на бедрах под визуальным прикрытием свернутой куртки.

Никита с трудом сдвинул смех.

— Ты нарочно это делаешь?

— Что делаю?

— Смесишь меня.

Кир сделал «невинные глазки». Как ему удавалось так ловко имитировать взгляд заведомо нефункциональными глазами, Ник не понимал.

— Я ни разу не ощущал тебя таким веселым, — сообщил Кирилл.

— Да я и сам уже не помню, когда по-настоящему веселился, — признался Никита. — Но сейчас со стороны я выгляжу полным идиотом.

— Смотреть со стороны некому... А теперь есть, кому.

Кир распластался по ногам и «слился» со свертком легкой куртки. Через десяток секунд, когда Ник собирался объявить тревогу ложной, издалека донесся звук автомобильного мотора. Вскоре из-за изгиба лесного шоссе показался пикап, и Ник разглядел водителя — это был знакомый ему менеджер из супермаркета, заядлый рыбак. Ник взмахом руки поприветствовал его, полагая, что жеста будет достаточно. Но тот остановил машину посреди дороги и весело поинтересовался, не на рыбалку ли собрался художник. Ник показал на мольберт, торчавший из багажной сумки за спинкой коляски, и ответил, что едет на этюды. Собеседник понимающе покивал и уточнил, где именно Ник будет рисовать. Услышав ответ, он предупредил, мол, на лесных дорогах много глубоких луж, а затем высказал пожелание: заворачивай на «наше» место, там выше и суше. Ник поблагодарил за совет, и транспортные средства разъехались каждый в своем направлении.

Когда шум мотора машины стих, куртка на коленях Никиты пришла в движение, обрела форму головы, и Кирилл пучком тонких щупальцев скинул с лица лишнее — край настоящей куртки.

— О чем он тебя предупредил, Никита?

— Говорит, что тропинки развезло. Есть другое место ближе, выше и суше, но там проблематично подвести коляску к воде и к тому же нет обширной перспективы. Что решаем? Я бы рискнул по лужам. Аккумулятор высоко, шины толстые. Думаю, проскочим.

— А если нет? — Кирилл нахмурился точь-в-точь как часто делал Никита.

— Вытолкать сможешь?

— Конечно!

— Тогда продолжаем по плану.

Никогда доселе Ник не пускался в подобного рода авантюры, следуя личному неписаному правилу: ни при каких обстоятельствах не рассчитывать на постороннюю помощь. Сегодня правило он похерил без оглядки и быстро убедился, что отсутствием приключений обязан был именно этому правилу. Первая же лужа доходчиво объяснила и ему, и Киру, что инвалидная коляска — не чета внедорожнику, оставившему в лесу глубокую вязкую колею.

— Никита, ты испортишь мотор, — предупредил Кирилл. — Выключи его.

— Колеса маленькие. Я не могу толкать их руками, как на домашней коляске!

— Не волнуйся. Толкать буду я.

Кир вытек из-под одежды полностью и поднялся в полный рост, но на «змеином» хвосте.

— Ты представляешь, какой после тебя след останется на грунте? — процедил Никита; теперь он жалел, что проигнорировал голос своего рассудка.

Кир быстро ощупал вязкую глину, срисовал отпечаток протекторов там, где эта форма кое-как сохранялась, и живо разделил свой «хвост» на два...

Последствия маленького приключения Никита разглядывал с сухого пригорка, куда был доставлен как по волшебству.

— Ничего не понимаю, — пробормотал он. — Эта коляска даже без седока весит больше сотни килограмм! Тебя должно было в грязь вдавить с обоими твоими «хвостами», когда ты меня поднял.

— Я распределил свою энергию так, чтобы воздействовать на большую площадь. А копия следа колес для отвода глаз. Но сомневаюсь, что эти ухищрения... — Кирилл все-таки сбился с ритма «дыхания». — Эти ухищрения кто-нибудь заметит. Ты не промок?

Никита посмотрел на кроссовки на своих ногах, хмыкнул, увидав на подножке и на обуви толстый слой грязи, и, наклонившись, пощупал манжеты спортивных брюк.

— Только перепачкался. Но знаешь... — он еще раз провел ладонью по голени. — Как будто что-то чувствую. На холод похоже.

Кир опутал его ноги своими нитями.

— Давление на левой лодыжке, — быстро проговорил Никита. — Теперь на правой. Что это?

— Я сильно сдавил. Ты почувствовал. Это замечательно. Я постоянно массажировал твои ноги, пока находился на тебе. Но делал это гораздо более мягко.

— Попробуй в полную силу, — шепотом, дабы не спугнуть еще один маленький успех, попросил Никита.

— Будем искать оптимальные пути, — неявно возразил Кирилл.

К Нику вернулась его коронная рассудительность.

— Да, спешить нельзя. Поехали дальше. Сворачиваю в лес. Там грунт плотный.

На живописном берегу озера дорожное приключение было быстро забыто, но причиной тому стали не красоты природы, а Кирилл с его планом утилизации. Никита попытался объяснить, что такое измельченная в пыль бумага и как она среагирует на поджог. Однако Кирилл уверил, что контролирует свою материальную часть и никаких взрывов не допустит. Тогда Никита согласился отпустить его в воду. А напрасно.

Глухой «бух» из глубин озера поднял над водой низкий, но широкий водяной купол. Волна распространилась радиально и, поскольку утилизация проводилась всего в десяти метрах от берега, на кустарник, траву и узкую полоску песка нахлынул большой объем воды. Коляску не захлестнуло, но кроссовки и брюки мигом пропитались влагой. Впрочем, в тот момент Никиту интересовало только состояние исполнителя поджога. Он приподнялся на руках с опорой на подлокотники, но разглядел лишь большое мутное пятно на месте проведения утилизационных работ. Логика подсказывала, что Кирилл в полном порядке, однако сердце колотилось в ритме ужаса, в ушах клокотала кровь, а руки и всё тело дрожали от избытка адреналина. В этом состоянии Никита не заметил, как почти прозрачная материальная масса подплыла к берегу, а потому едва не вывалился из коляски, когда Кирилл поднялся перед ним как из-под земли.

— Никита? Что с тобой?

Руки-щупальца крепко сжали предплечья, а два дополнительных жгута принудительно опустили на сидение.

— Со мной? — к Никите, наконец, вернулся дар речи. — Ты вообще о чем думаешь?! Ты цел?

Кирилл догадался, что устроил эффектное представление, и поспешил исправить положение.

— Всё нормально. Прости. Я немного ошибся, — выговорил он без запинок.

Никита поднял на него выразительный взгляд.

— Ты был прав, — ответил Кирилл на неозвученный упрек. — Свойства целлюлозной пыли я не понимал.

Из воды раздался отчетливый «бульк». Никита медленно отклонился в сторону и посмотрел на озеро. Кирилл — также медленно — растянул свои щупы в направлении звука.

— Знаешь, зачем браконьерам динамит? — спокойно спросил Никита.

— Теперь знаю. Много всплыло?

Никита окинул взглядом прибрежную акваторию.

— Как тебе сказать... Не то чтобы очень, но порядочно.

— Я соберу.

— Кирилл, рыба уже дохлая.

— Я слышу. Я не буду поглощать. Просто уничтожу. Это займет какое-то время. Прости.

Никита, наконец, улыбнулся.

— Действуй. А я пока отъеду во-он за те деревья. Там бухточка есть с хорошим видом на восток. Не потеряешь меня?

— Ни в коем случае. Я чувствую тебя издалека. И, пожалуйста, не волнуйся за меня. Я очень устойчивый биологический вид.

— Чудо ты в нитках, — хохотнул Никита. — Ладно. Плыви заметать следы.

Наконец, последствия взрывной утилизации были худо-бедно завуалированы, Кир вытянул влагу из промокшей одежды Никиты, и оба приступили к реализации основной цели приключенческой поездки. Никита рисовал элементы окружающего пейзажа карандашом, углем, красками, в схематичном стиле, в виде эскиза, в геометрической форме с акцентом на дистанции. А Кирилл искал в себе аппарат для восприятия в натуре того, что считывал с рисунков. Для упрощения ориентирования по сторонам света и просто по сторонам Никита начертил на отдельном листе циферблат часов. Кирилл моментально усвоил, как определять направления по модели стрелочного хронометра. Но на поприще дальнорукости успехов не добился.

— Если я не чувствую пространство, не ощущаю звук, не улавливаю особенности вещества, я не получаю информацию, — мрачно подытожил он, наворачив по траве очередной круг, центром которого был мольберт.

— Зато говорить стал без запинок, — откликнулся Никита. — Давай перекусим, и еще раз хорошо подумаем, какие свойства пространства ты способен уловить, и что я могу подсказать через рисунок.

— У меня идеи закончились, — предупредил Кирилл, доставая из багажа коробку с обедом для Ника.

— А я и говорю: пауза нужна. Где там твоя реанимированная рыбина?

— Тебе неприятно будет видеть, как я выпитываю живое существо.

— Мне приятно видеть тебя, чем бы ты ни занимался. А рыбу в образе домашнего животного я не признаю.

— «Если жалеть всех пущенных на колбасу коров, помрешь от вегетарианства», — задумчиво процитировал Кирилл.

Ник едва не подавился вареной картошкой.

— Это ты откуда взял?

— Из интернета. Забавный образ.

— О, да! На просторах интернета богатство человеческого воображения видно невооруженным глазом... — Никита осекся. — Образ. Воображение... Кирилл, слушай-ка. Ёлка, с которой мы начали. Та, возле сухого дерева. Ты ведь не всю ее ощупывал, правда?

— Не всю. А что?

— А почему не всю?

— Не вижу смысла ползать по стволу и по всем веткам, когда достаточно оценить свойства древесины, размер комеля и тип кроны. Ты очень точно нарисовал ёлку.

— Откуда ты знаешь, что я нарисовал точно, если ты ее целиком не ощущал?

Кирилл растерялся.

— Я получил информацию об объекте и сопоставил с визуальным образом, который создал ты, — в стиле размышления вслух заговорил он. — Рисунок — модель. Я интерпретировал информацию по заданной модели.

— По модели, которую задал тебе я, — подсказал Никита. — Модель общепринятая. Я рисую в стиле реализма. А теперь смотри.

Он поспешно отправил в рот кусок сыра, обтер руку об рубашку и взял уголь. Через несколько секунд новый рисунок был готов.

— Что это, как думаешь?

Прозрачные нити скользнули по бумаге. Кирилл озадаченно нахмурился.

— Треугольники. Наложённые друг на друга. Умышленно скривленные, кажется. И квадратик какой-то... Квадрат и треугольники. Ничего не понимаю.

— Это та же ёлка, Кирилл. Так рисуют маленькие дети. Квадрат — ствол, треугольники — ветки. В их воображении ёлка остается ёлкой, а на бумаге получается вот это. Упрощённая модель. Дети постарше изобразят иголки. Штриховкой, например, — Никита проиллюстрировал свои слова действием. — Те, кто получил начальные знания рисования объема, подрисуют тень. Вот так. Улавливаешь?

— Не очень. Как это прицепить к восприятию удаленных объектов?

— Ты формируешь образ объекта от частного — кора, ствол, иголки — к общему. А я предлагаю изменить метод. Двигаться от общего к частному. Сначала сформировать общий контур, как делает ребенок с рисунком, а потом уже детализировать. Ты же видишь, то есть ощущаешь, где граница света и тени, когда на небе солнце, а когда тучи. День и ночь, наконец.

— Общее восприятие интенсивности света?

— Именно! Ты экран читаешь, значит, аппарат для эмуляции зрения у тебя есть. Ты видишь вблизи. Попробуй сосредоточиться на фокусировке света, который улавливаешь издалека. Сейчас еще один эксперимент поставим. Выпусти меня из внимания совсем. Мне нужно, чтобы ты не знал, в какую сторону я смотрю. Пару минут. Не больше.

— Ладно. Я отключусь на две минуты по твоей команде.

Никита неодобрительно хмыкнул.

— Отключаются роботы или стукнутые по башке жертвы.

— Усну на две минуты, — с улыбкой в тоне и на губах исправился Кирилл.

— Ладно, принято. Готов прямо сейчас?.. Тогда старт.

Ровно через две минуты Никита показал Кириллу карандашный набросок.

— Это место видно прямо отсюда, — пояснил он. — Определи, куда я смотрел.

Кирилл долго ощупывал рисунок, затем раскинул густой пук нитей на манер зонтика. Форма его не устроила, и зонтик плавно преобразовался в большой плоский диск, ориентированный под острым углом к грунту. Диск обернулся на 360 градусов вокруг вертикальной оси и вдруг превратился в шар. Кирилл запрокинул голову, будто посмотрел в небо.

— Облака, — прошептал он.

— Правильно! — подтвердил Никита и присмотрелся к имитации глаз под прикрытыми веками.

— Это всего лишь форма, — напомнил Кирилл. — Но когда-нибудь это будут настоящие глаза, поэтому уже сейчас я приучаю себя имитировать взгляд.

— У меня два вопроса, — объявил Никита.

— Я всегда знаю, когда ты смотришь на меня. Для этого мне не нужны ни зрение, ни слух, ни осязание.

— Один вопрос снимается. Остается второй: как ты распознал облака?

— Не знаю. Не могу объяснить. Возможно, я уловил твои действия постфактум вопреки сознательной установке исключить твою персону из зоны внимания.

— А может, ты просто интуицию включил на полную катушку?

— Дело в том, что в комплексе моей так называемой интуиции ты стоишь на первом месте, — ответил Кирилл и спонтанно имитировал вздох.

— Ладно, во времени разберемся, — бодро подытожил Никита и мельком глянул на озеро, лениво качавшее в своих водах отражения облаков.

— Я могу тебя испугать, — осторожно предложил Кирилл.

Ник не обратил внимания на пикантную формулировку, ибо сама суть предложения была для него сродни волшебному исполнению заветной мечты. Реализм, возвращенный на жесткой почве личного опыта, мигом подсек мечтательный порыв. Однако осталась надежда, и Никита принялся искать компромисс.

— В немецкой школе я посещал бассейн и отлично плавал. Теперь ноги тянут на дно, и...

— Я буду рядом, — мягко перебил Кирилл.

Чтобы внести Никиту в воду, Кирилл расформировал большую часть торса. Но плечи оставил жесткими, чтобы у пловца всегда была надежная опора под рукой. Оказавшись на глубине, Никита попытался лечь на воду самостоятельно, но не удалось. Кое-как перевернувшись на спину, он с сожалением констатировал.

— Бедра не держу.

Кирилл подставил под неуправляемые ноги тонкое полотно и тем самым обеспечил горизонтальное положение всего тела. Никита проследил за метаморфозой под водой и просветлел.

— Сделай мне хвост как у русалки!

— Имитировать движения рыбы?

— Только поверх ног... Во, здорово! Теперь синхронизироваться нужно. Я поплыву брассом. Держись рядом, но не вплотную.

Хаотичные бултыхания рук, щупальцев и «русалочьего хвоста» длились недолго, и оба освоились с плаванием тандемом. Оценив свои способности страховщика, Кирилл пустился в импровизации — создал хвост для себя. И к центру озера бок о бок поплыли два «русала» — быстро и синхронно.

— Мы далеко от берега, — предупредил Кирилл Никиту, раззадорившегося как мальчишка.

— Видишь, где берег?

— Слышу, где вода скользит по песку. Разворачиваемся?

— Давай нырнем. Говорят, тут не очень глубоко, можно даже до дна доплыть. Я, наверное, секунд сорок под водой продержусь.

Кирилл без оглядки согласился, но предупредил, что усиливает контроль. Никита посмеялся, рассмотрев в деталях новый вариант тандема. Кирилл обвил его целиком, оставив один хвост на двоих, а свои голову и плечи разместил за спиной страхуемого.

— Теперь мы как сиамские близнецы. Я из твоего торса вырастаю! — заметил Никита и глубоко вдохнул.

До дна они не достали: глубина оказалась больше, чем представлял себе Никита, и запас кислорода у него быстро закончился. «Кислородная маска» производства Кирилла продлила подводное плавание всего секунд на десять, и оба всплыли на поверхность.

— Здорово! — объявил Никита, сопроводив реплику жестом — поднятым вверх большим пальцем.

Кирилл показал ему обрывок водоросли и пояснил:

— Немного не дотянули.

— Да? А может, это ты слишком далеко растянул своих нитки?

— Нет. В воде мне сложно контролировать свою материю. Хочется сжаться и прилипнуть к тебе. Но знаешь, кажется, я появился на свет в воде.

— Как и человеческий эмбрион.

— Со мной другое. Памяти нет, но остались тени ощущений. Большая вода. Очень большая. И наощупь не такая, как тут, в озере. Та была...

— Соленая, — подсказал Никита. — Ты мне снился. В океане. Или просто океан приснился, когда я увидел тебя сквозь сон. Дома есть морская соль. Вернемся, покажу. Может, что-то еще вспомнится.

— Сомневаюсь, что вспомнится, но попробую с удовольствием. Никита, а теперь к берегу. У тебя ноги замерзли.

— Я не чувствую.

— А так?

И Кирилл опрометчиво распутал часть нитей, изображавших «русалочий хвост».

— Тоже не чувствую, — без эмоций сообщил Никита и перевернулся со спины, в позицию для плавания брассом.

Невнятное ощущение, локализацию которого он определить не успел, взорвалось резкой болью, пронзившей, казалось, всё тело — от ног до головы. Он вскрикнул и выгнулся, будто собирался выпрыгнуть из воды.

— Никита!

Полный ужаса голос Кирилла мигом привел в чувство.

— Не пугайся. Ерунда. Светло. Что-то... — выговорил Никита и тут только сообразил, что светло не «что-то», а голени на обеих ногах. — Стопу вверх. Подними. Просто помоги согнуть.

Искры в глазах рассеялись, и Никита увидел перед собой своё же лицо, но абсолютно белое.

— Кирилл, всё нормально, — поспешно уверил он. — Ничего страшного. Судороги. Так бывает в воде. И не в воде тоже. Но я это почувствовал!

— Слишком сильно почувствовал, — выговорил потрясенный Кирилл.

— Я читал, что во время реабилитации иногда возникает гиперчувствительность... Куда ты меня тащишь?

Кокон с рыбьими плавниками, внутри которого пребывал Никита, замер на поверхности воды.

— Кирилл, нам туда, — Никита рукой, тоже опутанной нитями, показал направление к берегу, где остались мольберт, коляска и одежда.

— У-ё, — с досадой выдохнул Кирилл. — Ошибся с перепуту.

— Всё нормально. Пусти, я сам доплыву. Один хвост мне верни.

— Нет уж, — категорически заявил Кирилл и погреб к берегу.

Прежде, чем натягивать на Никиту брюки, Кирилл поднял его подмышки над грунтом и тщательно ощупал ноги, поясницу и спину. Никита не возражал, ибо был занят наблюдением за пальцами своих ног. Пальцы подрагивали хаотично, но стало казаться, что, по крайней мере, «большие» подчиняются сознательному управлению. В процессе усаживания в коляску, он почувствовал напряжение в коленном суставе.

— Открылись новые пути, — сказал Кирилл, ловко завязывая шнурки на кроссовках. — Я слышу, как импульсы информации проходят сквозь рубцы на позвоночнике. Но я не понимаю, что означают эти токи.

— И не надо понимать, — заявил Никита. — Вздумаешь стать нейрофизиологом, тогда и разберешься. А пока будем действовать от общего...

Кирилл вскинул руку в предупреждающем жесте.

Никита оглянулся через плечо, хотя сознательно еще не определил источник потенциальной опасности.

— Звук. Странный, — тихо произнес Кирилл. — Неестественно низкие частоты. И неприятный ритм.

Никита различил сквозь мерный лесной шум громыхание ударников. Звук приближался. И быстро.

— Музыка из динамиков, — обронил он.

— Это музыка?

— Ну да, — Никита, поморщившись, взялся за джойстик коляски. — Современная, популярная и модная. Сюда кто-то едет с включенной на полную мощность автомагнитолой. Наверняка молодежь.

Кирилл без лишних вопросов скрылся под одеждой, а Никита торопливо застегнул рубашку под горло и бегло осмотрел себя. Куртку, прихваченную из дома только для маскировки нитей, Кирилл перед купанием засунул на дно багажной сумки и сейчас, спохватившись, силился вытянуть ее из-под сложенного мольберта.

— Оставь. Поздно, — быстрым шепотом предупредил Никита. — Вижу автомобиль. Выруливает прямо сюда. Хорошо, что мы уже собрались уезжать. Надеюсь, ограничимся дежурными приветствиями... У-ё. Принесла же нелегкая! Это Стефани со своими дружками. Ее парень за рулем. И кто-то еще на заднем сидении. Сейчас самое важное не провоцировать их на физическое хамство. А языками пусть болтают, что хотят. Кирилл, сохраняй спокойствие и ничего не предпринимай.

Кирилл ответил одинарным «рукопожатием» под правой манжетой рубашки.

Новый и явно дорогой автомобиль отчаянно взревел на лихом вираже, и остановился возле деревьев. Ник повел коляску вперед не таясь, ибо любые попытки скрыться или ускориться в этой ситуации расценивались бы как побег. Его, разумеется, заметили, и компания шумно вывалила из автомобильного салона. На грубые возгласы и сомнительные приветствия Ник ответил коротким — Ні! — привет, — и поехал к дороге.

Как и предполагалось, без внимания его не оставили. Стефани бодро пробежала по траве и встала на пути инвалидной коляски. Никита вынужден был затормозить. Она нагнулась над ним, упершись рукой в спинку и нагло выставив на обозрение едва-едва прикрытый майкой бюст. Бюст не произвел ни малейшего впечатления, зато другое открытие встревожило: от девицы несло перегаром и очень неприятным духом выкуренной «травки».

— Я рада тебя видеть, Фогель! — объявила Стефани. — Давай повеселимся!

Незнакомый Нику парень громко поддержал:

— Иди к нам. Тут девочка без пары!

Под девочкой без пары подразумевалась младшая сестра Стефани, которая, несмотря на нежный возраст, выглядела не менее эффектно, чем обе взрослые девицы компании. Свою «зрелость» она немедленно подтвердила ответной репликой: иди туда-то, сдался мне этот кусок того-то, у него яиц нет.

Никита глянул на Стефани, живописно скривившую ротик, и подумал, что прямолинейной подражательнице пока далеко до изощренных выходок старшей сестры.

— Не буду мешать вам веселиться, — произнес Ник и запустил электродвигатель.

Коляска слегка толкнула зазевавшуюся девушку, однако та не собиралась так просто отпускать добычу. Объявив, что давно мечтала потанцевать с Ником, Стефани развернула коляску, схватив за задние ручки. Ник опять вынужден был выключить мотор, потому что передние колеса попали в рытвину. Столкнуть коляску дальше, в сторону берега, Стефани не смогла — не хватило силенок. Но частичный результат ее удовлетворил, и она, выскочив перед Ником, принялась дергаться в такт гремевшей на весь лес автомагнитоле. Вызывающе откровенные движения танца сподвигли незнакомую пару принять участие в дискотеке.

Нездоровое веселье стремительно набирало обороты. Джош — нынешний парень Стефани — начал подтанцовывать ей в вульгарном стиле. Устные комментарии со всех сторон переросли в мешанину гадостей, и Никита отвернулся. Кирилл в этот момент нарушил договоренность и, высунув щупальца из-под манжет штанин, начал приподнимать коляску, чтобы вытащить из грунтовой ловушки.

— Нет. Не надо, — успел шепнуть ему Никита.

Движение заметили. Причину качания инвалидной коляски никто не определил, но расценили правильно.

— Теф, смотри, Фогель хочет сбежать! — крикнул Джош.

— Ник, куда ты торопишься? — Стефани опять нависла над коляской.

Никиту так и подмывало высказать всё, что он думает о ее поведении, но он удержал язык за зубами, понимая, что даже в формально вежливой форме его ответ прозвучит для обкуренной компании как команда «в атаку».

— Зачем ты нянчишься с ним? — гаркнул незнакомый парень.

Никита заметил, что он старше всех участников сцены. И, как выяснилось сейчас, намного решительнее. Он широким шагом прошел вперед и обратился к Стефани, показав на Ника.

— Он нужен тебе тут?

— Да! — заявила девица.

— А нам нужен? — парень громко обратился к остальным.

— Сбрось его! Пусть молит о помощи! — вдруг придумал Джош.

— Мразь, — вырвалось у Никиты.

— Пусть в грязи валяется! — подхватила младшая сестра Стефани издали.

Никита ничего предпринять не успел. Незнакомый парень резко шагнул ему за спину, одним рывком приподнял коляску за ручки и буквально выдернул из-под сидевшего. Никита рухнул лицом вперед на локти, толчком вывел себя в сидячее положение и изготавился повторить победоносный прием, использованный однажды против школьных хамов.

— Держись от него подальше! — испуганно выкрикнул Джош — участник той самой замечательной потасовки, в которой Ник победил трех футболистов школьной команды.

Парень либо был уже наслышан о способностях инвалида, либо правильно оценил выражение его лица. Он отскочил назад, и Никита оказался радиальным центром полукруга. На него смотрели с безопасной дистанции, как на поверженного зверя. Джош присел на корточки и с оскалом восторга на лице крикнул:

— Ну, давай. Проси! Проси пощады!

Стефани дернула его за безрукавку, но он отмахнулся и, продолжал:

— Проси, ублюдок! Если скажешь, «прошу вас, помогите», мы поднимем.

Джош на всякий случай оглядел приятелей, увидел дружное согласие, и завелся по-новой.

Никита демонстративно устроился поудобнее, и приготовился ждать, когда у исполнителя иссякнет запал, а у зрителей — терпение.

Шевеление штанины он почувствовал собственной ногой. Скосил взгляд, и увидел толстый жгут прозрачных нитей, утекавший в тыл компании. На спине защекотало, и возле самого уха раздался еле слышный голос: «Доверься мне. Держись».

Отчаянный девичий визг сорвал заевшую пластинку Джоша на полуслове.

— Змея! — крикнула девица, стоявшая чуть позади остальных.

За те несколько секунд, пока люди испуганно оглядывали низкую траву, Кирилл вытек из-под одежды Никиты полностью и как будто растворился в пространстве. Никита заметил только одномоментное движение кустарника возле деревьев, где стояла автомашина.

Пока в компании бурно выясняли, кто псих, а кто дурак, существует ли здешняя змея вообще, и куда следует идти тем, кто в змею не верит, Никита силился разыскать взглядом Кирилла. За гроыханием магнитолы шорохи терялись, а движение трав и крон... Никита не поверил своим глазам. Движение порыжевшей кроны сухого дерева наблюдалось сверху вниз. По широкой дуге. И на траектории...

Грохот, треск и последний «у-ух» надорвавшейся магнитолы.

Никита крепко стиснул зубы, что неуместный сейчас хохот не вырвался на свободу.

Шикарная новенькая автомашина — по всему видно, гордость молодого владельца — покоилась под массивным стволом рухнувшей сосны.

Немая сцена на поляне оборвалась отборным матом парней под аккомпанемент девичьих взвизгов и ахов. Стефани вскрикнула: мой мобильник! — и кинулась к смятому вдоль всего корпуса автомобилю. Джош заорал: моя машина! И все пятеро побежали к обломкам.

Кирилл похлопал Никиту со спины по плечу, шепнул — восстановлению не подлежит, — по-хозяйски приподнял рубашку и как ни в чем не бывало потек распределяться по телу.

— Что ты сделал с деревом? — шепотом спросил Никита.

За ухом защекотало, и Кирилл оформил ротовую полость без достройки лица.

— Подточил. И слегка откорректировал траекторию падения. Я подтяну тебе коляску и быстро подсажу. Сделай вид, что ты сам поднялся.

— Погоди. Слышишь?

— Еще одна машина с «современной музыкой»? — Кирилл напрягся всеми своими нитями.

— Полицейская сирена. Кто-то из службы шерифа.

— Почему сюда?

— Не знаю. Может, эти упоротые что-то в городе натворили?.. Скройся.

На место происшествия выехали не одна, а две патрульные машины. Из первой вышла крупная женщина в форме и напрямик двинулась на притихшую компанию возле искореженного автомобиля. Из второй выскочил сам шериф, сразу же увидел Ника, коротко выругался и, показав напарнице на сброшенного с коляски инвалида, побежал к нему. Никита хотел было крикнуть издали — все в порядке, — но тут увидел следующую сцену возле поваленного дерева. Помощница шерифа немилостиво встряхнула Джоша за грудки и вкатила ему смачную пощечину. В ответ донеслось жалобное: я ничего не сделал, ма!

Это последнее «ма» проясняло многое из прошлых стычек с Джошем, но Никита временно отставил тему своего школьного недруга, потому что к нему наклонился шериф.

— Что они сделали? И не говори мне, что сам выпрыгнул из коляски! — потребовал он.

— Не скажу, — честно ответил Никита. — Но я в порядке. В отличие от их автомобиля.

Невозмутимый тон потерпевшего сработал на шерифа как успокоительное.

— Я советую тебе заявить на них по официальной форме, — проворчал он и, глянув на обескураженное собрание возле обломков машины, спросил: — Как это случилось?

— Дерево рухнуло.

— Как? — с нажимом повторил шериф.

— Просто рухнуло. От старости, наверное, — Никита пожал плечами.

Шериф долго рассматривал издали металлолом и голый — без коры — ствол некогда высокой сосны.

— Само провидение вмешалось, — пробормотал он и опять обратился к Никите. — Как тебе помочь?

— Подтолкните сюда коляску, пожалуйста, — попросил Никита. — А дальше я сам.

Самостоятельный подъем ему выполнить не позволили: шериф и его помощница подняли под руки и водрузили на сидение. Попутно Никита узнал, что заставило две патрульные машины завернуть в лес. Оказалось, что рыбак, повстречавшийся по пути, угадал намерение молодого художника и, случайно встретив шерифа в городе, сказал ему, что инвалид отправился к озеру по размокшей дороге. В это же время миссис Грейс позвонила в офис шерифа и пожаловалась на молодежь, захавшую к дому соседа и «битый час» — в реальности, вероятно, прошло минут десять — гроыхавшую на всю улицу дебильной музыкой. Помощник шерифа по описанию узнала автомобиль сына, приняла к сведению наблюдение заявительницы о неадекватном поведении компании и поехала лично разбираться с зарвавшимся отпрыском. Однако на месте его не застала и по наводке бдительной миссис Грейс отправилась разыскивать компанию в лесу.

До города Никита и Кирилл добрались колясочным ходом, но в молчании, чтобы ненароком не попасться на глаза водителям встречных и попутных машин, которых оказалось неожиданно много. Лишь закрыв за собой входную дверь на ключ, Никита позволил себе облегченный вздох. Кирилл вытек из-под его одежды, собрался в «нага» и выдохнул долгое звучное: фу-у-у.

— Классный денек, — подытожил Никита.

— Информативный, — уточнил Кирилл.

— Ты прекрасно урегулировал конфликт. Спасибо!

— Если бы не твое потрясающее самообладание, я бы не стал церемониться с негодяями.

— Кирилл, — Никита улыбнулся, но в глазах появилась суровая тень. — Если здесь узнают о твоём существовании, нас возьмут в оборот такие службы, о которых никто никому не рассказывает. Мы должны сохранить твоё инкогнито. До отъезда по крайней мере.

Кирилл задумчиво кивнул, молча помог Никите пересест в домашнюю коляску, взялся за ручки позади спинки и покатил коляску в комнату.

Никита не дождался ни вопросов, ни возражений, и оглянулся через плечо:

— О чём задумался?

— Пытаюсь понять, почему люди боятся иностранное.

— Не только люди — большинство животных не приемлет то, что отличается от стандартной особи их вида. Если зверь, побывавший в неволе — в зоопарке, например — возвращается к своей стае, его прогонят или вообще убьют, потому что он пахнет человеком. Это не литературная выдумка. Это известный зоологам защитный инстинкт. А симбиоз складывается в процессе эволюции, и не доступен для понимания в отдельно взятый отрезок времени. Не согласен?

Никита движением тела дал понять, что намерен развернуть коляску, и Кирилл тут же предоставил ему свободу маневра.

— Я не понимаю, — повторил он, когда Никита повернулся к нему лицом. — Конкретная ситуация сегодня. Здесь ты чужой: иной менталитет, иные знания, иная культура. Но от тебя не исходит никакой угрозы. Ты — симбиотик. Что же тогда так напугало твоего бывшего одноклассника? У него были физические преимущества перед тобой, но он испытывал настоящий страх, когда ты оказался на земле.

— Ах, вот ты про что! — Никита облегченно вздохнул. — Это потому, что однажды за такой же трюк с коляской я наваял ему и двум его друзьям. Понимаю, что поступил очень жестоко. Но нужно было наглядно доказать, что я никому не позволю издеваться на собой.

— Ты дрался с тремя здоровыми юношами? — опешил Кир.

— Не совсем так. Они скинули меня, как сегодня. А я схватил одного за ноги, завалил и применил болевой захват. За каждую их попытку приблизиться ко мне, я выкручивал его так,

что он орал, как резаный. И сказал: если не отступят — переломаю ему ноги и будет в такой же коляске ездить.

— Ты блефовал?

— Нет. И они это сразу поняли. На крики их тренер прибежал. Сгоряча наехал на меня. Вроде как своих защищал. Я предупредил: так будет с каждым, кто попробует меня тронуть. На другой день вызвали директорский кабинет. Парни извинялись передо мной в присутствии тренера и директора. Я, честно говоря, не ожидал. Шериф потом припомнил мне тот случай и пошутил: не дразните русского медведя. Типа дал понять, что в курсе происшествия и целиком на моей стороне.

— Шериф знает, что ты русский?

— Да. Я ему рассказывал о себе немного, и даже с отцом познакомил этой зимой, когда папа здесь гостил. Он слышал, как мы по-русски общались. Но, похоже, сохранил всё в тайне от местных. В городе меня считают немцем. И пусть. Личные дела соседей здесь никого не интересуют. Здесь при встрече говорят — Hi! How are you? — типа: привет, как поживаете? — а по-настоящему собеседнику фиолетово, как ты поживаешь и как у тебя дела. Это просто слова. Типовая фраза.

— Русские говорят — здравствуйте. Желают здоровья. Это тоже просто слова?

— В современном языке — да. Но мне кажется честнее пожелать здоровья обычным словом приветствия, чем спрашивать о жизни, ожидая в ответ стандартное — Fine, — прекрасно... Слушай-ка, а ведь уже время тренировки!

Кирилл обескуражено приоткрыл рот.

— Тебе заплыва мало показалось?

— Заплыв — это заплыв. И мы его повторим. А тренировка — дело ежедневное. Поучаствуешь?

— Даже не вопрос, Никита!

Повторить «русалочий» заплыв на следующий день Никите и Кириллу не удалось: испортилась погода. И Никита предложил заняться немецким языком. С чтением Кир освоился быстро благодаря уникальным свойствам своей поистине стопроцентной фотографической памяти. Однако с произношением мучился несколько часов и в итоге результата не добился.

— Сейчас я не могу увеличивать объем, — сказал он. — Но когда ограничения снимем, сделаю второй голосовой аппарат.

— Зачем тебе второй? — не понял Никита. — Сделай еще один набор рефлексов для немецкого произношения, и всё будет в порядке.

— Это и есть «второй аппарат», — вздохнул Кирилл. — А ты подумал, что хочу сплести вторую горгань?

Никита виновато развел руками, мол, так и подумал.

— Энергия информации тоже требует объема в моем случае, — Кирилл тоскливо посмотрел на экран с открытым текстом «Фауста».

— Текст и речь ты уже понимаешь, — подбодрил его Никита. — А если потребуется говорить, сойдет и так на первое время. Кто хочет, тот и с акцентом тебя поймет. С английским что решаем?

— Текст и понимание речи, — тут же ответил Кирилл. — А говорить по-английски *корректли* я не хочу.

— Как тебя вчерашние отморозки впечатлили! — хохотнул Никита.

— Никита, — Кирилл придал голосу серьезный тон. — Я тебе уже сказал: если бы не твое терпение, я бы их придушил. А если бы раньше знал, при каких обстоятельствах такие же мерзавцы сломали тебе спину, придушил бы не задумываясь.

— Ладно-ладно, не закипай опять. И не забывай, что про обстоятельства я рассказал тебе в качестве примера серьезной своей ошибки. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. И будь я тогда поумнее, я бы убрал гордость на дальнюю полку и не спровоцировал бы столь резкую неприязнь одноклассников и учителей к своей персоне. Я объявил войну всему миру. И, естественно, проиграл.

— Тебе было пятнадцать лет, Никита. Я читал, что люди в этом возрасте... — Кирилл осекся и насторожился. — Автомашина подъехала. Кажется, это автомобиль шерифа.

— Вот сейчас и попрактикуешься в понимании английской речи, — заметил Никита и поехал открывать парадную дверь.

Шериф отказался от приглашения зайти в гостиную, сославшись на занятость, и первым делом спросил, как Ник себя чувствует. Никита уверил, что никаких проблем не испытывает и подтвердил, что не намерен предъявлять претензии за моральный ущерб к фигурантам вчерашнего дела.

— Где твоя коляска для улицы? — спросил шериф, обратив внимание на пустующий угол холла. — Поломали?

— Нет-нет. Коляска в гараже. Я разобрал ходовую часть, чтобы прочистить и смазать. Грязи было много по дороге.

— Сегодня будет еще больше, — шериф кивнул на дверь, за которой барабанил дождь. — А здесь метеорологи приехали. И тоже на озера.

— Готовьте тракторы, шериф, — Никита улыбнулся.

— Тракторы? — удивился тот. — Зачем?

— Вытаскивать метеорологов из грязи.

— А-а, как в России? — шериф широко улыбнулся. — Я видел в интернете несколько роликов. Смешно. Но очень умно.

Тема метеорологов развития не получила. Шериф распрощался и вернулся в свою машину.

Когда звук мотора полностью растворился в шорохе дождя, Кир отделился от стены, где изображал второй слой обоев, и вопросительно кивнул.

— Всё понял? — спросил Никита.

— Всё, кроме метеорологов. Что понадобилось на озерах ученым, изучающим погодные явления?

— Не знаю, — Никита напряженно посмотрел на запертую за шерифом дверь. — Но шериф не придает значения этому визиту. Если бы было что-то важное, он не стал бы упоминать о них вообще. А разговор в шуточной форме не поддержал, значит, у него не было цели делиться со мной какой-то особой информацией.

— Тебя проверял?

— Ты почуял фальшь?

— Нет. Но мне показалось, он был необоснованно напряжен. Если у тебя не сложилось похожего ощущения, значит, я просто ошибся.

— По вопросам чутья ты один тут мастер. У меня таких органов чувств нет.

— Ошибаешься. Дело не в органических способностях, а в мышлении. Ты умный взрослый человек, а я только учусь быть человеком.

— Мне тоже учиться и учиться. А опыта общения у меня маловато. Ладно, будем считать, что метеорологи прибыли исследовать погоду, а не гибель рыбы и не прицельно упавшее дерево.

Пасмурная атмосфера непрекращавшегося дождя отступила далеко за границу реальности, когда Никита сел за пианино. Очередной домашний концерт поднял настроение обоим, вечер пролетел на одном дыхании и посеял зерна приятных сновидений.

— Я почувствовал, как ты видишь сны, — сказал Кирилл утром, когда Никита, как обычно напевая себе под нос мажорную песенку, готовил завтрак.

— Видел моё сновидение? — удивился Никита.

— Нет. Всего лишь ощущал твои эмоции.

— А я не помню, что снилось. Знаю, что опять цветное и приятное.

— «Опять цветное»? — осторожно переспросил Кирилл.

— Ну да. В детстве всегда видел цветные сны. Некоторые даже помню в деталях. Особенно паровоз. Дед рассказывал всякие истории про железную дорогу, а мне потом приснился огромный паровоз с красной звездой на носу и яркими красными, синими и белыми полосами на бортах. После отъезда из России сны были только черно-белые. Баба Лиза мне столько всего рассказывала и по-русски, и по-немецки. У отца альбомов с репродукциями было полно. Игрушки все шикарные. Тётя Ханна со мной играла, будто сама ребенок. Мне с ней всегда было очень хорошо и весело. Но если что-то снилось потом, то всё в серых тонах. Цветной океан увидел на прошлой неделе, когда ты был рядом.

— Каким бы ни был твой паспорт, твоя Родина — Россия, — тихо произнес Кирилл. — Часть твоей души как будто до сих пор живет там.

— Наверное, так... Что тебе покоя не дает, Кирилл?

Тот вздрогнул, поднял условный взгляд на Никиту и выдохнул беззвучный смех.

— Не говори мне, что твое чутьё не чета моему!

— Ладно, не буду. Держи тарелки... Так в чем дело?

Никита подкатил коляску к обеденному столу.

Кирилл одним движением щупальцев сервировал стол для завтрака, взял в руку яйцо, задумчиво поводит по нему пальцем и ответил.

— Я слышал немецкий, английский. Испанский, когда ты приводил примеры фонетики. Все эти языки были новыми для меня. А когда ты заговорил со мной впервые, я узнал звуки, мелодию речи. Как будто уже слышал такой фонетический ряд. Но в состоянии, — он крутанул яйцо в пальцах, — базового сознания.

— А что если тебя привезли сюда из России?

— Об этом я и думаю. Есть шанс найти информацию по совместным исследованиям России и Америки?

Ник проглотил кусок омлета и отрицательно покачал головой.

— Боюсь, что нет. Никто в здравом уме в открытой сети такую информацию не разместит. Но знаешь, одна странная статья была. Как раз утром того дня, когда мы встретились. Типа метеорит упал где-то здесь поблизости.

— Причем тут метеорит?

— Кто-то что-то видел или услышал от приятелей, придумал объяснение и тиснул на сайт жареную новость, чтобы рейтинг поднять. Текст исчез через полчаса без следов. Я тогда подумал: редактор спохватился и всыпал создателю газетных уток. Но потом шериф говорил, что федеральные службы действительно что-то разыскивали в лесу.

Кирилл с силой сжал яйцо в кулаке. Содержимое моментально впиталось в нити уникального организма, но на мизинце осталась одна единственная крошечная скорлупка. Он обратил невидящий взор на белую крошку, прилипшую к имитации ногтя.

— Никита. Какие летательные аппараты могут здесь перемещаться? — медленно спросил он.

— Теоретически — любые, как мне кажется. Думаешь, контейнер, где ты находился, перевозили по воздуху?

— Я подумал, что если везли из России, то только на самолете.

— Верно. Но сомневаюсь, что поблизости проходят воздушные трассы. Севернее, возможно. Но не над этим округом. Да и авиакатастрофу большого лайнера не прикроешь сказочкой про метеорит. Тем более если рейс международный.

— Из стеклянной банки я вылез на лесном грунте.

— Тогда почему самолет?

— Было ощущение, аналога которому я еще не встречал в сознательной жизни. Я даже не знаю, как это описать.

— Отрыв от земли? — осторожно предположил Никита.

Кир пожал плечами.

— Может быть, высокая скорость?.. А, ладно. Не бери в голову. Мы, кажется, в магазин собирались?

Ник глянул за окно.

— Опять дождь и опять на весь день. Как-то не охота тащиться по лужам на ручной тяге.

— Давай коляску соберем назад.

— Ага. Только сначала инструкцию нужно где-то найти, — Никита кисло скривился.

— Ты не помнишь, как разбирал?

— Не то, чтобы совсем не помню. Не помню некоторых деталей.

На лице Кирилла плавно всплыла мина тотального замешательства.

— Но ты уверял, что хорошо знаешь устройство. Поэтому я не стал спрашивать в помощники.

— Ты тоже уверял, что хорошо знаешь, как поджигать целлюлозу, — моментально парировал Никита.

Они обескураженно посмотрели друг на друга и дружно рассмеялись.

Увлекательное мероприятие — сборка ходовой части инвалидной коляски — проходило сначала в две человеческие и две имитированные руки, затем только в две имитированные, потом в два десятка разновеликих жгутов-щупальцев, и, наконец, объединенным составом, но при наличии распечатки инструкции. Однако коляска заводиться отказалась. Никита, тихо чертыхаясь, поехал в комнату за ноутбуком, чтобы уточнить параметры модели, а Кирилл взялся разбирать конструкцию заново.

После второй сборки мотор заработал и коляска под управлением Кирилла поехала. Но Никита закричал: — стоп! — и показал на «лишние» детали, скромно лежавшие в сторонке.

Третья сборка проходила строго по инструкции, но до конца не дошла, ибо в инструкции запутались оба новоявленных ремонтника. И тогда Никита с серьезной миной процитировал:

— «Положь колдобину со стороны загогулины и два раза дергани за пимпочку. Опосля чего долбани плюхалкой по кувыкалке».

Кирилл на несколько секунд задумался, а затем высказался таким же серьезным тоном:

— Просто, понятно и делается на ощупь. А это, — он с отмашкой показал на листы с инструкцией, — послание с Альфа-Центавра какое-то.

Отсмеявшись, они оставили неподдающуюся сборке коляску в углу гаража и отправились в комнату заниматься немецким.

Методично выжимая штангу, Никита не слышал позывной мобильника, но Кирилл обратил внимание на незнакомый звук из недр дома. Мобильник был немедленно доставлен в «спортзал» в сеточке из нитей, и Никита, глянув на дисплей, удивленно поднял брови.

— Мать звонит, — пояснил он и принял вызов.

В динамике резко прозвучало по-английски — это ты?

И, получив утвердительный ответ, она без предисловий заговорила о документах, обоснованиях, паспортах и каких-то запросах. Никита с трудом вклинился в нервный монолог с вопросом — что случилось?

Кирилл нахмурился, заметив, как на его лице застывает маска напряженной серьезности.

— Нет, все мои документы у меня, — Никита начал обстоятельный ответ соответствующим тоном. — Я ничего не терял. Я имею право оставаться в США до августа этого года по студенческой визе... Уезжаю к отцу... Кто у тебя?

Смена тональности разговора произошла неожиданно, и Кирилл вопросительно кивнул. Никита быстро прижал пальцем микрофон, шепотом по-русски пояснил: «Слышно, как младенец кричит», — и снова в микрофон по-английски.

— Могу я узнать, брат или сестра?.. Понимаю, — Никита с трудом скрыл вздох. — Будь счастлива. Пока.

Никита задумчиво повертел в руке умолкший телефон. Кир жестом предложил забрать аппарат. Никита вложил мобильник в щупальца и потянулся за полотенцем. Вместо полотенца на плечах, спине и груди очутилась мягкая «ниточная» шаль.

— Спасибо, — он улыбнулся и откинулся в теплый мягкий массив материи, как на спинку кресла. — Слышал, что она говорила?

— Нет. Не вслушивался.

— Оказывается, она недавно опять стала матерью. А ведь была здесь в феврале, и не сказала, что ждет ребенка. Впрочем, она сейчас заявила, что я никто для ее дочки... Ладно. Надеюсь, обе они будут счастливыми.

Кир выдержал паузу и, заметив, что грусть рассеивается, спросил:

— Почему она позвонила?

— Какой-то запрос на меня сделали. Уточняли мой статус как проживающего в США. Она ответила, что я совершеннолетний и с ней не общаюсь. Этого хватило. А мне стала трезвонить, чтобы уточнить, легально ли я тут нахожусь, не терял ли документы и не собираюсь ли ее подставить.

— Почему обратились к матери, а не к тебе непосредственно?

— Понятия не имею. У меня студенческая виза, отец помог оформить. Может быть, я до сих пор при матери числюсь, как привезенный из заграницы ребенок? Она гражданство получила, я прошение не подавал. Вот и спохватились: куда делось завезенное дитё?... Ну кто бы мог подумать! Единоутробная сестра. На восемнадцать лет младше! Если на мать похожа, будет красивой девчонкой. Знаешь, я раньше тихо завидовал людям, у которых были братья или сестры. Казалось, будто родство — гарант настоящей дружбы. С возрастом понял, что это иллюзия. Контакт держится на узах души, а не крови. С лихвой испытал на себе. Вот тебе моя родная мать, — он взглядом нашел отложенный телефон. — Усыновившего меня отца ты видел по скайпу. У тебя самого вообще крови нет, а спелись мы с тобой сразу и навсегда.

Утром после обычной легкой разминки в положении лежа на кровати Никита сел, привычно скинул вниз ноги и вдруг увидел движение левого коленного сустава — нога согнулась и стопа плотно прижалась к полу.

— Кир... — выдохнул он и тут осознал, что управляет ногой сам, по собственной воле. — Кирилл! — выкрикнул он во всю глотку.

Тот стремительно вкатился в комнату, мигом распознал ситуацию, нахлынул на Никиту всеми своими нитями и медленно поднял, тщательно контролируя порядок своих и человеческих действий. Никита несколько секунд балансировал самостоятельно, но колени подогнулись, и он ткнулся лбом в сплетенное из нитей плечо.

— На сколько ты меня держал? — быстро выговорил он, не поднимая головы.

— Следовал только за твоими движениями. Как страховка.

Никита выпрямился в крепком «экзоскелете» и с помощью Кирилла опустился в коляску.

— Эти импульсы, — Кирилл наклонился к его лицу. — Это боль?

Никита отрицательно мотнул головой.

— Суставы ноют. А вернее сказать — воют. Нагрузка велика оказалась... А теперь, как мурашки по обеим ногам... Эй, это ты делаешь?

— Да. По принципу вибрационного массажа. Отпустило?

Никита медленно выдохнул.

— Порядок.

И поднял взгляд: глаза блестели неподдельным восторгом.

— Кирилл, я чувствую обе ноги! Я управлять могу!

Он разогнул левую ногу, но при этом правую спонтанно повело в сторону.

— Как дитё малое, — он усмехнулся. — С координацией не ладится.

— Не всё сразу, — Кирилл руками вернул его ноги на подножку коляски. — Пути открыты. Нужно не торопясь распутать и упорядочить токи.

— Ты это видишь?

— Да. Теперь отчетливо вижу. И знаю, как помочь.

Про разобранную коляску с электроприводом Никита вспомнил, когда, собравшись в магазин, не обнаружил своё уличное средство передвижения на законном месте.

— У-ё! — с досадой воскликнул он. — Ладно, на руках прокатимся. Куда я подевал перчатки?

Он повернул, было, к хозяйственному стеллажу, но Кирилл придержал коляску за ручки.

— Я тебе вместо перчаток.

— Ты бы скрылся для начала, — напомнил Никита. — То-то же... Эй, ты мотоциклетные перчатки изобразил, а нужно велосипедные. Они тоньше в два раза... Ага. Сойдет. Поехали.

Доехав до середины моста, Никита заметил впереди, на съезде к реке, припаркованный автофургон. Кирилл вопросительно сжал правое запястье. Никита решил, что требуется комментарий:

— Заезжий, встал не на месте... Странно. Вроде обычный грузовичок, а стекла тонированные.

Прессинг на запястье усилился, и Никита почувствовал, что Кирилл обращает его внимание назад. В попутном направлении за спиной нарастал шум мотора приближавшейся машины.

— Что бы ни случилось, представь, что мы с тобой сиамские близнецы, — выдохнул Никита.

Он рефлекторно схватился за шею, куда впилося что-то жгуче-болезненное. Секунды не прошло, как в ушах поднялся звон, а глаза залила белесая муть. Последнее, что он почувствовал прежде, чем окунулся в холодную тьму, был плотный теплый кокон, обвивший все его тело.

* 5 *

— Никита... Никита, очнись... Видишь меня? Скажи что-нибудь!

Никита в ответ только промычал, потому что скулы, язык и губы отказались повиноваться едва-едва очнувшемуся мозгу.

— Никита, пожалуйста!

В голосе было столько отчаяния, что он небывалым усилием воли вытряхнул из себя холодный дурман.

— Кирилл? — пробормотал он и обнаружил точно перед собой собственное лицо, но абсолютно белое и чуть-чуть подсвеченное изнутри подобием «лунного» света.

Белое лицо опустилось еще ниже, невидящие глаза скрылись под веками, а широкий лоб уперся в такой же человеческий.

— Теперь я знаю, что такое ужас, — выговорил Кирилл.

— Что тут было?

— Ты лежал без сознания. Так долго и так страшно, что мне стало казаться, ты уже не проснешься.

— Не бойся. У меня богатый опыт выползания из-под наркоза.

Никита хотел поднять руку к лицу, но натолкнулся на упругий конгломерат нитей.

— Здесь очень тесно, — предупредил Кирилл.

Никита осторожно посмотрел вокруг насколько позволяла упругая масса, окружавшая его со всех сторон, и лишь теперь сообразил, что лежит внутри многослойного ниточного кокона.

— Это всё твоя материя? — ужаснулся он. — Кирилл, это же в десятки раз больше, чем было! Ты как? Ты в порядке?

— Нашел, о чем волноваться!

— Не «о чем», а о тебе, — отрезал Никита.

— Я этого не заслуживаю. Все твои неприятности из-за меня. Если бы я оторвался от тебя там, на мосту, с тобой ничего бы не случилось!

— Кирилл, — Никита поймал в кулак какую-то петлю из бесконечного потока нитей. — Если бы ты сорвался, мы бы навсегда потеряли друг друга. А сейчас мы вместе. И это самое главное. Видишь, моей жизни ничто не угрожает. Никакие спецслужбы не имеют права убить человека без суда и следствия.

— По-моему ты опасно ошибаешься. Сюда накачивали вещества, которых нет в обычном воздухе. И тебе становилось хуже и хуже. Я долго пытался просеять вредоносные элементы...

— Ты создал молекулярный фильтр? — перебил Никита.

— Я не могу создать ничего вещественного!

— Эй, успокойся. Я очнулся, я в порядке? Значит, ты как-то просеял закись азота и всё остальное, что сюда накачали.

Кирилл тяжело вздохнул.

— Я нашупал входную трубку, свернул ее в узел, а в дыру загнал имитацию помпы для нагнетания естественного воздуха. И сделал это с непростительным опозданием!

Никита поперхнулся.

— Все гениальное просто, — заметил он, прикусив неуместную сейчас усмешку.

— Не смешно, — откликнулся Кирилл.

И Никита вспомнил, что давить мимику в разговоре с Кириллом бессмысленно, поскольку настроение собеседника он определяет без посредничества зрения как такового.

— Извини. Хотел тебя подбодрить, — Никита вытащил руку из массы нитей и прижал ладонь к плотному узлу, в котором угадывались очертания плеча.

Кирилл тут же оформил шею, плечи и грудь, а на лице сформировал почти естественный кожный покров. Эффект «лунной подсветки» пропал, однако освещенность внутри кокона уменьшилась незначительно.

— Ты точно нормально себя чувствуешь? — осторожно уточнил Никита.

— Запас энергии потратил полностью и открыл резервы. Я, кажется, окончательно стабилизировался. Физическую материю увеличить не могу. На последней попытке расширяться увеличил только сеть путей.

Он почувствовал испуганное напряжение Никиты и поспешно добавил:

— Это как переход количества в качество. Материю можно сбросить при необходимости и легко восстановить до стабилизированного объема. А пути расширяются постоянно, потому что пути — не материя, а информация.

— Будем считать, что ты стал совершеннолетним, — подытожил Никита облегчено. — А теперь давай выбираться отсюда.

Он решительно расправил плечи и почувствовал упругое сопротивление. Кирилл поспешил пояснить:

— Мы находимся в узком, горизонтально ориентированном коробе вроде капсулы со скругленным бортами. Материал похож на очень крепкое стекло. Открывается как ларец, но зазора нет, и вскрыть запор я не смог. Внешний контейнер — длинный ящик. Вроде бы металлический. Закрытый, но негерметичный. Капсула в нем не закреплена.

— Как узнал? Ощупывал?

— Да. После того, как выдернул трубки.

— А что у меня жужжит за головой?

— По-моему это часть системы управления воздухом. Я не знаю, как оно устроено, поэтому под кожух не полез. Почувствовал нечто общее с аккумулятором твоей коляски. С этим узлом что-то делали перед взлетом. И, кажется, раньше тоже.

— Кирилл, погоди, — Никита тряхнул головой. — Давай по-порядку. Что произошло после похищения на мосту?

Кирилл опустил веки.

— Тебя захихнули в автофургон. Я запаниковал: не понимал, почему ты потерял сознание. Причину определил, когда к твоей руке поднесли иглу. Я обвинил всего тебя и вторую инъекцию предотвратил. Но не смог привести в чувство. Был настолько шокирован, что не запомнил, ни как нас закрыли в этом ящике, ни как везли. Когда в капсулу начали нагнетать ненормальный воздух, я принялся изобретать методы защиты. Даже счет времени потерял. Но зафиксировал момент отрыва от земли.

— Нас транспортировали на борту самолета, — подсказал Никита.

— Да. И полет длился долго. Намного дольше того эпизода, который я помню. Перед взлетом внешний ящик открывали. Уверен, потому что почувствовал поток яркого искусственного света.

— Сейчас ящик тоже открыт?

— Нет.

— Тогда откуда тут свет?

— С одной стороны капсула полупрозрачная, а в ящике есть очень узкие щели. Я имитировал флуоресцентные свойства на небольшом объеме моей материи и отразил свет внутрь.

Он помедлил, но все-таки решил договорить:

— Не хотел, чтобы ты лежал в темноте. Очень уж эта штука, — он движением бровей показал вверх, — похожа на саркофаг.

— Спасибо. Но давай отставим замогильные темы. Это всё — какой-то современный комплекс транспортировки биологических материалов. И наверняка инженеры, его

проектировавшие, не предполагали, что биологические материалы умеют соображать. Поэтому достаточно включить мозги, чтобы выбраться отсюда.

— Мне бы твой оптимизм.

— Ты уже ощупывал внешнее покрытие капсулы. И щели в ящике есть. Значит, ты запросто вытечешь отсюда полностью.

— Я не оставлю тебя одного! — воскликнул Кирилл.

— Ну, не полностью. Частично. Вылези, посмотри, что там вокруг, и найди что-нибудь, чем раздолбать это «гроб хрустальный».

Кирилл склонил голову так, будто прислушивался к внешним звукам.

— Не уверен, что снаружи безопасно, — произнес он.

— Мы до сих пор в полете?

— Нет. После приземления ящик передвигали, а потом везли на автомашине. И снаружи было жарко. Я почувствовал непривычное тепло, когда подменял трубки.

— Тогда нечего опасаться!

— Никита, недавно здесь были люди. Те, кто переносил ящик. И кто инспектировал доставку. Если за нами наблюдают, заметят движение нитей. И примут меры по пресечению побега.

— Иногда нужно действовать на авось, — заявил Никита. — Ты сейчас чуешь поблизости людей?.. Ведь нет, правда? Действуй. Исследуй место, рассказывай мне, что ощущаешь и что делаешь.

Кирилл помедлил. Затем кивнул, но предупредил.

— Мне придется распутать мой псевдо-насос. Как ты будешь дышать?

— Без проблем, — уверил его Никита. — Вперед!

Через несколько минут он понял, что весьма опрометчиво утверждал, будто продержится без внешнего источника воздуха. Единственное отверстие наружу было закупорено подвижным потоком нитей, и углекислый газ начал заполнять воздушное пространство тесной капсулы. Едва очнувшееся от наркоза сознание принялось опасно мерцать, несмотря на все усилия Никиты сохранять ясность рассудка и игнорировать подкатившую дурноту. Кирилл, занятый контролем внешнего пространства, проблеме не заметил и продолжал комментировать:

— Внешний угол... Стена... Дверь, кажется. Металлическая со щелями. Шкаф? Вентиляция?.. Внутри перекладки и много винтиков. Ничего не понимаю! Мне нужен какой-нибудь измерительный эталон.

— Ты бы общую кубатуру определил для начала, — с трудом сохраняя бодрые ноты в голосе, посоветовал Никита.

— Не могу сопоставить направления и расстояния. К дому я привык, а здесь я как будто в космосе!

— В давние времена люди плавали по морям строго вдоль берега. Каботажное судоходство это называлось. Вот и ты так же действуй. По стеночке, по стеночке.

— Я так и делаю. А тут щели и какие-то штуковины... Стержни? Носики?... У-ё. Кажется, я свет выключил... Теперь включил.

— Эй! Это не стержни и носики. Это рубильники. Не трожь!

За нечаянно громким возгласом последовал приступ удушья. Кирилл мигом сосредоточился внутри капсулы, осознал, в каком состоянии находится Никита, и принялся суматошно собирать свою материю. Поскольку материи было много, а страха за человеческую жизнь еще больше, восстановить накачку воздуха моментально не удалось. И Кирилл, раскинув точки опоры как и куда пришлось, направил всю свою энергию наружу. Армированное стекло сопротивлялось несколько секунд и громко капитулировало вместе с

крышкой внешнего ящика и его бортами. Обломки и осколки разлетелись во все стороны, рикошетом отскочили от стен и посыпались на кокон с человеком внутри.

Никита не ощутил какого-либо контакта с твердыми объектами, но изменение пространственной ориентации и грохот привели его в чувство. Легкие наполнились долгожданным кислородом. Вокруг взбурлила белая масса, и он понял, что лежит на полу лицом вниз под мягким, как вата, материальным облаком.

— Кирилл! — выкрикнул он. — Где ты?!

Вопрос был дурацким, ибо вокруг присутствовало несметное множество нитей. Но в то же время актуальным, поскольку масса двигалась хаотично, никакой вразумительной формы в обозримом пространстве не наблюдалось, а пойманный наугад жгут вытек из пальцев, как ослабшая рука потерявшего сознание человека. Кроме того весь вещественный массив уникального тела импульсно менял интенсивность свечения.

Никита принялся выпутываться из вялых клубов. В ответ на его движения «кокон» обмяк и растекся по полу. Под «дневным» светом потолочных осветителей в небольшом — вроде кладовки — помещении ниточная масса выглядела как огромный пушистый сугроб.

Никита машинально уперся ладонью в холодный пол и, не спуская взгляд с того участка, где формировалось лицо, поднялся на ноги и отступил к стене. Естественно и просто. Несмотря на дрожащую слабость в коленях.

— Кирилл, — вполголоса позвал он.

Материя взбурлила и стремительно оформилась в человеческую фигуру. Вторая волна добавила детали, на третьей — внешняя оболочка стала неотличима от человеческой кожи. Лицо проявилось сразу и целиком, и на обнаженные плечи упали густые светло-русые волосы.

— «Себя как в зеркале я вижу, но это зеркало мне льстит», — процитировал Никита и облегченно улыбнулся. — Зачем тебе настолько детальный мышечный рельеф? Так ты только подчеркиваешь наготу. Подробности ниже пояса вообще не в тему. А здоровые мышцы ног не так выглядят в объеме.

— Оттестировал информационный путь, заготовленный два дня назад, — ответил Кирилл и добавил поверх сформированной фигуры детали одежды — спортивные брюки, кроссовки, майку и клетчатую рубашку с длинным рукавом. — Так лучше?

— Идеальное сходство. Может, хотя бы цвет штанов и рубашки поменяешь? Взрослые близнецы настолько одинаково не одеваются.

— С цветом сложно пока, — ответил Кирилл, сделал на лице выражение напряженного ожидания и движением глаз предложил Никите посмотреть вниз.

Тот опустил взгляд. Процесс осознания собственной диспозиции занял несколько секунд.

— Кирилл, я стою, — тихо сообщил он. — Вроде даже сам.

— Безусловно — сам. Но побереги силы. Боюсь, сейчас здесь будет много народу. Я чувствую бурю человеческих эмоций поблизости.

Кирилл подступил вплотную. Никита воспользовался предложенной помощью: навалился на крепкое плечо.

— После взрыва, который устроил ты, — он кивком показал обломки и осколки, — буря ответных эмоций неизбежна.

— Но я ничего такого не делал! Здесь не было ни огня, ни химических реакций!

Никита оглянулся на металлический стеллаж в глубине узкого помещения со стопками разноформатных емкостей на полках, посмотрел на пластиковые бочки, аккуратно составленные вдоль стены, на транспортировочную двухколесную тележку и вернулся взглядом к контейнеру, от которого осталась только нижняя часть, служившая ложем.

— Ты просто выдавил крышку изнутри? — осторожно спросил он.

— Наверное. Не знаю, как получилось.

Издали донесся отчаянный женский визг.

Никита дернулся в сторону железной двери, увидел узкую щель между грубым полотном и массивной рамой, и оторопело застыл.

— Тут было открыто?

Полупрозрачные потоки нитей, начинавшиеся под рукавами псевдо-рубашки, в этот момент оперативно ощупывали порог.

— Так же как сейчас, — быстро пояснил Кирилл. — Это входная дверь?

— По крайней мере выход из этой кладовки, — Никита пошел вперед.

Кирилл схватил его за локоть исключительно по-человечески.

— Снаружи происходит что-то нехорошее. Я первым выйду.

— А толку-то? Ты не видишь дальше своих щупов.

И Никита смело шагнул за порог.

В скудно освещенном неопрятном помещении, похожем на полупустой склад, у стены слева сгрудились несколько лабораторных каталок. Дальше стоял штабель транспортировочных ящичков и лежали мешки с цементной смесью. Мощная двустворчатая дверь располагалась напротив, поднятая выше уровня пола метра на полтора. На входной порт в виде широкой металлической площадки вела короткая крутая лестница с одной стороны и сетчатый пандус с другой. А вперед выступала конструкция вроде короткого грузового подъемника, заляпанная не то белилами, не то краской. На стене над пандусом вяло подмигивала красной лампочкой кнопочная электронная панель. Другой электронный замок — тоже с красным огоньком — Никита заметил справа рядом с сомкнутыми створами, напоминавшими двери грузового лифта. Однако между створами на полу торчал обрывок грязного пластикового мешка, что ставило под сомнение корректность индикации.

— Вижу два потенциальных выхода. Оба закрыты, но заперты или нет — нужно проверить, — шепотом сообщил он и посмотрел вверх.

Фальшпотолков не было, поэтому ничто не скрывало магистрали труб и коробов между потолочными фермами. О назначении этих коммуникаций приходилось лишь гадать, но Никита отметил про себя, что часть уходит вверх, на следующий высотный уровень здания, а прямо над дверью с грузовым пандусом видна полоса естественного света.

Чтобы рассмотреть, как устроены потолочные перекрытия и откуда льется свет, нужно было приблизиться к стене непосредственно. Никита собирался это сделать, но тут справа началось интенсивное движение нитей. Он тревожно проследил за течением щупов по внешней стене кладовой и решил изменить приоритеты. Кирилл в своем человеческом облики последовал за ним.

— Где-то тут штуковины, которые ты определил рубильниками, — вполголоса напомнил он.

Никита заглянул за угол.

— Ничего себе «тут»! — воскликнул он вполголоса. — Щитовая в тупике прохода. Э! Уберись оттуда от греха подальше! По-моему это центр управления электричеством всего здания.

— Я чувствую рядом поток воздуха. Как будто тонкий сквозняк из длинного коридора.

— Оттяни щупы назад на две длины фортепиано. И разверни «на девять часов», — подсказал Никита. — Вот и сквозняк.

Правее закрытой двери — той, с пакетом между створ — располагалась вторая такая же, но приоткрытая. От случайного смыкания створы предохраняла ножка лабораторной каталки без колеса, вставленная в направляющий рельс как распорка. Никита не видел эту дверь раньше, поскольку обзору мешал угол складского помещения. Зато теперь разглядел и «больничное» покрытие полов в коридоре, и панель с изображением знака «биологическая опасность».

Мягкие жгуты, ненавязчиво страховавшие Никиту в его самостоятельном передвижении, вдруг напряглись все как один.

— Человек погиб, — прошептал Кирилл не своим голосом. — Совсем рядом...

Никита быстро глянул на угрожающий «трилистник» над входом. Табло было отключено, но выглядело так, будто ничто не мешает ему вспыхнуть в любой момент. И тем не менее решение не изменилось.

— За мной! — Никита уверенно пошел к дверям.

Но уперся в паутину упругих нитей.

— Кроме людей там есть что-то... или кто-то, — начал Кирилл.

Никита неким энным чувством уловил, о чем он боится думать.

— На месте разберемся, кто, что и зачем, — сурово постановил Никита.

Кирилл согласно кивнул и, сохраняя полное человеческое обличие, первым протиснулся между створ. Никита вошел следом, усмехнулся, заметив полупрозрачные жгуты, тщательно прикрывавшие его с спины, огляделся и осторожно двинулся вперед.

— Коридор метров тридцать. Это примерно как три дома в длину, — начал комментировать он вполголоса. — Заканчивается такой же дверью, какую мы прошли. Но та закрыта. Над нами фальшпотолок со встроенными лампами. Коммуникационных коробов не видно. Слева глухая стена. Справа тоже стена, но с окнами. И дверь с окошком... Ага, ясно. За ней пустой зал без освещения.

— Я не могу нащупать ни единой сквозной щели, — сообщил Кирилл.

— По-моему это серьезная биологическая лаборатория. Тут ты щелей не найдешь.

— А открытый вход?

Никита передернул плечом.

— Неукомплектованная? Смотри, второй зал тоже запертый и пустой. Зато в последнем дверь открыта и есть свет...

Он приостановился, чтобы обсудить тактику, но тут со стороны освещенного зала донеслось отчетливое: — Help! Please!

Над порогом приподнялась рука, раздался тяжелый хрип, и в коридор потекла бурая жидкость. Никита недолго думая метнулся к человеку, выползавшему из помещения. Кирилл поступил осмотрительнее: запустил все свои свободные щупы на дверной проём, зафиксировал полотно узкой двери в позиции открыто, собрал информацию из ближайшего пространства и застыл, шокированный открывшейся ему картиной. Никита воспринял обстановку зрительно в проекции снизу вверх, поскольку прежде наклонился к пострадавшему, а потом уж посмотрел в зал.

Гигантская объемная клякса, беспрестанно меняя формы, качалась посреди осколков и обломков какого-то агрегата. Небольшой — на фоне общего размера — пласт сизой массы залил часть разгромленного лабораторного стола и теперь неспешно тянулся к настольным полкам. А основная часть методично подтягивала и подминала под себя... женские ноги.

Не поверив своим глазам, Никита медленно огляделся в надежде отыскать нормальное человеческое объяснение царившему вокруг ужасу. Взгляд уперся в мокрый ком одежды. Брюки. Ремень. Один большой ботинок. Мужской.

Спасительная мысль — всё это игра воображения, — погибла в зародыше, как только плотоядная клякса продемонстрировала новым зрителям свою избирательность в вопросах питания. Грязная тряпка, в которой угадывались обрывки лабораторного халата, выплыла из бокового отростка и отлетела в сторону, как добротный плевок.

Никита почувствовал, что пустой желудок вот-вот выпрыгнет из горла.

Из ступора его вывел голос Кирилла.

— Перехвачу щупы! Оттащи человека!

Никита с трудом перевел взгляд на лежавшего. Несколько тонких, как ленты, пластов грязно-сизой массы, туго опоясывали молодого — около тридцати, — но уже изрядно заплывшего жиром белого мужчину.

Никита схватил его за руки и, чуть только путы ослабли, мощным рывком выдернул в коридор. Спину и ноги жестоко свело, но адреналин хлестал через край, поэтому собственной боли он не заметил. Кирилл в этот момент боролся с взбурлившей кляксой, сохраняя видимость человеческой формы.

Никита отпихнул спасенного дальше от двери и крикнул по-английски: беги!

Тот попытался что-то сказать сквозь судорожное дыхание. Никита разобрал фразу «там в аппаратной», но дожидаться пояснений не было времени. Он повторил — беги! — кинулся в зал и мощным толчком захлопнул дверь у себя за спиной.

— Эй ты!! — заорал он на бурливший конгломерат, запертый в сетке белых нитей. — Не смей людей жрать! Весь свой вид позоришь, урод!

— Он тебя не понимает, — крикнул Кирилл.

— Объясни ему!

— Это невозможно. Он давно стабилизировался.

Сизая масса вдруг свернулась в шар. Да так стремительно и неожиданно, что Кирилл не успел ничего предпринять. Энергия была собрана в считанные мгновения, и состоялся выброс — пласты и ленты ринулись во все стороны сквозь провисшую «сеть». Около четверти из них прилипли к стенам и лабораторному столу, а львиная доля целенаправленно устремилась на Никиту, как толстая струя грязной вязкой жидкости. Кирилл мгновенно сложился в плотное полотно. Опорные жгуты он раскинул через полкомнаты на стену с входной дверью, а потому жесткого щита не получилось. Зато получилась отличная ракетка. Плотоядная масса отлетела назад, однако не утомилась — без промедления начала собираться в биоморфоподобный конгломерат.

— Распределяет энергию для следующей атаки, — раздалось у Никиты над головой.

Он быстро глянул вверх. Кирилл пожертвовал формой ради увеличения площади контроля, но сохранил голосовой аппарат в недрах своего материального массива.

— Есть идея! — объявил Никита. — Помоги!

Он пинком развернул небольшой стол вроде приборного, убедился, что конструкция хилая, и мощным рывком отодрал столешницу. Кирилл не успел принять физическое участие в реализации идеи, но каким-то образом осознал план действий, изложенный в трех коротких фразах:

— Отобьюсь! Ты с тыла! Запихни в шкаф!

Кирилл в очередной раз восхитился виртуозностью человеческой интуиции: Никита угадал, что противник готовится воздействовать на упругую материю, поэтому избрал в качестве орудия противодействия по-настоящему твердый объект.

Вне понимая остался только образ шкафа.

Но Никита опять удивил: почуял вопрос без каких-либо вербальных проявлений и скороговоркой добавил:

— Железный двусторчатый шкаф от меня «на одиннадцать часов»!

Он перехватил столешницу за ребра ближе к углам, размахнулся и встретил бросок сизой массы с заранее набранном импульсом силы. Результат превзошел все ожидания: плотоядный конгломерат кувырком покатился точно в объявленном направлении. Непосредственно внутрь он не попал, но очутился в шкафу, проиграв изощренный борцовский этюд ниточным жгутам. Кирилл захлопнул дверцы.

— Как запереть? — крикнул он, тщетно разыскивая шупами что-либо похожее на запор или задвижку.

Никита, тяжело дыша, выпрямился, живо оценил обстановку и скомандовал.

— Опрокинь фасадом в пол! И сверху что-нибудь... — он закашлялся от напряжения.

Кирилл не нашел ничего лучше, как водрузиться на ловушку всей массой материи. Несмотря на безусловные успехи в управлении своей уникальной энергией, изменять собственный вес он не умел, а потому пресс оказался слабым.

— Держи! Уйдет! — Никита рванул на помощь, но поскользнулся и шмякнулся в бурю лужу, раскроив штанину и кожу на бедре большим осколком толстого стекла.

На глаза попалась копна черных курчавых волос. Проблема весов и противовесов мигом отлетела в задние ряды, когда он понял, что смотрит на свежий женский скальп с обрывками черной кожи.

Кирилл не определил, что именно шокировало Никиту, но почувал его кровь. Свою панику в этот раз он пресек, и принялся спешно собирать энергию, чтобы раскинуть над ловушкой сеть собственного производства. Быстро понял, что остатков сил не хватит, и пустился в импровизации в стиле «на авось». Нащупал поодаль широкую трубку, вокруг которой электричество ощущалось так же, как рядом с электроприборами, и дернул вверх.

Никита очнулся от короткого оцепенения:

— Правильно! — крикнул он.

Кирилл переметнулся на его тело, моментально создал плотную диэлектрическую оболочку и, разодрав провода, прижал весь пук к металлической поверхности. Посыпались искры, что-то хлопнуло в районе выхода, и отключились все потолочные лампы. Освещение осталось в коридоре и за прозрачной стенкой, отсекавшей узкую часть зала справа от входа. Никита рефлекторно оглянулся на свет и увидел женщину в легком брючном костюме, неподвижно взиравшую на него сквозь толстые линзы круглых очков.

Однако плотоядный биоморф был сейчас куда более серьезной проблемой, чем случайный зритель, и Никита вернулся взглядом к неподвижному шкафу.

— Кирилл, он там живой, как думаешь?

— Еще как живой, — ответил тот и принялся собираться в форму человека.

— За нами наблюдают, — предупредил Никита.

Кирилл не понял.

— Ему фиолетово, как я выгляжу. Я для него просто несъедобная помеха. У него ни чувств, ни сознания. Только механизм пожирания и разрастания. А еще хорошо развитый инстинкт самосохранения и...

Кирилл осекся и спиной отодвинул Никиту дальше, к стеклянной перегородке. Очень вовремя, поскольку в следующий момент двустворчатый сварной шкаф весом не менее двухсот килограмм взлетел вверх до потолка. И стало предельно ясно, что на сей раз на авось не удалось.

Поток нитей нахлынул на Никиту.

— Не двигайся! Переждем, — скомандовал Кирилл.

Никита затаил дыхание. В зале оставалось достаточно света, чтобы рассмотреть гигантскую каплю, раскачивавшуюся над перевернутым шкафом. Но длинные затеки, расплзшиеся по полу, он заметил не сразу. В то же время позади, в секции, где оставалась женщина, началось активное движение света и теней. Никита осторожно оглянулся и шепотом прокомментировал жестикуляцию незнакомки в очках:

— Нас приглашают в безопасный отсек.

— Здесь еще кто-то есть? — испугался Кирилл.

— Не здесь, за стеклом, — успокоил его Никита.

Жгуты нитей живо ощупали прозрачное покрытие. Ни единая ниточка из «укрытия» Никиты не шевельнулась, но ленты-затёки, выползавшие из желеобразной массы, дружно повернулись в его сторону.

— Вибрация, — еле слышно пробормотал Кирилл.

В следующий момент раздался тонкий гудеж электронного запора, и откатная дверь, доселе практически незаметная, отъехала на полметра. Щупальца-затёки, а следом и весь биоморфоподобный конгломерат немедля потянулись к открывшемуся проходу. Кирилл опередил: мигом распознал расположение и границы дверного проема, запихнул Никиту в помещение, ввалился следом за ним, а проход перекрыл широким пластом своей материи. Щупальца потеряли цель, но основная масса продолжала угрожающе бурлить, будто готовилась к броску.

— Кирилл, втекай! Закрываю! — объявил Никита, разобравшись с запором в считанные секунды.

Дверное полотно поехало на позицию «закрывается», и в том же ритме стал сжиматься щит, сотканный Кириллом. Биоморф выбросил вперед длинный пласт массы, врезался в стекло и метнулся в сторону сокращавшейся щели. Яростная борьба подвижных нитей и водянистых отростков прекратилась, чуть только чмокнул электронный замок. Никита вскрикнул: в склизкой «сопле», растянувшейся по всей высоте дверного полотна, чернели и таяли пучки нитей.

— Не пугайся, — предупредил Кирилл. — Я сбросил совсем немного. Жаль, что он не способен забрать мою информацию.

— Вообще никаких шансов его вразумить? — механически уточнил Никита.

— Там нечего вразумлять. Даже мышь понимает больше, чем эта масса. Подпитка и увеличение материального массива — вот как он определил себя. Никита?

Тот ухватился обеими руками за крепкие плечи, обозначенные, но не оформленные детально, и пробормотал:

— Поплыл. Кажется, отходняк подступает.

— Тебе нужны вода, питание и отдых.

— Знаю. Потом. Нам еще предстоит как-то объясниться.

Кирилл вспомнил о присутствии постороннего человека, наскоро ощупал ближайшее пространство и замер, отчетливо ощутив на себе внимательный взгляд. Человеческая форма сложилась моментально без сознательной самонастройки — сработал тщательно выстроенный рефлекс.

— Ай эм сорри, эм, — произнес он так, как мог — безо всякого соблюдения правил фонетики.

Никита встрепенулся и поспешно подхватил на безупречном английском: «Извините нас, эм. Мы постараемся вам всё объяснить. Подождите несколько минут, пожалуйста».

— Ничего-ничего, не волнуйтесь. Я подожду, — прозвучало в ответ на чистейшем русском языке.

Никита развернулся, как на пружине. Кирилл подхватил его рукой под грудь для обеспечения устойчивости. Женщина тепло улыбнулась обоим, и Никита заметил под толстыми стеклами круглых очков влажный блеск. Кирилл детально не разобрался в потоке эмоций, но одно определил точно: незнакомка не испытывала неприязни, страха или отвращения. Напротив, она всей своей энергетикой тянулась к контакту. И он рискнул обратиться к ней первым:

— Мы благодарны вам за предоставленное убежище, эм,... — уверенно начал он и, споткнувшись на обезличенном обращении, заторопился. — Мадам, простите мою настойчивость: не могли бы вы... нет ли где-нибудь здесь питьевой воды?

Он кивком показал на Никиту.

— Ой-ля-тополя, сколько слов! — не то весело, не то восхищенно воскликнула русскоговорящая дама.

Кирилл присказку не понял и окончательно смутился. Никита ткнул его локтем и открыл рот, чтобы подать пример общения. Но собеседница опередила.

— Для начала я не «мэм» и не «мадам». Меня зовут Надежда Андреевна. Я из России, а тут нахожусь по поводу неприятного инцидента у коллег-биологов.

Она выразительно посмотрела на Кирилла. Никита рефлекторно подался вперед, чтобы закрыть его своим телом от чрезмерно заинтересованного взгляда. И в следующий момент заметил на мочке правого уха женщины глубокий рубец.

— Кирилл, у нее шрам на ухе, — напряженно прошептал он. — Сережка. Помнишь?

— У-ё, — выдохнул Кирилл. — Надежда Андреевна, когда-то я причинил вам боль? Пожалуйста, простите меня.

Она спонтанно нащупала пальцами шрамчик и изумленно подняла брови.

— Ты про серьгу помнишь? Невероятно! — в глазах вспыхнул неподдельный азарт. — Ты тогда был вот такой! — она изобразила размер большим и указательным пальцам.

— Она показывает сантиметров пять-шесть, — подсказал Никита.

И уперся ладонью в ребро длинного двухярусного стола, поскольку ноги — особенно правая — ослабли до печально знакомого бесчувственного состояния. Кирилл подхватил под руку по-человечески, а поток прозрачных нитей обвил обе ноги.

— Э-э, не отключаться! — Надежда Андреевна заглянула в бледное лицо. — Ты — Никита? Я правильно услышала?.. А тебя теперь называют Кирилл?

Кирилл опять почувствовал на себе ее теплый взгляд. Показалось даже, что нечто вещественное скользнуло по лицу.

— Никита дал мне это имя. Я принял с радостью, — быстро ответил он и решительно произнес. — Надежда Андреевна, ему нужно лечь.

— Я не отрублюсь! — возмутился Никита.

— Отрубись, если сейчас же не расслабишься, — отрезал Кирилл.

Он запустил свои щупы по полу и стенам. Но не учел присутствие третьего субъекта. Надежда Андреевна, сделав шаг в сторону, наступила на один из многочисленных жгутов.

— Что ты делаешь? — удивилась она.

— Осматриваю помещение.

— Сюда его веди!

— Она показывает на компьютерное кресло, — вполголоса пояснил Никита. — Но лучше я лягу на пол.

— Вот упрямый! — искренне возмутилась Надежда Андреевна.

— Извините. Антипатия креслам на колесах.

Он лег вдоль глухой стены с помощью, а вернее при непосредственном участии Кирилла. Жесткое, как циновка, бесфактурное полотно развернулось под торсом и бедрами, а под головой приподнялся упругий валик. Создав мало-мальски комфортное ложе, Кирилл спохватился.

— Вас не шокирует подвижная часть моей материи, Надежда Андреевна? — обратился он к невольной зрительнице иллюзиона.

— Меня шокирует твой прогресс, — призналась она. — А это откуда?

Никита проследил за ее тревожным взглядом и обнаружил распоротую штанину и кровь под ней.

— Промыть и продезинфицировать немедленно! — распорядилась Надежда Андреевна. — Где-то тут я видела аптечку...

Она шагнула к столам с хитроумной аппаратурой и принялась открывать ящики подкатных тумб. Поиски сопровождалась брюзжанием в стиле «тут черт ногу сломит», и Никита, слушая непривычно близкий русский голос, подумал, что эта весьма немолодая женщина по сути приходится Кириллу приемной мамой.

Аптечка нашлась. Надежда Андреевна открыла коробку с красным крестом и негодуяше воскликнула:

— Ой-ля-тополя! И тут чипсы с печеньем! Да он просто помешан на еде!

Она оглянулась, поправила очки и объяснила:

— Ни йода, ни перекиси нет. Вот, — она протянула Кириллу жестяную банку. — «Кола».

На промывку сойдет. А питьевую воду сейчас налью.

— Я уже очистил рану, — сказал Кирилл. — Нужен только пластырь.

— Как очистил? — изумилась Надежда Андреевна.

Кирилл помедлил и показал ей сотканный из нитей мешочек с темной субстанцией внутри.

— Выкинь, — пробормотал Никита, совершенно не расположенный рассматривать биологические материалы.

— Дай-ка сюда, — Надежда Андреевна подставила пустой пластиковый стакан.

Кирилл моментально ощупал емкость и смело распустил свою авоську.

— Ты мне потом объяснишь, как это сделал, — требовательно объявила Надежда Андреевна.

Она вернулась к кулеру с питьевой водой.

Никита с трудом сдержался, чтобы не осушить поданный ему стакан залпом, и выпил воду медленно, маленькими глотками.

— Грамотно, — отметила Надежда Андреевна, поправила очки и присела на корточки рядом. — Не нравятся мне твои склеры.

— Всё в порядке, — попытался соврать Никита. — Небольшое обезвоживание, и только.

— Не умничай мне тут! А ты не вмешивайся.

Последнее распоряжение было выдано Кириллу.

Беглый поверхностный осмотр закончился быстро.

— Когда ты последний раз кушал? — Надежда Андреевна заглянула Никите в глаза.

Он отвел взгляд и совершенно серьезно спросил:

— А какое сегодня число?

— Одиннадцатое июля.

— Значит, вчера утром.

— А сутки с лишним после что ты делал?

Никита быстро глянул на собеседницу. В очках с толстыми стеклами, упитанная чуть больше, чем допускали нормы «для тех, кому за пятьдесят», с заметной сединой в коротко стриженных волосах она ассоциировалась со школьной учительницей. Задавая вопросы, она требовала полный и правдивый ответ тоном, взглядом, мимикой, и отказать ей было трудно. Однако она была не из тех, кто привык получать немедленные ответы, а, значит, не принадлежала к когорте власть имущих и их ближайшего окружения. И тем не менее, Никита опасался раскрываться прямо сейчас, не имея информации о русской гостье американской лаборатории. Кирилл прекрасно чувствовал его сомнения, а потому сохранял молчание.

И вдруг Надежда Андреевна объявила:

— Всё правильно: оснований для доверия нет. Значит, начну я.

Никита встрепенулся. Образ требовательной учительницы рассыпался прахом.

Она добавила.

— После того, как найдем, чем тебя накормить.

Она аккуратно отставила в сторону закрытый ноутбук, локтем отодвинула с края стола канцелярские и технические мелочи и вытряхнула на освободившуюся площадку содержимое аптечки. Поверх початого пакета с чипсами, обломков печенья и конфетных оберток вывалился пластик медицинского пластыря.

— Кирилл, залепи ему царапину, — Надежда Андреевна не оглядываясь вложила пластырь в подставленную ладонь и наклонилась к ящику стола. — Кофе и сахар. То, что нужно. Кекс тоже сойдет. И чипсы пригодятся.

Кирилл живо ощупал вскрытый пакет.

— Это несъедобно для человека, — произнес он.

— Что там? — Никита приподнялся на руках, чтобы разглядеть поверхность стола.

— Ты называл такие пакеты «иллюзия вкуса и засорение желудка».

— Картошка жареная? — Никита скривился. — Гадость редкостная, но если ничего другого нет, съесть можно.

— Тут нет питательных веществ для тебя! — настойчиво повторил Кирилл. — Это для наращивания жировой массы, а не энергии. А тебе силы нужно восстановить.

— Тебе тоже, — ответил Никита. — Поэтому выбирай там всё, из чего пользу получишь, а мне передай кекс.

Надежда Андреевна молча проследила за процессом передачи: тонкий многопалый жгут вытянулся из-под рукава рубашки, подцепил брикет и оттранспортировал по назначению.

— Ловко, — отметила она вслух и вручила Никите стакан с растворимым кофе. — Кирилл, какое питание необходимо тебе сейчас?

Он замялся, но рискнул ответить правдиво:

— Сейчас мне нужна живая энергия, чтобы защитить Никиту и вас, если это, — он кивнул на стеклянную стену, — каким-то образом нас почует. Но живой поблизости нет. Поэтому выцезу, что смогу, из обработанной пищи.

— А что ты подразумеваешь под живой энергией?

— Я употреблял живую рыбу, — Кирилл прикрыл глаза. — Это необходимо было для развития и роста.

— Ну а, скажем, поросенка ты бы употребил? — продолжила осторожный расспрос Надежда Андреевна.

— Теплокровное животное? Ни в коем случае! — Кирилл совершенно естественно передернулся. — Это негуманно, и просто... нет!

— Если жалеть всех коров, пущенных на колбасу, помрешь от вегетарианства, — напомнил Никита.

— Согласен. Но не нужно каждому быть мясником, чтобы получить колбасу. Ее проще в магазине купить, — парировал Кирилл.

Надежда Андреевна рассмеялась.

— Ох, ребятки, вы и жжете! — она откашлялась и вернулась к серьезному тону. — Кирилл, как считаешь, эта плотоядная водоросль способна просочиться сюда?

— Водоросль? — удивились Никита и Кирилл в один голос.

— Именно водоросль. Что насчет безопасности?

— Я не нащупал ни единой щели, — ответил Кирилл. — По-моему мы в герметичном помещении. Но я понятия не имею, как существует эта... это создание. Оно не мыслит, но набор устойчивых рефлексов у него есть.

Надежда Андреевна напряженно вздохнула:

— Будем надеяться, доктор Морган понял, что вляпался по самое не хочу. И теперь размышляет, как быть дальше. Фил — айтишник, которого вы спасли — наверняка уже рассказал в деталях всё, что видел. И, надеюсь, какие-то камеры еще работают. Здесь всё отрубилось.

Она кивнула на пустые мониторы, взяла за подлокотник кресло на колесиках, откатила его в сторону и уселась так, чтобы полулежавший на полу Никита и стоявший над ним Кирилл оказались перед ней.

— Будем считать, что у нас есть минут десять для обмена информацией, — продолжала Надежда Андреевна. — Начну я. Итак. В 2008-м году международная экспедиция океанологов обнаружила неизвестный науке организм в виде двух одинаковых почек. Одну доставили в наш институт, вторую отправили в США. Исследования велись независимо.

Конечно, были конференции онлайн, переписка и прочие контакты. Но ни разу за пять лет никто не ставил вопрос о воссоединении образцов и проведении совместных экспериментов. Проблема у обеих групп была одна: никто не нашел способ взять препарат для химического анализа. Ни единой пробы! Беспрецедентная клеточная структура организмов не позволяла отсоединить даже одну единственную клетку, не разрушив ее. И вдруг американские коллеги объявили, что получили от своего образца не просто препарат, а продукт — вещества для синтеза... уникальных лекарств, так скажем. Тему споров-раздоров я опушу. Скажу лишь, что лично я скептически относилась к выводам деятельного доктора Моргана. Но проект доктора Моргана финансируют заинтересованные в результатах очень богатые люди. И когда эти богатые люди предложили нашему новому директору посодействовать проекту за определенную плату, он живенько подсуетился и получил разрешение сдать нашего подопечного в аренду. А нас уверил, что американские коллеги научат, как взять препарат.

Надежда Андреевна с усилием потушила эмоции, отчетливо сквозившие в голосе, но не удержалась от личного комментария:

— Я его чуть не убила! Хай подняла во всех инстанциях, куда дозвонилась. Мне пообещали командировку. Но с визой застопорилось. Наверное, специально притормозили. И улетел ты, дорогой мой, один, — она тепло посмотрела на Кирилла. — Всё, что я смогла сделать, так это лично доставить тебя в аэропорт. В баночке.

Она усмехнулась своим мыслям и продолжала:

— Странности начались на следующий же день: доктор Морган отказался со мной общаться. Я забила тревогу, подключились серьезные службы, и тогда выяснилось, что посылка по назначению не прибыла. Якобы вертолет в грозу попал.

Никита и Кирилл быстро переглянулись. Надежда Андреевна заметила.

— А с этого места, — она выразительно улыбнулась, — я бы очень хотела услышать правдивый вариант истории.

— Я помню грозу, — сказал Кирилл. — И знаю, что удрал из разбитого стеклянного сосуда. Но не помню, как именно. Потерянные пути к информации я начал восстанавливать после того, как сделал свой выбор — развивать себя по образу и подобию человека.

— Нашел пример для подражания, — перефразировала Надежда Андреевна, глядя на Никиту.

Кирилл нахмурился, поскольку не определил, что превалирует в тональности последней фразы: сарказм, ирония, легкая зависть или же восхищение. К тому же Никита, отслеживавший мимику собеседницы визуально, напрягся, будто готовился к защите, то есть тоже не определил ее настроение.

— Ой-ля-тополя! Ну что ошетинились, как два медвежонка загнанных? — Надежда Андреевна сокрушенно взмахнула руками. — Не собираюсь я отдирать вас друг от друга. Я должна знать, что тут случилось по-настоящему, а не по версии американских коллег. Получить правдивую картину — это в наших общих с вами интересах.

Никита и Кирилл опять переглянулись, и Никита начал рассказ:

— Я нашел пучок ниток под днищем автомобиля соседки...

Кирилл воспользовался моментом и уселся рядом с ним на пол. Никита почувствовал себя значительно увереннее и сосредоточился на изложении фактов. Идеально делового повествования не получилось, поскольку Надежда Андреевна незаметно, мягкими наводящими вопросами вывела докладчика на уровень нормального бытового общения. Осторожные комментарии Кирилла добавили непринужденности, и к моменту, когда настало время сказать о похищении, Никита раскрепостился настолько, что нечаянно ляпнул «выехал из дома», чем едва не выдал информацию об инвалидности. Однако Надежда Андреевна не придавала значения способу перемещения или же решила, что речь идет об автомашине. Зато предельно краткое описание следующих событий потрясло ее до глубины души.

— Как так — похитили? — она механически поправила очки. — Какая капсула? Какой наркоз? Ты сказал, что вчера утром...

Она плотно сжала губы, и под толстыми стеклами вспыхнул грозовой взор.

— Тебя держали под наркозом в ящике для биоматериалов тридцать часов подряд? — металлическим тоном переспросила она.

— Про часы ничего сказать не могу. Ящик был с крышкой из прочного стекла. Кирилл разбил. Осколки рядом валяются. В кладовке. Метров тридцать по коридору.

Никита мотнул головой в сторону глухой стены.

Кирилл почувствовал, что фокус внимания переместился на его персону, и добавил:

— Время не отслеживал. Наркоз отсеять не смог. Сумел испортить его подачу в капсулу. Но это было после приземления самолета. Наверное, в машине, по дороге сюда.

— Вот теперь, — подозрительно спокойно начала Надежда Андреевна, — я устрою такой международный скандал, что местным персонам мало не покажется. Тридцать часов в ящике! Вчера утром мне радостно сообщили, что наш «паразит» нашелся, и зараженный находится под медицинским контролем!

— Паразит? — Никита рывком сел.

Кирилл подставил руку под его спину.

— По здешней версии «русский образец» присосался к телу американского студента, — сообщила Надежда Андреевна. — Я сразу сказала: это вранье! Наш подопечный — высокоразвитый живой организм, а не растение, не гриб и не колония бактерий!

Возбужденная, она вскочила с кресла и принялась ходить на двухметровом пяточке между тумбой с кулером и торцом длинного, как верстак, двухрустного аппаратного стола.

— Когда вам поступила информация о паразите? — быстро спросил Кирилл.

Надежда Андреевна споткнулась, будто вынырнула назад, в реальность, из варева эмоций, порожденных бессильным гневом.

— Три дня назад. Мне выдали документы, и я тут же вылетела в США.

Никита тяжело вздохнул.

— Значит, нас все-таки выследили, — констатировал он.

— Те самые метеорологи, которые приехали на озера? — уточнил Кирилл.

— А черт их теперь разберет! Мне казалось, мы хорошо скрывались... Ладно. Прорвемся, — Никита толкнул Кирилла плечом. — Надежда Андреевна, хотите еще один факт для международного скандала?

— Ну-ка, ну-ка? — она заинтересованно сдвинула жидкие брови.

— Я не американец и никогда им не буду. Я русский. А в США нахожусь по немецкой студенческой визе.

— Ой-ля-тополя! Как всё закручено! — воскликнула Надежда Андреевна.

— А по-моему всё просто: иностранца пустили в расход, — заявил Никита.

— Тридцать минут назад ты утверждал, что никаким спецслужбам не разрешено убивать людей, — вполголоса напомнил Кирилл. — Где твой оптимизм?

— Насыщен фактами и обращен в свою противоположность.

— Ребята, не до шуток! — одернула Надежда Андреевна. — Не забывайте, что рядом ползает хищная водоросль, которая слопала двух дипломированных ученых.

— Жаль, умнее от этого не стала, — обронил Кирилл.

— Нельзя так говорить! — искренне возмутилась Надежда Андреевна. — Люди погибли!

— Эти люди, — решительно вмешался Никита, — изуродовали живое существо: превратили в плотоядное дойное растение! За что боролись, на то и напоролись!

Кирилл подхватил:

— На полу в зале — остатки колонии мелких живых организмов: растений и крошечных животных. Вот такой ему дали образец для формирования своей сущности.

Надежда Андреевна подняла перед собой руки в стиле «стоп».

— Давайте все успокоимся, — предложила она. — Я понимаю, почему вы обозлились на здешних ученых. И, поверьте, я тоже очень зла на них. Но чтобы выпутаться из проблем, мы все должны мыслить трезво и без эмоций. Кирилл, про какие колонии ты говоришь?

— Мелкие растения, рыба икра, крошечные водные животные. Всё это присутствует в лужицах воды на полу и между пластов его материи.

— Планктон? — догадался Никита. — Тут был аквариум?

— Американцы держали свой образец в водной среде, — подтвердила Надежда Андреевна.

— А где вся вода? — Никита с трудом приподнялся, оперся на плечо Кирилла, ухватился за край стола и по привычке вывел себя в вертикальное положение на руках.

Надежда Андреевна заметила неестественность движений. Напряженно прищурилась под своими выдающимися очками и требовательно спросила:

— Что с ногами?

Никита спохватился и выпрямился.

— Старая травма, к настоящему моменту не относится.

И прильнул к стеклу, сделав вид, что всецело занят изучением обстановки. Впрочем, долго делать вид ему не пришлось: обстановка изменилась.

— Кирилл, где он? — прошептал Никита. — Я его не вижу.

Кирилл вскочил и мигом распустил свои щупы по всему периметру стеклянной стены.

— Движения нет, — быстро определил он. — Но присутствие ощущаю. Он обрабатывает энергию. Смотри внимательнее: мебель, стены.

Никита прижался лбом к стеклу и ладонями отгородился от света.

— Не вижу, — дрогнувшим голосом повторил он. — Неужели утек в какой-нибудь слив?

— Я не находил никаких глубоких отверстий ни в зале, ни в коридоре.

— А вторая половина аппаратной? — Никита кивнул направо, где длинный стол упирался в прозрачную перегородку.

— Наглухо закрыта.

— Может, мимикрирует?

— Сомневаюсь. Цветовое моделирование требует большой и серьезной работы с путями.

— Надежда Андреевна, — Никита оглянулся. — Почему он вырвался из аквариума?

Она отвлеклась от наблюдения за общением Никиты и Кирилла и развела руками.

— Теряюсь в догадках. Они приступили к демонстрации — прожектор своей включили. И вдруг замигал свет. Я была тут, с Филом. Монитор передо мной вырубился, Фил полез под стол переключать бесперебойники. Я заглянула в его ноутбук. А на экране ужастик: аквариум вдребезги, от океанолога только ботинки с брюками остались. Глазам не верила, пока лаборантка не заорала. Она выскочила, благо возле двери стояла, а доктор как застыла немой столбиком вместе со своей супер-лампой, так он ее и накрыл. Сверху, как водяным колпаком. Мне показалось, ее всего лишь водой облило с головы до ног. Филу тоже так показалось. Побежал к ней, хотел сюда затащить. Тут и его спеленали. Я успела дверь задвинуть прежде, чем меня постигла та же участь. Фил вырваться сумел, почти до коридора дополз на карачках. А его опять схватило: как ремнями поперек живота. Он начал мне руками махать. Не поняла, что ему надо было. То ли предупреждал не выходить, то ли хотел, чтобы я что-то сделала здесь, с его компьютерами. Я его ноутбук схватила, а он уснувший, с паролем. Осталась без связи. Тут вы подгрести и начали столами кидаться.

Она устало улыбнулась.

— Надежда Андреевна, можно ли задать несколько вопросов? — медленно начал Кирилл и, почувствовав, что она с готовностью кивнула, смело продолжил. — Почему вы смотрели через мониторы? Стекло стены было закрыто?

Вопрос ее удивил.

— Всё открыто, как сейчас. А мне было удобнее смотреть на мониторы, а не в зал.

— У нее сильные очки, — тихонько подсказал Никита.

— Ты не видишь? — вдруг поняла Надежда Андреевна.

— У меня нет зрения.

— Но у тебя такие красивые глаза!

— Только зеркало души, — Кирилл виновато опустил веки. — Я имитировал человеческое тело и смоделировал голос. Для создания зрительного аппарата мне не хватает знаний.

— Ты научился читать экран и всегда знаешь, где я, — вставил Никита.

— Это не зрение, — возразил Кирилл. — Тебя я ощущаю детально, потому что хорошо знаю. Возможно, смогу ощущать других людей после длительного контакта с ними. Но бездушный объект обнаружу лишь наощупь. Когда я спросил про стекло, меня интересовало, как было освещено помещение. Мне кажется, существо избегает света.

— Его держали в полутьме, — Надежда Андреевна нахмурилась и, поправив очки, попыталась разглядеть объекты в зале. — Направленный поток света с разными характеристиками использовали для управления его жизненными процессам. По крайней мере так было заявлено в опубликованном докладе. Перед тем, как он разнес лабораторию, они тестировали параметры светового луча, чтобы усыпить его. А потом хотели использовать ту же схему для «спасения зараженного», — она усмехнулась и многозначительно добавила. — Если всё это не вранье с самого начала.

— Я не люблю яркие вспышки, — сказал Кирилл. — В первый день у Никиты я шараялся и от света из распахнутого холодильника, и даже от будильника с плазменной панелью. Но чтобы под воздействием светового луча так потерять голову!

— У него головы нет, — мрачно вставил Никита. — Сам сказал: вразумлять нечего. Его водорослью определили, он и принял это определение за правду. И правдой сделал.

Кирилл обратил взгляд за стеклянную стену и тяжело вздохнул.

— Назад не отыграть? — осторожно уточнила Надежда Андреевна.

— Не представляю себе, как можно прожить назад.

Он посмотрел на раму откатной двери. Надежда Андреевна проследила за его невидящим взглядом и убедилась, что движение глаз соответствует смещению области внимания: теперь подвижные пряди белых нитей ошупывали крепление рельса.

— Вибрация, — произнес Кирилл. — Едва-едва заметна. Похоже на далекие шаги.

Никита потеснил Кирилла и вышел в проход между креслами и глухой стеной, не спуская глаз с неподвижного интерьера за стеклом аппаратной.

— Хочу найти позицию, с которой видно окно в коридор, — пояснил он. — По-моему кто-то пытается заглянуть сюда. Тень качается поверх освещенного пятна в луже.

— Воды поблизости нет, — Кирилл прижал к стеклу обе ладони и распустил щупы из той материи, которая обеспечивала плотность тела.

— Свет отражается в луже воды, — повторил Никита. — Я блики вижу... Ого, и на стене. И по потолку! Он все непрозрачные поверхности покрыл своей материей.

— Он не может быть настолько большим! — воскликнула не на шутку напуганная Надежда Андреевна. — Мне показали его до эксперимента. Он был как... как... чайный гриб из трехлитровой банки!

— Он напал на людей, будучи намного больше гриба из трехлитровой банки, а это... — Кирилл напрягся. — Вибрация на металлическом каркасе. Никита, что там снаружи?

— Кажется, ручку двери повернули. Сделай мне щель, я крикну, чтобы не входили...

Никита замолчал, увидав, как расширяется вертикальная полоса света, опустившаяся поперек коварной «лужи». «Лужа» поползла в глубину зала, предоставив возможность визитерам беспрепятственно открыть дверь.

Разом распахнулись все ящики подкатных тумб и шкафа, и раздался интенсивный бумажный шорох.

— Спички? Зажигалка? Нужно что-нибудь с огнем! — быстро объяснил Кирилл.

— Они сюда видеокамеру запихнули! — перебила его Надежда Андреевна и принялась махать руками, изображая крест.

Дверь открывалась вовнутрь направо, и лишь продвинувшись в зал можно было своими глазами разглядеть, что происходит в аппаратной. И кто-то отважный как раз совершал этот маневр. Никита успел заметить светлую рубашку и классический галстук. И увидел мобильник на селфи-палке, которую второй смельчак, оставшийся за порогом, держал над плечом первопроходца так, чтобы камера смотрела на скрытую от прямого обзора часть помещения.

У Никиты перехватило дыхание.

— Он их сейчас сверху накроет, — выговорил он.

— Нужен огонь! — крикнул Кирилл.

— А? Что? Зажигалка? — Надежда Андреевна, не сводя глаз с мезансены за стеклом, дрожащей рукой вынула из широкого кармана летнего пиджака простенькую пластиковую зажигалку и вместе с тем выронила открытую пачку сигарет. Зажигалка тут же очутилась в пучке нитей, а пачка утонула в массе целлюлозы.

— Никита! На выход! Прикрою!

С этими словами Кирилл дернул стеклянную створу в сторону и... Электронный замок прекрасно выполнил свою функцию, чем оказал людям медвежью услугу.

Человек в рубашке с галстуком вошел в зал еще на шаг, быстро огляделся по сторонам, увидел запертых в аппаратной и заметил отчаянную жестикуляцию Надежды Андреевны. Однако остановил его не «косой крест», сложенный ее руками, а отчаянные жесты Никиты, призывавшего посмотреть вверх. За те несколько секунд, которые потребовались Кириллу, чтобы выдавить стекло вместе с замком из дверной рамы, диспозиция в зале изменилась. Плотоядное создание атаковало сверху, но предупреждение было принято во внимание, и вошедший успел увернуться от длинного, как сопля, подвижного затека. В захват попала его левая рука, рефлекторно вскинута над головой.

— Бегите! Я его задержу! — выкрикнул Кирилл.

Сотканный из нитей большущий шар, наполненный разобранной на волокна бумажной документацией, вылетел в центр зала как ядро, подпрыгнул к потолку и шмякнулся на пол, окутанный «клюнувшим» на приманку монстром. Надежда Андреевна метнулась к столу и схватила ноутбук. Никита поймал ее за плечи и потащил к выходу, прикрывая своим телом. Мужчина, чья рука была стиснута крепкой лентой «водоросли», сумел отпихнуть дверь так, что оба без помех выскочили в коридор. Тощий парень прыгал на месте возле приоткрытой «лифтовой» двери, размахивал селфи-палкой и беспрестанно повторял по-английски: «Go! Go! Go!»

Никита толчком отправил женщину чуть ли не в объятия возбужденного спасателя, а сам ринулся назад, в зал. Требование убраться восвояси, высказанное сквозь стиснутую зубами боль, он проигнорировал. Схватил «соплю» и сдавил изо всех сил так, будто выкручивал мокрую простыню. На его счастье белая сеть уже обвила часть «затека», поэтому руки самоуверенного борца остались целы.

— Назад!! Поджигая! — Кирилл вырос из конгломерата нитей прямо перед людьми.

— Стой! У него рука! — заорал Никита, которому показалось, что отважный мужчина того гляди будет разорван пополам.

— Знаю! Держу!

В полутьме зала в ниточном шаре под пластами чужой материи вспыхнул огонек зажигалки.

И бухнул взрыв.

Никита вывалился в коридор в охапку с раненым, однако причиной падения была не взрывная, а ниточная волна. Белый массив с частично оформленной человеческой фигурой внутри на миг заслонил дверной проем, и очутился в коридоре одновременно со звуком хлопнувшей двери.

Мужчина вскрикнул, когда Никита поспешнее, чем следовало, столкнул его со своего торса, и выцедил пару слов.

Никита не поверил своим ушам: из уст раненого прозвучал классический русский эвфемизм.

— Извините, — пробормотал он в ответ.

Кирилл не уловил смысла обращения к абстрактной матери, но обстановку понял правильно.

Мощный удар в стену со стороны зала мигом задвинул вопросы гражданства в задние ряды.

Кирилл наощупь оценил прочность дверного блока и перебросил щупы на окно. Никита оглянулся и увидел Надежду Андреевну, замершую между «лифтовых» створ в обнимку с ноутбуком. За ее спиной также неподвижно возвышался долговязый парень с азиатскими чертами лица.

— Как запереть зал? — крикнул Никита по-русски и начал вставать.

Дважды поскользнувшись, он кое-как выпрямился. И теперь заметил, что скользил в луже грязной воды, приправленной лоскутами полупрозрачной слизи. Левая рука русского мужчины — по всем признакам сломанная — была покрыта такой же склизкой субстанцией.

— Дверь выдержит! — откликнулся Кирилл. — Но он целенаправленно бьет в окно.

— Тут армированное стекло, — подал голос русский незнакомец.

Второй мощный удар заставил зрителей вздрогнуть. На стекле появилась мелкая сеточка трещин.

Кирилл по-человечески отступил от двери и с досадой бросил:

— Про стекло вы ему объясните!

Никита заметил пряди нитей, свободно свисавшие вдоль недооформленных рукавов псевдо-рубашки, и потерял Кирилла за локоть.

— Ты как?

— Еще раз я не смогу его сдержать, — признался Кирилл.

И почуяв, что незнакомец намерен подняться на ноги, поддержал его под здоровую руку. По привычке жгутом нитей. Тот не дрогнул от прикосновения нечеловеческой конечности, но внимательно проследил за поспешным преобразованием жгута в волокна рукава и вполголоса сказал:

— Щупальца свои подбери и не размахивай, где попало. Здесь люди, которым про тебя знать не нужно.

— Здесь люди, которых нужно спасти любой ценой, — решительно отрезал Кирилл. — Потому что оно, — он кивком показал на пока закрытый зал, — ищет себе питание. И с каждым разом делает это ловчее и ловчее.

— По-моему он собирается прыгать, — предупредил Никита. — Весь отполз к дальней стене.

Кирилл приложил ладонь к стеклу.

— Тонкий слой размазан по окну. Так он одним ударом вынесет всю раму.

— Оба отсюда вон, — негромко, но безапелляционно распорядился русскоязычный незнакомец, и здоровой рукой развернул Никиту в сторону выхода.

— Он сейчас вырвется! — Никита попытался увернуться. — Надо что-то сделать!

— Что ты тут сделаешь?!

Кирилл уловил ноты растерянности и сожаления в его тоне, а еще отчетливо ощутил, как физическая боль оттягивает внимание и расшатывает эмоциональный баланс человека. Он шепнул Никите — идем, — и подал пример. Однако тонкие почти невидимые потоки нитей остались на тыловых рубежах до тех пор, пока за спинами людей не сомкнулись дверные створы.

* 6 *

Справа ряд железных шкафчиков вроде тех, что ставят в спортивных раздевалках, упирается в стену, за которой, судя по знаку на двери, расположен санитарно-гигиенический узел. Перед шкафчиками — захлапленный приборный стол и пара легких стульев. Возле противоположной стены — такой же, но с кофемашиной и микроволновкой на нем и с большим холодильным шкафом по соседству. Длинный диван с высокой спинкой установлен по центру помещения и развернут лицом на холодильник. Угловую пару ему составляет жесткое, широкое кресло.

Никита перевел взгляд налево.

На стене видны грубо замазанные краской следы демонтажа какой-то высокой конструкции. Дальше неряшливо скособочилась поломочная машина. А точно напротив вошедших еще одна дверь — мощная, двупольная — с выразительным красным табло «Closed» — заперто — выше на стене.

— Где доктор Морган? — по-английский воскликнула Надежда Андреевна, не обнаружив руководителя лаборатории в ближайшем пространстве, и направилась напрямик к запертой двери.

Молодой азиат принялся сбивчиво объяснять что-то про карантин. Она перебила: это чушь! И вдохнула, чтобы дать развернутые пояснения к утверждению. Но тут вмешался ее соотечественник. Многозначительно и по-русски:

— Профессор Куприна, пожалуйста, будьте осмотрительны.

Он беззвучно откашлялся и продолжил на хорошем английском:

— Профессор, один из сотрудников травмирован. Не могли бы вы взять на себя...

Над спинкой дивана поднялась мясистая рука, и по-английски, деланно-бодро прозвучало: «Я в порядке!»

— Фил! — ахнула Надежда Андреевна и поспешила к диванному гарнитуру.

Кирилл дернулся в ту же сторону.

— Стой где стоишь, — вполголоса распорядился непрошенный командир.

Никита хотел было возразить за двоих, но вдруг понял, что означал призыв к осмотрительности. Он быстро оглядел стены на высоте потолка и мимолетно усмехнулся.

— Кирилл. Камера прямо над нами. Сдвинь ее, чтобы в потолок смотрела.

Тот живо распустил прозрачные щупы из ворота псевдо-рубашки, и спустя пару секунд камера видео-наблюдения была переориентирована в дальний верхний угол помещения.

Напряженное молчание привлекло внимание обоих. Кирилл, не имея возможности отслеживать мимику, не определил, что именно вызвало столь сильное удивление. А Никита, наблюдая за метавшимся взглядом, не понял, почему внешнее сходство его и Кирилла стало сюрпризом для человека, явно хорошо знакомого с ситуацией, сложившейся вокруг «арендованного образца». Попутно он успел рассмотреть подозрительно осведомленного незнакомца. Ничего выдающегося в его облике не оказалось: обычный деловой мужчина «немного за тридцать», чуть выше среднего роста, подтянутый, темно-русый, без каких-либо явных национальных признаков во внешности. Разве что серые глаза в обрамлении густых черных ресниц и ровные черные брови подчеркивали безусловную гармонию черт лица.

— Никита Викторович Соколов, — негромко произнес незнакомец, глядя на Кирилла. Никита опешил. Услышать свое русское имя он никак не ожидал, но гораздо больше его удивила ошибка с персонализацией.

— Я Никита. А это Кирилл — несколько вызывающие тоном заявил он.

И вдруг понял, как возникла ошибка. Язвительный комментарий вырвался сам собой:

— А вам наплели, что тут Веном завелся?

Кирилл спонтанно выгнул брови и еле слышно быстро уточнил:

— Что еще за «венном»?

— Комикс. Дурацкая американская сказка, — таким же быстрым шепотом откликнулся Никита.

Собеседник внимательно осмотрел Кирилла, затем Никиту и задержал взгляд на его ногах.

Никита стиснул зубы: стало предельно ясно, что русскоговорящий знаток ситуации осведомлен и о его слабых местах. Кирилл воспринял импульс испуга как осознание некой неявной угрозы, решительно шагнул вперед и заслонил Никиту плечом. Собеседник вынужден был отступить.

— Олег Владленович! — громко позвала Надежда Андреевна, которая, как оказалось, увидела защитный маневр. — Хватит давить на мальчишек! Что не ясно, я объясню. А их оставь в покое. Их тридцать часов бессовестно держали взаперти. Кто после этого станет доверять первому встречному, даже если он говорит на его родном языке?

Мужчина, названный Олегом Владленовичем, отступил еще на шаг, вздохнул и механическим движением вытер со лба крупные капли пота.

— Позднее пообщаемся, — произнес он и представился. — Олег Игнатъев. Сотрудник российского консульства в Сан-Франциско.

Никита нахмурился. Надежда Андреевна интенсивно покивала ему издали, мол, все верно, и опять присела на корточки перед тем, кто лежал на диване.

— Никита, — тревожно шепнул Кирилл. — У него быстро понижается кровяное давление.

— Олег Владленович! — спохватился Никита, увидав побелевшее лицо.

— Просто Олег, — механически поправил тот и правой рукой потянулся к распухшей левой, висевшей вдоль тела.

Кирилл моментально распустил нити и жгуты в полупрозрачное полотно, подхватил раненого справа будто гигантской ладонью, а отдельным веером зафиксировал левое плечо.

— Убери щупальца! — опять попытался командовать сотрудник консульства.

— Все, кто здесь есть, уже всё видели, — отрезал Никита. — Кирилл, давай его сюда.

Он решительно пошел к приборному столу и стульям.

Откуда ни возьмись подскочил молодой азиат. Увидел последствия битвы, живописно, но искренне, схватился за голову, походя спихнул со стола хозяйственный хлам, подтолкнул в руки Никите стул, пообещал сейчас же найти аптечку и скрылся в гигиенической комнате.

Кирилл усадил раненого так, чтобы локоть и предплечье травмированной руки лежали на столе и тихо произнес:

— Если позволите, я вправлю кость. Но, боюсь, не смогу обеспечить обезболивающее.

— погоди! — вмешался Никита. — Здесь должны быть медикаменты.

— А у вас-то что стряслось? — испуганно воскликнула Надежда Андреевна.

Олег Игнатъев обреченно прикрыл глаза.

— Ничего такого, что помешало бы выполнить нашу задачу, — ответил он твердым голосом.

Убедительный тон ее не обманул. Увидав сломанную руку в ниточной страховке, она с чувством помянула свои «тополя», но высказаться по существу не успела — в комнату вернулся молодой азиат и громко объявил, что нашел аптечку.

— Ну, хоть это хudosочное шило-в-заднице осталось невредимым, — воскликнула Надежда Андреевна и по-английски потребовала показать ей содержимое большой пластиковой коробки.

— Мин Энг проявил смелость, когда пошел со мной, — произнес Игнатъев и тем самым представил напарника по отчаянному рейду.

Никита решил продемонстрировать мало-мальское дружелюбие и обратился к молодому сотруднику лаборатории:

— Привет. Я — Никита.

— Меня зовут Мин, я из Китая. Я студент здесь, — бодро объявил новый знакомый и расплылся в широкой улыбке.

Кирилл оглянулся.

— Вау! Близнецы! — тут же среагировал китайский студент.

— Привет. Я — Кирилл, — подражая Никите, произнес Кирилл и добавил. — Прости, за мой английский.

— Я понимаю тебя хорошо, Кирилл! — обрадовался Мин.

Процесс знакомства был прерван репликой Надежды Андреевны, возмущенной отсутствием чего-либо полезного в аптечной коробке. Мин начал говорить о лабораторных препаратах, хранившихся в холодильнике. Игнатъев прислушался, а Никита начал всячески сигнализировать Кириллу, чтобы тот занялся сломанной рукой прямо сейчас. Кирилл уловил его идею: действовать быстро, пока человек не ожидает вмешательства.

Тонкие, практически невидимые нити и жгуты распределились по пострадавшей руке под мокрым рукавом. Но Кирилл долго не мог решиться на силовое воздействие и раз десять проверил распределение своей материи. Никита шикнул на его — ну же! — и придвинулся сзади вплотную к сидевшему на стуле. Тот среагировал моментально: напрягся, но обернуться не успел. Кирилл реализовал выстроенную схему физико-энергетического воздействия.

Олег Игнатъев глухо вскрикнул. Никита заблокировал его в позиции сидя силовым приемом и подивился ответному сопротивлению. Показалось, что еще секунда, и его отшвырнут через всю комнату даже одной здоровой рукой.

— Всё в порядке. Не двигайтесь! — предупредил Кирилл.

Никита увидел жгуты поверх своих рук, и понял, что от ответного сопротивления в стиле боевого самбо его спасла не собственная сила, а своевременная помощь ниточной массы.

— Нужно зафиксировать, — подсказал Никита и осторожно отступил.

— Не делай так больше, парень, — невнятно пробормотал Игнатъев.

— А вы постарайтесь, чтобы больше не потребовалось, — ляпнул Никита в ответ.

Тот неразборчиво ругнулся, посмотрел на свою руку и чуть-чуть шевельнул пальцами. После чего вскинул изумленный взор на Кирилла, но от немедленных вопросов воздержался. Лишь произнес:

— Спасибо.

Кирилл пожал плечом и тихо предупредил:

— Я фиксирую, пока не найдут бинт.

Игнатъев развязал узел галстука и опустил ленту на стол.

— Поищу что-нибудь твердое, — предупредил Никита и по-английски окликнул Мина Энга.

Тот с радостью оставил свой пост возле холодильника, в недрах которого орудовала Надежда Андреевна, вымученно улыбнулся лежавшему на диване, показал Никите на гигиеническую комнату и поспешил туда на поиски подручного материала для иммобилизации.

Олег Игнатъев внимательно проследил за перемещением Никиты, и когда тот скрылся за дверью, обратился к Кириллу:

— Ты его поддерживаешь?

Кирилл не понял.

— Простите, вы о чем?

— Я видел его медицинскую карту, — очень тихо произнес сотрудник консульства. — У него не было ни единого шанса встать на ноги. А он ходит, бегаёт, швыряет столы и кидается на монстров с кулаками.

Кирилл растерялся. Он не хотел самостоятельно беседовать с посторонним человеком, которому Никита не спешил доверять. А какой-то ответ следовало дать прямо сейчас, чтобы отстоять честь Никиты, победившего инвалидность своей силой воли, своими знаниями и целеустремленностью. Но только он собрался высказаться, как информационные маркеры сместились, и логические связи распределились в неожиданном сочетании. Поводом стала вибрация из-за приоткрытой двери: Кирилл понял вдруг, что уже слышал эти шаги. Из ящика в кладовке. Сейчас этот человек — Мин Энг — находился рядом с Никитой. От поспешных действий его удержала мысль о раненом: если он останется без фиксирующей псевдоповязки, кости вновь сместятся и причинят сильную боль.

Третий логический блок вскрыл ранее незамеченные детали и выставил ряд тревожных вопросов. Если сотрудник российского консульства видел медицинскую карту Никиты, значит, его личность изучали. Но Надежда Андреевна ничего не знает о побежденной инвалидности, значит, информацию ей не предоставили. Более того, она ничего не знала о Никите вообще. Почему ее не поставили в известность? Олег Игнатъев произнес фразу «швыряет столы». Кирилл прекрасно помнил, как Никита отодрал широкую панель от какого-то хлипкого предмета мебели. Но воочию эту сцену могла наблюдать только Надежда Андреевна. Получалось, что за битвой в лабораторном зале следили со стороны — очевидно, через камеры видеонаблюдения. И одним из зрителей был сотрудник консульства, который теперь почему-то старается пресечь демонстрацию каких-либо нечеловеческих приемов.

— Что застыл? В чем дело?

Кирилл спохватился: упустил ощущение времени. И почувствовал, что Игнатъев сосредоточил внимание на его лице. Он спешно переориентировал условный фокус невидящих глаз на вопрошавшего и дал обтекаемый ответ на ранее поставленный прямой вопрос:

— Так или иначе мы всегда поддерживаем друг друга.

Ответ не удовлетворил. Более того, Игнатъев сделал на своем лице что-то такое, что Кирилл распознать не смог. И решил не реагировать. Следующее действие было произведено правой рукой, и требовательно прозвучало:

— Сколько пальцев я показал?

Кирилл невольно повторил мимику Никиты — досадливо усмехнулся.

— Да, вы правы, зрения у меня нет, — произнес он. — А показали вы знак «ОК» — окей. Или же пытались продемонстрировать три пальца. Движение ваших мышц я хорошо слышу.

— А мимику не слышишь. Почему?

— Я прикасался только к вашим рукам и торсу.

— Прикоснись к лицу. Быстро и незаметно.

Кирилл удивился, что сполна отобразилось в его собственной мимике, поскольку рефлекс демонстрации эмоций он сознательно не отключал.

— Мне нужно, чтобы ты читал моё лицо, — с нажимом в голосе пояснил Игнатъев.

— Зачем?

— Да мать твою! Затем, что не всегда и не везде можно изъясняться вслух.

Кирилл помедлил, но все-таки решил воспользоваться случаем, чтобы получить представление о портретных чертах постороннего человека. Он наклонился, чтобы минимизировать длину щупов, но шум из санузла снова привлек его внимание. Никита был занят физическими действиями, направленными на некий твердый объект, а сопровождавший его человек испытывал любопытство совмещенное с восхищением. Никакой угрозы от него не исходило, но рисунок звука шагов застрял в памяти и теперь не давал покоя.

— Что опять? — с трудом сдерживая нараставшее раздражение, произнес Игнатъев.

— Ничего, — ответил Кирилл, быстро ощупал его лицо и произнес. — До того, как показать «окей», вы сделали на лице неестественную для человека гримасу: растянули губы и выставили вперед зубы верхней челюсти.

— Ты же не видел.

— Зафиксировал информацию, сейчас распознал... Парень — Мин Энг — подходил к ящику, в котором держали Никиту и меня.

Решение поделиться информацией сложилось без специальных раздумий и интуитивно казалось правильным.

Олег Игнатъев кивнул и в стиле «между прочем» сказал:

— Руководитель лаборатории отправил его принять доставку. Меня удивило, что расписаться за прием поручили студенту. Теперь понимаю: он хотел, чтобы профессор и я не догадались о значимости груза.

Тон изложения и содержание сообщения не вязались между собой, и Кирилл понял, что избранная речевая манера призвана приглушить внимание посторонних. Но из русскоговорящих посторонних в этот момент в зале находилась только Надежда Андреевна. Вывод о недоверии к ней, вроде бы логичный, остался в подвешенном состоянии, поскольку не ощущалась эмоциональная картина недоверия.

В памяти прокатилась волна информационных отрывков из литературных и публицистических текстов. На поиски аналогии и создание моделей не было ни сил, и появилось ощущение, будто того гляди утонет в бессвязном потоке образов. Мелькнула собственная мысль: как же сложен этот мир!

— Кирилл, вот это закрепим скотчем!

Голос Никиты выдернул из информационной пучины. Кириллу захотелось вцепиться в знакомое теплое тело всеми своими щупами, вырваться из-под чужого давящего внимания и очутиться в замкнутой уютной комнате, где каждый угол исследован до деталей, где знаком каждый шорох и где не нужно судорожно вычислять, чем обернется та или иная произнесенная фраза.

— Он сломал это руками! — восхищенно объявил Мин Энг. — Просто руками!

Кирилл механически ощупал поданные ему предметы.

— Это была пластиковая швабра всего лишь, — пояснил Никита. — Кирилл, можешь загнуть изломы как-нибудь? Здесь нет даже молотка, не говоря уже о напильниках.

Фразу он скомкал, заметив рассеянность Кирилла. Но поскольку по инерции изъяснялся по-английски, Мин реплику понял и тему подхватил.

— Молотки есть у рабочих, — он неопределенно махнул рукой в сторону перекрытого коридора. — Но рабочие не работают сегодня. Только мы находимся в этом здании. И это хорошо.

Он посмотрел на сомкнутые створы и тут же отвел взгляд. Заметно было, что он старается не думать о трагедии в лабораторном зале.

— Всё будет в порядке, — сказал ему Игнатъев. — Мы решим эту проблему. Обязательно.

— Ты очень сильный парень, — ответил Мин. — Монстр был так близко к тебе. Твоя рука сломана. А ты заботишься о других.

У Никиты сложилось другое мнение о мотивации личных подвигов сотрудника консульства, но виду не подал. Лишь придвинулся к Кириллу так, чтобы тот чувствовал его плечо. Через пару минут их общими усилиями фиксирующая повязка была быстро наложена прямо поверх рукава рубашки, причем Игнатьев не заметил, что легкая ткань не только высушена, но и тщательно очищена от твердых частиц грязи вроде крошенных пустых панцирей миниатюрных рачков и прочего аквариумного мусора. Он сам смастерил себе бандаж из ленты галстука и воспользовался помощью Никиты лишь на этапе завязывания узла.

Когда дело было почти закончено, со стороны дивана раздался бодрый голос местного айтишника. В смягченном переводе его фраза прозвучала так: «Мин, пойдись сюда, мне нужны твои руки и ноги». Мин Энг сострепал на лице улыбку и пошел к дивану, где Надежда Андреевна по-английски, но с крепким русским акцентом требовала от лежавшего помолчать и поберечь силы.

— У него очень много разрушений в теле, — испуганно пробормотал Кирилл, распознав одному ему доступные сигналы.

Никита нахмурился. Олег Игнатьев глянул на обоих поочередно и здоровой рукой показал на санузел.

— Идите отсюда оба. В порядок себя приведите. В общем, шагом марш.

Никита исподлобья недобро глянул на него и собрался высказаться по поводу «шагом марш». Не успел.

— Да не крысся ты на меня! — приглушенным шепотом процедил самоназначенный командир и нервным движением вытер со лба мелкие капли пота. — Я вам не враг. Моя задача вывезти вас отсюда целыми и невредимыми. Избавь меня уже от этого детсада с кулаками.

Напрасно он рассчитывал на точку в споре. Никита отступить не собирался.

— Солдатиками командовать проще, чем нянькой работать? — язвительно поинтересовался он. — А придется нянькой, раз мы тут вам «детсад».

— У нас тоже есть задача, — подхватил Кирилл. — Уберечь людей. Предлагаю подумать над консолидацией решений.

— Олег Владленович! — требовательно объявила Надежда Андреевна.

Он обернулся, а Кирилл улучил момент увести Никиту из зоны закипающих эмоций.

Гигиеническая комната оказалась неожиданно большая, и Кирилл не успел составить для себя полное представление о кубатуре. Никита увлек его вдоль закрытых кабин к дальнему от входа углу и там плюхнулся на длинную скамью.

— Игнатьев меня бесит. Что он тебе наговорил? Почему ты как пристукнутый?

Кирилл вздохнул и опустился на скамью рядом с Никитой.

— Дал понять, насколько непросто всё вокруг. Я растерялся.

— Ты устал, — подсказал Никита.

— Да. Это так называется. Энергии почти не осталось. Если сейчас сюда прорвется та тварь, я ничего сделать не смогу, — Кирилл согнулся, опустив локти на колени. — Боюсь, даже тебя не смогу защитить.

— Значит, будем дружно защищаться, — Никита хлопнул его по спине. — Нужно найти какую-нибудь еду для тебя.

— Для тебя тоже. Таких слабых токов как сейчас я у тебя ни разу не слышал.

— Выберемся — крепче станем. А «не» не рассматриваем. Хорошо?

Кирилл устало усмехнулся.

— Чуть было не ляпнул про «не», — признался он.

— Знаю, — Никита ответил такой же усмешкой и тяжело поднялся на ноги. — Душ приму. Тут две большие душевые кабины. Если одежду прополощу, высушишь?

— Без проблем. Я с тобой. Можно?

— Конечно!

Последовав за Никитой в душевую кабинку, Кирилл надеялся на несколько минут окунуться в безмятежный уют замкнутого пространства. Но из информационных просторов на передний план сознания полезли мысли о расположении и назначении помещений, о канализационных трубах и сливных отверстиях, о водных резервуарах и источниках питания.

— Мин кое-что интересное рассказал, — заговорил Никита, закончив с промывкой волос. — Я специально тут с ним задержался, чтобы услышать побольше. Парень — трепло, ничего за зубами не держит.

— У него такой задачи нет, — вставил Кирилл.

— Ну да, верно, — согласился Никита. — Здесьнего начальника — доктора Моргана — он считает бесчувственным, строгим и чрезмерно требовательным. Говорит, согласился на эту практику только потому, что его руководитель принял приглашение участвовать в проекте. Мин — будущий океанолог. Точнее биолог, который изучает жизнь в океане. Он подтвердил, что «подопытного» держали в морской воде. Каждую неделю привозили сюда планктон в бочках. Сказал, что сегодня привезли внепланово и в другом формате — не в бочках, а в одной цистерне. Я подумал про капсулу.

— Он ходил рядом, я шаги узнал. Его послали принять груз, чтобы Надежда Андреевна не поняла, что именно доставили.

— Кто тебе сказал? Этот Штирлиц?

Кирилл спонтанно вытаращил глаза также, как в моменты изумления делал Никита.

— Почему «Штирлиц»? Он совсем не похож на героя из фильма.

— Внешне — нет, но тоже шпион. Задание у него! всю мою биографию собрал. Ведет себя как командир-полка-нос-до-потолка.

— Он несет груз ответственности за соотечественников и старается демонстрировать уверенность, — возразил Кирилл. — А сам с трудом сохраняет спокойствие, потому что объективно не может контролировать ситуацию.

— Тут не контролировать нужно, а мозгами шевелить. И желательно всем вместе. Мин много знает. Может, в деталях и не разбирается, потому что сам еще студент, но он любознательный и хорошо знает эти помещения. Он однозначно сказал: в зале стока нет и быть не может, потому что это всё, — Никита махнул мокрой майкой, — это всё бывшая лаборатория вирусологов. Тут уровень доступа был в несколько ступеней. Я его спросил, где вода из аквариума. Он за голову схватился. Мол, никто еще не подумал. А воды было много, потому что аквариум — два на полтора в основании и высотой больше метра. Получается, это чудо-юдо воду абсорбировал. Если так, и вода теперь его составляющая, то методы борьбы нужно искать соответствующие. Выпарить его или кристаллизовать, заставить уменьшиться и загнать в банку... Чего головой мотаешь?

— Пытаюсь собрать воду.

— Не волосами же!

— Никита, это тело — имитация. Ты прекрасно знаешь, какой я настоящий.

— Настоящий ты такой, какой есть!

— Правильно, — поспешил согласиться Кирилл. — И как бы я ни выглядел, я не могу таскать с собой большой объем воды. Ведро. Может быть — два. Или три, если накоплю энергию, чтобы увеличить плотность материи.

Никита посмотрел на полупрозрачный кувшин, тщательно сотканный из нитей, и заметил:

— Ты слепил банку объемом около галлона. Это чуть меньше четырех литров.

— В такой банке ты купил молоко, — подтвердил Кирилл.

— А речь идет об аквариуме по меньшей мере на три тысячи литров.

Кирилл помотал головой на сей раз исключительно по-человечески, вместе с тем распустил свой кувшин и собрал мокрую одежду Никиты.

— Сдаюсь. Я понятия не имею, как оно организовало свою материю.

Он приоткрыл дверцу кабинки, на жгутах и щупальцах вынес весь ком одежды разом, размотал, собрал влагу из каждого предмета, включая носки, пропустил излишки воды по сотканным по случаю трубкам и слил в душевой поддон. Никита выключил душ, огляделся в поисках чего-либо, пригодного на роль полотенца, обнаружил в волосах и на плечах невесомую пелерину из белых нитей, и благодарно кивнул.

— Спасибо. Где там мои штаны? Не хочу этим сверкать.

Он взглядом показал на свои ноги с явными признаками атрофии.

— Это восстановится, — уверенно сказал Кирилл. — И не важно, что написали про тебя медики.

— Игнатьев тебе и про медкарту сказал? Ну и жук! До персональных данных добрался. На кого же он работает?

— Он не замышляет плохого, Никита. Когда он сказал, что должен вывести нас, он не лгал. Вот только как бы... — Кирилл передал майку, уловил новые шорохи с внешней стороны кабинки и поспешил закончить свою мысль. — Он как бы и про себя думал, когда говорил.

— Если мы — его задание, то от нашего здоровья зависит оценка его работы. Выполнит — получит звездочку на погон. Что там такое?

Кирилл обреченно прикрыл глаза.

— Я не заметил шагов за стенкой, — пробормотал он.

Никита выскочил в проход, на ходу заправляя майку под поясok спортивных штанов. Мин Энг с несуразно кривой улыбкой на широком плоском лице, смотрел на рубашку, развешенную на щупальцах.

— Мин! — начал Никита, хотя еще не придумал, что и как сказать.

Китаец встрепенулся. Улыбка расплзлась во весь рот, в глазах вспыхнул восторг.

— Это круто! — воскликнул он. — Мне не показалось! Ты такой же!

Никита заскрежетал зубами.

— Не я, — поправил он. — И не такой же.

Кирилл вышел в проход по-человечески, но рубашку и носки передал Никите на щупальцах, которые по завершению мероприятия втянулись в рукава его личной рубашки.

— О, да! Прости, прости! Не такой. Конечно! — Мин как околдованный пошел напрямиком к Кириллу. — Могу я... можно до тебя дотронуться?

— Никита, тут больше никого нет? — на всякий случай уточнил Кирилл.

И получив подтверждение, протянул руку. Получилось, что он предлагает рукопожатие. Мин схватил его ладонь обеими руками.

— Круто! Ты настоящий! Я слышал как говорили про тебя, — по-английски вздох начал он. — Ты из сухой среды. Ты развит по-другому. Лучше и умнее. Неправильно говорили! Ты больше. Ты настоящий человек! Вот почему они хотели здешнего скрестить с тобой. Но у них ничего бы не получилось, потому что ты — человек!

— Скрестить? — Никита не поверил своим ушам.

— Ничего бы не получилось! Это точно! — повторил молодой китаец.

— Как я вовремя сбежал, — по-русски пробормотал шокированный Кирилл.

Мин не обратил внимание на непонятную реплику, но нечаянно поддержал некорректный тон беседы — выдал несколько эмоциональных фраз на своем родном языке.

— Один-один. Никто ничего не понял, — прокомментировал Никита по-английски.

— Извини, — спохватился Кирилл.

— Извини! — в один голос с ним воскликнул Мин Энг.

Неловкий момент был тут же забыт, и Кирилл воспользовался случаем: попросил разрешения на тактильный «осмотр». Мин с радостью согласился, а Кирилл предоставил ему возможность проследить за полным «ропуском» кисти руки.

— Ой-ля-тополя! Куда вы там все провалились? — с этими словами в дверях появилась Надежда Андреевна.

Увидав дружную компанию возле скамейки, она деловито поправила очки и по-английски сказала:

— Вы познакомились? Прекрасно. А сейчас, Мин, давай найдем ту штуку, которую просил Фил.

С местным айтишником Никита поздоровался издали. Тот бойко помахал рукой и опять уткнулся в экран ноутбука, размещенного на пузе. На низком столике рядом с диваном лежали пустые ампулы и использованный шприц. Насколько эффективным было введенное лекарство, Никита судить не мог, но понадеялся, что Фил не только старается выглядеть бодрым, но и чувствует себя лучше. В чем заключается его бурная деятельность, он не понял, поскольку в компьютерной технике разбирался на уровне пользователя. По той же причине в сторону был отставлен и Олег Игнатъев. Зато Надежда Андреевна взяла на себя роль регулировщика, и теперь оперативно передавала команды Мину Энгу и Кириллу, задействованным в поисках какого-то кабеля в коммуникационных коробах. Фил несколько раз порывался встать, но Надежда Андреевна своевременно пресекала попытки. Когда же он все-таки приподнялся, боль опрокинула его обратно на диван. Кирилл метнулся было на помощь, но Игнатъев преградил ему путь.

— Не лезь, — предупредил он предельно тихо. — Спасти его могут только хирурги. А внедряться в человеческое тело без соответствующих знаний равносильно убийству.

— Понимаю, — Кирилл прикрыл глаза. — Я могу только обеспечить компенсационную среду, чтобы облегчить боль. Не более того.

Он вернулся к поискам кабеля, а Игнатъев обернулся на Никиту, сидевшего на стуле возле железных шкафчиков.

— Когда ты встал с коляски?

Никита давно ждал этого вопроса и теперь быстро подготовился к новому раунду дуэли на колкостях. Но вдруг вспомнил, что сказал Кирилл про молодого сотрудника консульства: несет груз ответственности. Он прямо посмотрел на собеседника, заметил, как напряженно тот ожидает ответа, и решил проявить терпимость.

— Вчера утром.

Обыденный тон озадачил Игнатъева, а потому осознание услышанного состоялось с небольшим опозданием.

— Замечательно. Блин! — тоном человека, обреченного на непомерный труд, пробормотал он.

— Я к этому дню шел два года, — резко, но вполголоса добавил Никита.

— А если сегодня побегать придется?

— Пойду быстрым шагом.

Неожиданно для него Олег Игнатъев улыбнулся.

— Что ж на брательника не рассчитываешь?

И кивнул в сторону Кирилла.

Никита насторожился. Простецкое «брательник» из уст официального представителя консульства звучало по меньшей мере странно, а с учетом укрепившегося представления о нем как о шпионе — странно вдвойне. До сих пор всё, что Игнатъев высказывал вслух, ложилось в строго определенное информационное русло. Никита допустил, что таким

образом было подчеркнуто намерение представить их братьями документально, но он побоялся поверить в такое счастье.

— Если придется бегать сегодня, — заговорил Никита, — я сделаю так, чтобы Кирилл на меня не отвлекался. Потому что здесь находятся Надежда Андреевна, лежащий раненый и вы без одной руки.

— И меня посчитал? — неприятно удивился Игнатъев.

— Посчитал. Транспортировать человека весом в полторы сотни килограмм с одной рукой вы не сможете. И контролировать перемещение неспортивной немолодой женщины тоже. Несмотря на все ваши боевые навыки.

Олег Игнатъев резко наклонился к Никите и заглянул в глаза. Никита не отшатнулся и взгляд не опустил.

— Ты мне больше и больше нравишься, парень, — сообщил Игнатъев. — К сведению: я солдатами не командовал. Я их лечил. В полевом госпитале.

С этими словами он ладонью правой руки крепко прижал бедро Никиты чуть выше колена. Никита рефлекторно дрогнул, но заставил себя не сопротивляться. Игнатъев неопределенно хмыкнул и выпрямился.

Над спинкой дивана взметнулись две мясистые руки, и на высокой ноте прозвучало победное — йес!

— Он установил связь! — пояснила Надежда Андреевна по-английски.

Игнатъев жестом и кивком позвал Кирилла. Тот почувствовал движение, но приблизился после негромкого оклика Никиты. Таким образом попытка протестировать дистанционное взаимопонимание с посторонним человеком провалилась.

— На камеру не попадать, — предупредил Игнатъев обоих. — Разговаривать будет профессор, следите за ее позицией.

— Нас уже видели, — быстро напомнил Кирилл.

— Мин принял вас за рабочих ремонтной бригады, о чем и сообщил вслух. Иного в офисе не звучало. Ждите здесь.

Он поспешил к Надежде Андреевне, а к Никите и Кириллу осторожно приблизился Мин Энг.

— Фил — лучший айтишник из всех, кого я знаю, — вполголоса начал Мин. — Точки доступа отключились, но он подсоединил свой макбук напрямую к сети. Только он так умеет! Он настраивал всё один с начала работы лаборатории здесь.

— Кому принадлежит лаборатория? — в стиле «между прочем» уточнил Никита.

— Калифорнийскому университету, — тут же ответил Мин, но в следующую секунду призадумался. — Кажется, я ошибаюсь. Здание принадлежит университету. Доктор Морган и его лаборатория — арендаторы.

Мин оглянулся на диван. Фил кое-как принял сидячее положение, и теперь над высокой спинкой была видна его неряшливая шевелюра.

— Кирилл, — шепотом позвал Мин Энг. — Можешь ты помочь ему как-нибудь? Создать лекарства для поддерживающей терапии, например.

— Я не могу генерировать вещества, — ответил Кирилл.

— Совсем никаких? — переспросил Мин и с надеждой посмотрел на Никиту.

Тот молча подтвердил отрицательный ответ.

Мин тяжело вздохнул.

— Как странно. Из аквариума брали вытяжки. Оно создавало под воздействием разного света разные вещества. Я слышал, что скоро получают лекарство от рака.

— Я думаю, — начал Кирилл, — он организовал себя так, как его хотели видеть.

— Его освещали, он генерировал, ему давали еду, — сказал Мин. — Как в цирке.

— Ты кормил его? — спросил Никита.

— Нет! — Мин замахал обеими руками. — Я исследовал планктон. Мой руководитель давал задания, я выполнял и отчитывался. Я не подходил к аквариуму.

По мимолетному движению бровей на лице Кирилла Никита понял, что в последней фразе прозвучала ложь.

— Ни разу? — выразительно уточнил он.

Мин Энг криво улыбнулся.

— Занимался любопытством. Один раз. Отругали и чуть не выгнали. Доктор Морган очень строгий. Всегда следит. В зале две камеры. Тут камера. И даже в офисе камера.

Он замер и прислушался к репликам возле дивана.

Никита тоже наострил слух. Вопрос камер как раз активно обсуждался с позиции правомерности подключения через локальную сеть. Олег Игнатъев выражал недоумение и утверждал, что система видеонаблюдения создается так, чтобы исключить доступ извне. Фил кивал, а потом как бы между прочем сказал, что доступ есть всегда, если заранее позаботиться. И невинным тоном спросил: посмотрим?

Игнатъев напряженно нахмурился. Видимо, участие в нелегальных актах было чревато для него дополнительными проблемами.

— Он не отвечает на вызов! — громко напомнила Надежда Андреевна. — Он прекрасно знает, кто к нему обращается. Он видел, как Фил прибежал сюда. Он знает, что вы двое тут, — она посмотрела на Игнатъева и показала в сторону Мина Энга. — И при этом он не отвечает! Следовательно, либо он давно сбежал, либо его съели вместе с лаборанткой.

— Последнее исключается, — возразил Игнатъев. — Он перекрыл всю «красную зону». И предупредил Мина и меня, что карантинный блок второй раз не откроет, и нам предстоит отсиживаться здесь до прибытия подкрепления независимо от результатов нашего рейда.

— Какого подкрепления? — Надежда Андреевна перешла на русский. — В лаборатории кавардак устроили с КЗ и огнем, а пожарная служба даже за ухом не почесала! Не потому ли, что Морган дал отбой пожарной тревоги? Откуда у него подкрепление, если он тут врет направо и налево!

— Люди, на которых он работает, выкрали человека, — Игнатъев тоже заговорил по-русски. — И частным самолетом перевезли через всю страну.

— А потом обычным грузовым контейнером отправили сюда как посылку! — заявила Надежда Андреевна так, будто ставила в споре жирную точку.

Никита решительно поднялся со стула:

— Надежда Андреевна, Олег Владленович, english, please.

Реплика подействовала отрезвляюще на обоих. Игнатъев извинился перед Филом, а Никита и за ним Кирилл и Мин Энг приблизились к дивану, как к центру собрания.

— Фил, открывай свою лазейку, — распорядилась Надежда Андреевна по-английски. — Я уверена, что Моргана в кабинете нет.

— Есть возможность увидеть лабораторный зал? — быстро спросил Кирилл.

Фил с трудом оглянулся на голос, поскольку не понял слов, произнесенных без соблюдения фонетических правил языка, увидел двух одинаковых людей и изумленно открыл рот. Никита поспешил повторить вопрос на чистом английском, а Мин, занявший позицию за спинкой дивана, шепотом объяснил идеально сходство: они близнецы.

На вопрос о камерах в зале, Фил ответил: увидим, если камеры исправны, — и подтянул к себе ноутбук. Пока он занимался настройками, Игнатъев буравил Кирилла напряженным взглядом. Тот чувствовал суровое внимание, но не знал, как ответить на незаданный вопрос без слов. Лишь сжал кулаки, чтобы дать понять, что не намерен использовать подвижные нити. Никита заметил и пантомиму, и то, что Кирилл остался непонятым. Опустил ладонь на сомкнутую в кулак кисть и, когда Игнатъев перевел на него взгляд, знаком показал, что он будет смотреть за двоих.

Фил объявил — готово, — положил ноутбук на столик и откинулся на спинку дивана. Мин забеспокоился вслух, но в ответ прозвучало натянуто-бодрое: я в порядке, — а внимание зрителей невольно оттянула на себя Надежда Андреевна, объявив по-английски:

— Как я и говорила, в кабинете его нет!

— Но... но монстра нет в лаборатории, — дрогнувшим голосом сообщил Мин.

— Здесь не видно ни аппаратную, ни окно в коридор, — возразил Никита. — Камера была прямо над дверью?

Мин утвердительно кивнул.

— Камера над аквариумом разбита, — произнес Игнатъев так, будто размышлял вслух.

Кирилл понял, что информация предназначена ему.

— А это что? — вдруг воскликнула Надежда Андреевна и наклонилась к самому экрану.

— Что женская сумочка делает в кабинете доктора Моргана?

Фил с трудом подтянулся к столику и слегка повернул ноутбук на себя. Долго всматривался в крупнозернистое черное-белое изображение и, разглядев то, чему искал подтверждение, сообщил, что сумочка лежит на рабочем столе Зои.

Мин поспешил взять комментарии на себя:

— Зои — лаборантка у доктора Моргана. Она занимается документацией и бухгалтерией. Стол доктора напротив, за прозрачной перегородкой. Камера не смотрит туда.

— Значит, мы не знаем местонахождение доктора Моргана, — попыток Игнатъев.

— Рядом с креслом какой-то мешок. Что это? — спросил Никита.

— Мой рюкзак, — отозвался Мин. — Я всегда оставляю вещи рядом с Зои. Она не против.

— А в твоём рюкзаке, — Никита медленно повернулся к студенту, — есть мобильник?

— Есть! — обрадовался Мин, но тут же нахмурился.

Затем сунул руку в задний карман брюк. Изменился в лице, и хлопнул себя ладонями по обоим нагрудным карманам.

— Ты использовал селфи-палку и свой айфон для предварительного осмотра зала, — напомнил Игнатъев.

Он оглянулся на свалку мелкого хозяйственного барахла, сброшенного на пол со столика возле железных шкафов. Селфи-палка торчала из-под коробки с одноразовыми перчатками. Мин проследил за направлением его взгляд и кинулся за палкой. Поднял и побледнел пуще прежнего, поскольку мобильного телефона в зажиме не оказалось.

— Я потерял мой смартфон рядом с монстром, — пробормотал студент.

Фил посоветовал ему быть оптимистом и радоваться, что не потерял рядом с монстром руки или голову.

— Никита, — позвала Надежда Андреевна. — Почему ты вспомнил про телефон? Зачем телефон, если до него не добраться?

— Позвонить в офис, посмотреть, кто и как отреагирует на вызов, — пояснил Никита.

— Как позвонить, если здесь нет ни одного мобильного? Даже нас, — Надежда Андреевна показала на Игнатъева, — попросили сдать средства связи. Пришлось оставить в машине. У тебя есть с собой телефон?

— Нет. Но в любом современном мобильнике есть скайп или другая программа для коммуникаций, и абонента можно вызвать с компьютера.

Надежда Андреевна непонимающе скривила губы.

— У вас очень старый мобильник, профессор, — шепнул ей Игнатъев.

— Ах вот как? — она опять перешла на родной язык. — Да-да, я понимаю. Я тоже старая и очень склочная. Я прекрасно знаю, что вам про меня наговорили!

Ее обида была настолько искренней и вместе с тем неуместной, что Никита с трудом спрятал улыбку, а Кирилл поспешил отвернуться, поскольку мимические рефлексy уже устоялись, а контроль над ними еще не укрепился.

— Это маленькая разрядка «антистресс», — по-английски быстро объяснил Никита.

Фил хохотнул и заявил, что профессор очаровательно злится и этим очень похожа на его маму. Потом тяжело оглянулся на Никиту, обозвал его «головастым малым», объявил, что идея не погибла с гибелью смартфона Мина, и пояснил, что намерен связаться с Зои.

Сигнал вызова был хорошо слышен в динамиках макбука, а на дисплей Фил вернул экран виртуальной машины, где отображались окна системы видеонаблюдения. После третьей перепевки, когда Надежда Андреевна готова была опять заявить о победе коллеги, в области захвата «кабинетной» камеры мелькнула тень. Секунду спустя с другой стороны появилась молодая женщина. Подбежала к столу и принялась судорожно вытаскивать из сумочки мобильный телефон. Фил облегченно вздохнул и пробормотал: Зои жива, слава Богу! Она увидела дисплей, вздрогнула всем телом и спешно приняла вызов.

Из динамика макбука услышали надрывный высокий голос: «Фил, это ты? Скажи, что это ты!»

Фил немедленно подтвердил свою личность, перехватил дыхание, чтобы задать волнующий всех вопрос, но не успел: Зои истерично принялась говорить о том, что все погибли, что доктор Морган ничего не делает, что ее не отпускают домой и что она сейчас же вызовет спасателей. Фил попытался прервать словопоток, но тут к рыдающей лаборантке подбежал высокий сутулый человек в белом халате — доктор Морган. Битва за мобильный телефон была короткой. Аппарат очутился в мужской руке, а затем полетел в дальний угол кабинета. Единственное, что услышали в карантинной зоне до обрыва соединения, были слова доктора: «больное воображение».

Зато сцена под камерой оставалась доступна наблюдению. Было хорошо видно, как доктор Морган немилостиво трясет женщину за плечи и что-то говорит, а вернее — кричит — ей в лицо. Задавленная авторитетом и эмоциями, она обмякла в его руках. Он сильно толкнул ее в сторону. Она закрыла лицо руками, попятилась и так вышла из зоны захвата камеры. А доктор Морган взглянул прямо в окуляр следящего устройства, нахмурился и оглянулся в направлении, куда отшвырнул мобильник.

— Он сейчас поймет, что вызов — не плод больного воображения, — быстро проговорил Никита.

— Он прекрасно это знает, — сурово сообщил Игнатъев и распорядился. — Кирилл, быстро! Наведи камеру сюда, на нас. Никита, скройся.

Мин отступил к вещевым шкафчикам, хотя ему никаких специальных распоряжений не выдавали.

Никита отошел к стене вместе с Кириллом, но с этой позиции потерял из виду экран. Кирилл развернул камеру так, как она стояла изначально. Надежда Андреевна принялась командовать — левее, правее, — но Игнатъев поступил проще: мягко, но настойчиво, отвел ее саму в зону видео-захвата.

— Олег Владленович, что ему говорить? — уточнила Надежда Андреевна.

— Ничего, у камер слежения нет микрофонов. Просто стойте здесь. Пусть увидит, что вы живы и здоровы.

Фил активно задвигался на диване. Игнатъев поспешил к нему, чтобы предотвратить рассекречивание способа переориентации камеры, но айтишника не интересовало, кто и как вертит аппарат. Он сказал что-то про коммутатор и про то, что доктор Морган не имеет физического доступа к управлению видеонаблюдением, потом пробормотал несколько невнятных слов. Игнатъев наклонился к нему, попытался уложить, но одной рукой сделать этого не смог и взглядом кинулся за помощью. Никита и рад был бы помочь, но раньше ему велено было держаться вне видимости камеры. Подбежал Мин с куском картонной коробки, на котором было криво нацарапано по-английски: «Звоните 9-1-1!!! Филу нужна медицинская помощь».

— Умница! Давай сюда! — обрадовалась Надежда Андреевна.

— Это не поможет! — Игнатъев выпрямился. — Поймите, Морган умышленно запер нас здесь без связи. Фил говорит, что это он отключил фай-вай, не подозревая, что существуют альтернативные способы установить сетевое соединение.

Никита спиной прижался к руке Кирилла. В физической опоре необходимости не было. Требовалась опора моральная. Обоим, и Никита это чувствовал остро, как никогда.

— Он застывает, — проговорил Кирилл. — Его энергия гаснет... Не хочу это видеть.

Никита посмотрел на диван. Голова с неряшливой шевелюрой покоилась на ребре высокой спинки так, будто человек задремал.

— Олег Владленович! — громко позвал Никита.

— Просто «Олег», сколько раз повторять? — нервно бросил Игнатъев.

Но тут увидел два одинаковых остановившихся лица, оглянулся на диван и спешно наклонился к раненому. Раздался хлопок — ноутбук соскользнул на пол. Надежда Андреевна махнула Кириллу, мол, убери камеру, и поспешила к Филу. Мин механически опустил свой транспарант и попятился прочь от дивана.

Никита развернулся к Кириллу и заставил его прижаться лбом к своему плечу. Практического смысла в этой защитной позиции не было никакого, поскольку Кирилл принимал информацию каждой нитью своего уникального организма. Но сейчас нужен был простой человеческий контакт.

— Там не помочь, там всё закончилось, — зашептал Никита. — Слушай сюда. Слушай, как стучит мое сердце. Здесь жизнь продолжается. Слышишь?

Кирилл чуть-чуть кивнул.

— А Мина слышишь? — продолжал Никита. — Он тут, рядом стоит. Он в порядке. И Надежда Андреевна. И Олег. Мы живые. И мы выберемся. Все вместе.

* 7 *

Тело Фила вынесли в санитарно-гигиеническую комнату, уложили вдоль лавки, закрыли лабораторными халатами и вернулись в основное помещение карантинной зоны. Мин посмотрел на опустевший диван, тяжело, со всхлипом, вздохнул и опустился на пол, прислонившись к торцевой стенке. Надежда Андреевна села в кресло. Игнатъев бесцельно прошелся по комнате, глянул на камеру, убедился, что окуляр обращен в потолок, поднял с пола закрытый ноутбук и положил его на столик. Никита оттеснил Кирилла от двери санузла и пошел к стульям возле вещевых шкафчиков. Кирилл остановил, показал на пол и шепнул.

— Компенсацию обеспечу, ложись. Пластырь нужно поменять.

Никита в первый момент не понял, о чем речь, и лишь после легкого давления на бедро вспомнил, что порвал об стекло не только штанину, но и кожный покров.

— Ерунда, — вполголоса возразил он. — Не привлекай внимания.

— Люди смотрят внутрь себя. Каждый, — еле слышно сообщил Кирилл. — Вот что называется «тоска». Все ощущают по-разному, но в одной тональности.

— Хочу когда-нибудь научиться слышать энергию, как делаешь ты, — пробормотал Никита.

— Ты слышишь. Тебе нужен только... — Кирилл на секунду задумался, — монитор, чтобы твое сознание преобразовало информацию в привычную тебе форму.

— Значит, найдем монитор.

Никита расслабился в теплых почти невидимых нитях. Но релаксация была прервана возгласом Игнатъева.

— Здесь пароль!

— Я точно так же осталась без связи в аппаратной, — подала голос Надежда Андреевна.

Мин предвосхитил вопрос: поспешно сообщил, что Фил — «фанат безопасности», и его пароли никто не знает.

— Итого, — Игнатъев закрыл бесполезный теперь макбук. — Связи нет. Двери к лифту заблокированы. И до завтрашнего дня помощи ждать не приходится.

— До завтра? — осторожно уточнил Мин.

— Сейчас пять вечера. Тебя буду искать?

— Нет, — китайский студент вздохнул. — Сосед по комнате уехал на каникулы. Дома меня ждут в августе. Руководителя моей практики... съел монстр. Меня никто не будет искать.

— У Зои наверняка есть близкие, — опять вмешалась Надежда Андреевна. — И доктору Моргану придется ее отпустить.

— Профессор, вы видели, как он манипулирует людьми? — Игнатъев прошел вдоль дивана и присел на подлокотник напротив кресла. — Он за десять секунд убедил несчастную секретаршу в том, что голос Фила ей почудился. А для пущей убедительности унизил морально и физически. Вы думаете, она способна теперь проявить хотя бы элементарную инициативу? Не способна. Завтра, не дождавшись сеанса связи, мои коллеги развернут поиски. И если мы с вами не вернемся к вечеру, поиски перейдут на другой уровень. Это абсолютно точно.

Он посмотрел на Мина, взиравшего на него снизу вверх, и пояснил:

— Я сотрудник российского консульства. У меня дипломатическая неприкосновенность.

— Монстр не знает про твой паспорт, — буркнул Мин, покосился на хмыкнувшего Никиту и смело продолжил. — Если доктор Морган хочет, чтобы мы все погибли, он натравит на нас свою хищную водоросль.

— Мин, не говори чушь! — возмутилась Надежда Андреевна. — Зачем доктору Моргану нас убивать?

— Но зачем он сказал Зои, что все мертвы?

— Чтобы она не пыталась вызвать МЧС!

— Службу спасения, — поспешно вставил Никита по-английски, поскольку Надежда Андреевна вплела в английскую фразу русскую аббревиатуру.

— Почему доктор Морган не хочет вызывать спасателей? — спросил Кирилл.

Простой вопрос вызвал короткое замешательство. Не растерялся только Никита.

— Потому что в случае привлечения полиции и государственных служб ему придется объясняться за своего выкормыша перед законом, — ответил он.

Кирилл выложил второй заготовленный вопрос:

— Тогда чего он ждет в своем офисе?

Никита нахмурился, пересел так, чтобы оформился совещательный круг, и высказал на ходу составленную версию:

— Либо он ждет прибытия нештатных служб спасения, либо знает о своем монстре что-то такое, чего не знаем мы.

— Ты тоже думаешь, что доктор Морган натравит на нас водоросль? — спросил Мин.

— Нет, — Никита отрицательно качнул головой. — Я думаю, что он надеется на естественное разрешение проблем.

— Например, монстр растратит энергию и уснет? — уточнил Игнатъев.

— Глупо ожидать, что уснет, — сказал Кирилл.

— Почему? — заинтересовалась Надежда Андреевна.

— Он изучал своего подопечного. Он должен знать, что растраты энергии равнозначны голоду. А если дикое существо проголодалось, оно будет искать питание, а не укладываться спать. Сон необходим для преобразования энергии в материю или информацию. Это

существо не развило в себе никаких информационных путей кроме тех, которые сопоставимы с безусловными и вегетативными рефлексам. Поэтому всю накопленную энергию оно тратит на расширение материи.

Никита оперативно перевел пояснения для Мина, поскольку Кирилл говорил по-русски, но сам продолжил на родном языке:

— Побег из аквариума вместе с водой. Вот чего никто не предполагал. Мне кажется, доктор Морган ждет, когда существо сбросит воду и вернется к размеру чайного гриба из трехлитровой банки. Но если вода — его родная среда, то без внешнего воздействия он не откажется от зарезервированного материала.

Теперь Игнатъев быстро пересказал предположение Никиты по-английски для Мина.

— О, да! Никто не предполагал! — подтвердил Мин. — Доктор Морган был в шоке, когда смотрел демонстрацию.

Игнатъев уверенно кивнул, поскольку сам был свидетелем поведения начальника лаборатории в первые минуты происшествия. Затем он оглянулся на закрытую дверь в коридор «красной зоны» и вернулся взглядом к Кириллу.

— Как на счет выйти в разведку? Вдвоем. Ты страхуешь, я смотрю.

Кирилл отрицательно покачал головой.

— Я не смогу защитить вас и перекрыть проход, если оно ринется сюда.

— Час назад ты это сделал.

Кирилл нахмурился точь-в-точь как Никита и повторил:

— Теперь не смогу. Потому что потратил энергию. Он просто сомнет меня.

Надежда Андреевна решительно встала из кресла и пошла к холодильнику.

— Мин, что тут есть из еды?

Мин с готовностью вскочил.

— Гамбургеры и пицца в морозильной камере. У Филя всегда большой запас. Он тут живет иногда... Жил. Со мной всегда делился, если я долго оставался здесь. На верхней полке есть кола. Там, выше, профессор! Рядом с протеином.

— Протеин? — насторожился Игнатъев.

— Для планктона, — походя пояснил Мин и сам дотянулся до банок с колдой через плечо низкорослой женщины.

— Планктоном кормили водоросль? — с трудом сохранив обыденный тон, спросила Надежда Андреевна.

— Оно не ело планктон. Ему давали специальные стероиды и какой-то «бонус» по воскресениям. Бонус я никогда не видел. Стероиды хранятся в офисе в сейфе.

— Ой-ля-тополя-я, — протянула Надежда Андреевна.

Никита в двух словах объяснил Кириллу, о чем идет речь, поднялся на ноги с опорой на его плечо и обратился к Мину.

— Можно использовать протеин?

— Я не знаю, как это пересчитать в раствор для людей! — испугался начинающий океанолог.

— Не для людей. Для меня, — Кирилл тоже встал. — Я могу получить энергию из любого белковосодержащего продукта, а протеин — чистый белок.

Ему тут же предоставили банки с протеиновым порошком, и Надежда Андреевна, потеснив Мина, заняла место в первом ряду непрошенных зрителей. Кирилл смутился.

— Я тебя знаю во-от с такого возраста, — она показала пальцами условный шарик диаметром не более трех сантиметров. — Из пипетки своими руками кормила. Нечего меня стесняться!

— Лабораторная мамочка, — высказался Мин.

И тут же получил ладонью в лоб. Слегка, но весьма красноречиво.

— Иди отсюда. Не смущай парня!

Несмотря на то, что требование удалиться было высказано по-русски, Мин уловил и шутливый тон, и суть сказанного.

После тщательного исследования незнакомого продукта Кирилл использовал одну баночку порошка.

— Тебе этого хватит? — удивился Мин.

— Пока достаточно, спасибо, — ответил Кирилл и пояснил для Надежды Андреевны. — Важен не объем, а потенциал. У этого продукта потенциал высок. При тщательном распределении можно создать доступ к большому потоку. Проблема в том, что я привык к другой пище и уже стабилизировался. На изучение новых источников требуется времени.

— Ты говоришь моими словами, — Надежда Андреевна тепло улыбнулась.

— Значит, я все-таки сохранил в памяти какие-то знания? — обрадовался Кирилл.

— Безусловно, сохранил. Но применил по-своему. И, знаешь, дорогой мой, на практике моя теория выглядит лучше, чем на бумаге.

— Материальная проекция энергии. Вы так меня называли?

— Проекция эн-мерного существования в материю трехмерного пространства. Но оставим теории до лучших времен. Занимайся изучением новых источников, но прежде посмотри, не найдется ли чего-то полезного в старых.

— Кирилл, тут пицца с грибами, — подсказал Никита.

— Любишь пиццу? — удивился Олег Игнатьев.

— Грибы, — признался Кирилл.

Никита уговорил Кирилла погрузиться в сон ради скорейшего восстановления сил. Тот согласился, но попросил сохранить тактильный контакт.

— Будь моя воля, я бы тебя и на полметра в сторону не отпустил, — шепнул Никита и быстрым взглядом показал на Игнатьева и Надежду Андреевну, приглушенно споривших поодаль.

— Они решают нашу судьбу, — тихо сказал Кирилл.

— Свою судьбу мы создадим сами, — отрезал Никита и, смягчив тон, добавил. — В конце концов мы оба уже совершеннолетние.

— Ты — да. А я принадлежу российской лаборатории, потому что я не человек.

— Нечеловек поблизости только один: в офисном кабинете сидит, — заявил Никита.

Кирилл согласно усмехнулся.

— Устраивайся на мне, — Никита прислонился спиной к стене. — Или вокруг меня.

— Форму распускать не буду, только ослаблю натяжения, — пробормотал Кирилл.

Никита почувствовал под лопатками и поясницей упругий массив нитей. Кирилл привалился к его торсу плечом и опустил голову. И голова, и плечо оказались легкими, но не воздушными и по-прежнему плотными. Никита осторожно провел пальцами по мягким длинным волосам. Нити, сложенные в копию его собственной прически, вяло шевельнулись в ответ. Никита улыбнулся.

— Хочешь, «Конька» тебе почитаю?

— Как? Книжки же больше нет, — донеслось из глубин ниточного плетения.

— Книжка на пути в Германию. А я наизусть.

— Устанешь.

— Зато не засну. Слушай... «За горами, за лесами...»

Никита дочитал до того момента, как Иванушка «направился в село, напевая громко песню: Ходил молодец на пресню». На сём заученный текст заканчивался потому, что как раз на этом месте он сам в детстве засыпал под тихий «окающий» бабушкин распев. Он заглянул под свою ладонь, лежавшую на виске Кирилла. Тот давно погрузился в глубокий сон, и на

движение не среагировал. Никита обнял его второй рукой, опустил голову на валик, сотканный из нитей точно под затылком, прикрыл глаза и задумался. От воспоминаний о родной бабушке мысли потянулись к Родине и неспешно потекли по просторам детской памяти...

Из вялотекущей дремы он вынырнул, когда полусонные размышления завернули к современному положению дел. «Решают судьбу». «Принадлежит лаборатории». Сон как рукой сняло. Никита стиснул зубы. Отказавшись подавать прошение на американское гражданство, он фактически обрубил последние связи с матерью. И не жалел об этом. Сейчас на жертвенный алтарь требовалось положить гораздо более дорогое — контакт с усыновившим его человеком. Никита прекрасно понимал, что выбор уже сделан. И сделан был в тот момент, когда он бережно прижал к груди комочек таинственных ниток. Теперь спецслужбы, кто бы ни скрывался под этим объемным названием, не упустят его из виду даже в том случае, если им удастся изолировать Кирилла. И этого последнего «если» нельзя допустить ни в коем случае. Никита усмехнулся: опять на пороге войны со всем миром. Прошлый раз неравный бой с системой закончился для него в инвалидной коляске. Нынешние перспективы виделись куда более мрачными, но зато в предстоящей битве он был уже не один.

Он слегка сжал легкое, но по-человечески упругое плечо Кирилла, подумал — прорвемся! — и тут вспомнил про Игнатьева. Подкатила досада: увлекся подготовкой к абстрактной войне, а сам упустил из внимания реального шпиона под самым боком. Стараясь не менять положения тела, он из-под прикрытых век осмотрел помещение, насколько позволила пространственная позиция.

Игнатьев сидел на стуле возле приборного стола, где раньше Кирилл вправлял ему кости. Неприятного давления на себе Никита не чувствовал, однако это не означало, что его выпустили из-под визуального контроля.

С другой стороны — справа — наблюдение ощущалось так, будто издалека на него направили струю теплого воздуха. Никита попытался представить, как Надежда Андреевна разглядывает его и Кирилла из-под своих очков, но в сознании сложился графический рисунок, скорее всего не имевший ничего общего с реальной сценой.

Зато любопытные взгляды напротив он заметил без специальных ухищрений. Мин Энг сидел на полу, прислонившись к задней спинке пустого дивана, и время от времени поглядывал налево, благо между ним и Никитой не было никаких материальных помех.

Никита отметил про себя, что Игнатьев выбрал наилучшую позицию для наблюдения за людьми. Он видел всех, включая Надежду Андреевну в кресле, зато направление его взгляда не отслеживалось теми, кто расположился уровнем ниже — на полу. Впору было мысленно приклеить ему очередной ярлык: «шпион-психоаналитик», но Никита почему-то не нашел в себе нового очага неприязни к самоуверенному сотруднику консульства.

Мин Энг привлек к себе внимание осторожным жестом: показал на Кирилла и вопросительно кивнул. Никита видел, что Мин жаждет пообщаться, и решил поставить эксперимент. Сделав вид, что позиция Игнатьева по вопросу обмена информацией его не интересует, он шепотом по-английски сказал:

— Он спит. Мы ему не помешаем.

Мин с радостью принял приглашение к контакту: быстро, на четвереньках, перебрался к стене санузла, возле которой расположился потенциальный собеседник.

— С ним всё хорошо? — первым делом спросил Мин, показав на Кирилла.

— Просто спит, — повторил Никита. — Ему нужно еще некоторое время, чтобы восстановить силы.

Он умышленно говорил настолько тихо, чтобы его отчетливо слышал только пристроившийся рядом Мин. И краем глаза отслеживал реакцию Игнатьева. К его удивлению тот не проявил видимой заинтересованности начавшимся разговором.

— Ты пел ему песню, чтобы он отдыхал? — задал вопрос Мин.

— Песню? — удивился Никита. — Это была поэма. Сказка в стихах.

— Было очень красиво на русском языке. О чем сказка?

— О дружбе и верности. О преодолении препятствий, смелости и целеустремленности.

— На вас похоже? — Мин взглядом показал на Кирилла.

— Может быть немного.

— Я имел мечту в детстве, когда смотрел на океан. Я мечтал погрузиться в тайны океана. Я учился дома, много работал, чтобы учиться здесь. Я почти закончил учебу, а мечта пропала. Все стало очень ровным и серым. Сколько тебе лет, Никита?

— Восемнадцать.

— У тебя есть мечта?

Никита мимолетно улыбнулся.

— Я давно не мечтаю. Я ставлю себе цели. И к целям иду. Одному было трудно. Теперь есть брат. Цели стали сложнее, но вдвоем идти легче. Твоя мечта не пропала, Мин. Тебе просто нужно найти место, откуда ты увидишь ее вновь.

Мин Энг долго смотрел на собеседника, будто тот сделал открытие мирового масштаба. Никита подумал, было, что китаец не понял витиеватый оборот речи, но тот вдруг произнес:

— Мне 25 лет. Тебе — 18. Но ты старше меня. Спасибо за твои слова.

Никита не нашел, что ответить. И почувствовал себя совсем неловко, заметив одобрительное внимание Олега Игнатьева. Взгляды пересеклись на мгновение, но этого было достаточно, чтобы Никита понял, что произвел на российского «шпиона» сильное впечатление.

На его руках задвигался Кирилл.

— Спи, все в порядке, — поспешно шепнул Никита.

— Я закончил распределение.

— Так быстро?

— Без малого полтора часа. Специально усилил контроль, чтобы не терять счет времени.

Никита хмыкнул, но не стал признаваться, что часть воспоминаний и размышлений протекали во сне, а он не заметил, как надолго уснул. Давление на плечо и грудь усилилось: Кирилл восстановил плотность внутреннего плетения человеческой формы.

— Ты отдохнуть успел? — настойчиво уточнил Никита.

— Я оптимизировал энергозатраты. В разведку готов, — Кирилл обернулся на Игнатьева.

Тот кивнул и поднялся, придерживая сломанную руку на перевязи из галстука.

— Ребята, — позвала Надежда Андреевна, — а не обойтись ли как-нибудь без смертельного риска?

— Смертельного не будет, — уверенно заявил Кирилл. — Я в норме. Я не подпущу...

Не договорив, он моментально оказался на ногах. Никита вскочил вместе с ним, но причину тревоги довел до ума с секундным опозданием: из-за чуть-чуть приоткрытой двери в санузел донесся глухой звук, похожий на глубокий вздох.

— Фил? — ахнул Мин Энг и прежде, чем его успели остановить, ринулся в гигиеническую комнату.

Возглас по-китайски усилил эффект хаоса.

Кирилл громко крикнул:

— Там нет живой энергии!

А Никита схватил Мина за ворот рубашки и дернул на себя, прочь от двери. Кирилл перекрыл проход своим телом, подоспел Игнатьев. Надежда Андреевна успела только

выбраться из глубокого кресла, когда Никита развернул ошалевшего студента за плечи и принудительно подвел к ней.

— Мин, это естественный процесс изменений в трупe, — тихо по-английски объяснил он. — Я очень сожалею, что ты это слышал и видел. Смерть красивой не бывает. Держись.

Он слегка подтолкнул китайца в руки Надежды Андреевны. Она немедленно обняла шокированного парня, но взгляд ее был прикован к Никите.

— Ты туда не заглядывал, — дрогнувшим голосом напомнила она.

— Зато все слышал, — неохотно откликнулся Никита по-русски и решил, что сейчас лучше самому дать уточняющую информацию. — Когда в больнице лежал, парень рядом умер. Такой же крупный, как Фил. Вывезли только утром, поэтому за ночь я много чего наслушался. А потом специально почитал про трупы: газы, жидкости и все такое. Чтобы кошмары не снились.

В это же время Олег Игнатьев заставил Кирилла снять заградительную стенку и прошел в санитарно-гигиеническую комнату. Кирилл шагнул за ним по-человечески, но с клубящейся ниточной массой вокруг правой руки.

— Мертвое тело не представляет опасности, — жестко отчеканил Игнатьев. — Убери свой супер щит. И отвыкай трясти щупальцами где ни попадя. Тебе среди людей жить.

— Я научусь надежно фиксировать человеческую форму. Но не в сегодняшних условиях, — ответил Кирилл.

Игнатьев вдруг согласился:

— Ладно, тут прав.

И быстро в полголоса спросил:

— Можешь считать его облик?

Кирилл без труда определил, куда он показывает, и лаконично ответил:

— Нет.

— Почему?

— Потому что не хочу.

Игнатьев выдохнул сквозь зубы, от чего звук получился похожим на тихий рык.

— Послушай, Кирилл, — начал он тоном, претендующим на доверительный. — Тебе придется сотрудничать со мной, если ты хочешь и впредь жить бок о бок с Никитой.

— У вас искривленное представление о сотрудничестве, Олег Владленович. Вы стремитесь не трудиться сообща, а добиться безусловного подчинения. Вы никогда не командовали людьми. Командовали вами. Осмелюсь предположить, с самого детства. Вероятно, отец...

Кирилл уловил импульс отрицания, подсознательно сгенерированный сознанием человека, живо пересмотрел логическую цепочку предположений и исправился:

— Не отец. Дед. Полагаю, ярый сторонник идеалов советских коммунистов, судя по тому, что сыну дал имя «Владлен» — «Владимир Ленин». Он был смел, принципиален и трудолюбив. Но и требовал беспрекословного подчинения. От вас в том числе. Вы берете с него пример и пытаетесь использовать его методы воздействия на окружающих. Но забываете о рычагах. На вас воздействовал авторитет старейшины семьи. В ваших руках этого рычага нет. Но вам априори дана власть: здесь вы представитель Государства. Этой властью вы можете подчинить и меня, и Никиту. Но такого ли сотрудничества вы хотите?

Наступило напряженное молчание. Кирилл понимал, что сделал смелое заявление. Но и не сомневался, что поступил правильно. Лучше узнать загодя, кто есть кто, чем в ответственный момент получить подножку от того, кому доверился. Сейчас он вслушивался в ощущения человека и не находил отрицательных эмоций. Некоторые тона звучали как изумление, попадались ноты иронии или самоиронии, а отдельные указывали на решимость. Такие же жесткие, четко оформленные потоки он слышал у Никиты в моменты принятия решений.

— Психолог, блин! — высказался Игнатъев. — К человечеству примкнул без году неделя как, а лепит не в бровь, а в глаз...

Он скомкал фразу. А Кирилл понял, что выводы делал правильно.

— Откуда ты взял факты?

Вопрос прозвучал в привычной уже требовательной манере, но с неприкрытым любопытством в тоне.

Кирилл ответил:

— Наблюдал, сопоставлял с описанными в литературе схемами поведения. Строил предположения, а вы предположения подтверждали по ходу моего изложения.

— Ты меня не видишь. Ты до меня не дотрагивался. Как я тебе подтвердил?

Кирилл улыбнулся, потому что теперь в тоне вопрошавшего осталось только любопытство.

— Своей энергетикой. Я не знаю, как правильно назвать то, что окружает человека и всё живое. Аура, может быть. И я учусь это читать.

— Ладно, умник. Со мной можешь практиковаться и впредь, буду только рад. Но никогда... Нет, не так. Я тебя прошу. Не демонстрируй это своё «чтение» незнакомцам. А лучше вообще никому не демонстрируй.

Он покосился на вставшего в дверях Никиту и добавил:

— Он — не в счет, само собой.

Никита уловил неестественность во вроде бы пренебрежительной фразе, и решил, что таким образом Игнатъев пытается создать атмосферу свойского общения. Но поддерживать предложенный тон повременил.

Не дождавшись ответной реакции, Игнатъев опять обратился к Кириллу:

— Значит, прикидываться Филом ты не хочешь. Я тебя правильно понял?

— Да.

Никита без эмоций глянул на мертвое тело и пояснил тоном скучающего комментатора:

— Кирилл, Олег намекает, что неплохо было бы назвать причину отказа.

Игнатъев едва не подавился чуть было не вырвавшимся хохотом.

— Еще один Шерлок Холмс!

Никиту так и подмывало ответить — от Штирлица слышу, — но он придержал язык за зубами, поскольку свойская атмосфера была пока слишком тонкой. Кирилл поспешил поддержать серьезную часть разговора, дабы не спровоцировать новый сеанс словесного пикирования.

— Я не буду прикидываться другим человеком, потому что это бессмысленная растрата энергии, не более. Что толку от ростовой куклы, надетой как костюм?.. Ну а изображать труп, — он нахмурился. — Простите, я считаю, что это плохая идея.

— Какие трупы? Ты что! — возмущенно воскликнул Игнатъев. — Я думаю, как вас — двух одинаковых и официально здесь несуществующих — вывести из здания, не привлекая внимания. Кирилл, ты создал свой облик один раз и навсегда?

— Да. Может быть когда-нибудь я и смогу на короткое время прикинуться другим человеком, но только очень хорошо знакомым и только после большой работы по расширению путей. Сейчас я способен лишь вылепить маску чужого лица и сделать неподвижную фигуру поверх собственной.

— Я понял. Вопрос снимается.

— Ты уже знаешь, как мы выберемся отсюда? — уточнил Никита.

Игнатъеву понравилось прозвучавшее «ты», но он сделал вид, что ничего особенного не заметил.

— Не знаю — как. Но выберемся, — уверенно ответил он.

Никита кивнул:

— Хорошая формулировка. А у меня тут один вопрос всплыл. Возможно, принципиальный.

Он жестом предложил вернуться в комнату.

Мин Энг стоял перед Надеждой Андреевной и смущенно вытирал ладонями покрасневшие глаза.

— Я хотел сказать: если бы нас не заперли, — произнес он оправдывающимся тоном.

— Мин, пойми, пожалуйста, — терпеливо продолжала Надежда Андреевна. — Травмы Фила были очень серьезными.

На вопросительный взгляд Игнатьева Никита пояснил по-русски.

— Он обозвал Моргана убийцей. Лично я с ним согласен. Но сейчас о другом. Мин сказал: Морган заблокировал всю «красную зону» со специального пульта. И это было до того, как Фил вырвался и прибежал сюда. Верно?

Игнатьев напряженно потер пальцами лоб.

— Основная камера над аквариумом отключилась после сбоя в электросети, — медленно начал он. — Камера над дверью работала, было видно, как коллега Моргана пытается повторно включить свой прожектор. Последовало несколько ярких вспышек света. Внимание океанолога привлекло что-то в аквариуме. Он подошел, и вдруг его всосало. Только брюки на пол упали. Этот момент был настолько неестественный, что я не поверил своим глазам. Затем аквариум лопнул. Была шоковая пауза и в офисе, и в зале. Из лифта выскочила лаборантка. В истерике твердила — «он его проглотил». Я попытался получить от нее какие-либо объяснения, а доктор Морган быстро вышел, вернулся через полминуты, не больше, и сообщил, что заблокировал «красную зону». В этот момент на экране было видно, как Фил пытается выдернуть женщину из застывшего потока воды, так мне показалось. Ты думаешь, Морган предполагал побег своего выкормыша и держал руку на пульте?

— Я о другом, — Никита отрицательно потряс головой. — Кирилл и я вошли в коридор через открытую заднюю дверь. Это было после гибели чернокожей женщины.

— Ты видел ее гибель?

— Нет. Кирилл почуял. Мы в этот момент изучали грузовой холл.

— Откуда знаешь, что она была чернокожей?

— Поскользнулся на женском негроидном скальпе.

Игнатьев шумно сглотнул.

— Ну ты, парень, однако! — пробормотал он в сторону.

— Называю вещи своими именами, — нетерпеливо отрезал Никита. — До тебя еще не дошло? Дверь. Она была открыта после того, как «доктор Франкенштейн», по твоим словам, объявил о блокировке. Значит, она и сейчас открыта. И в офисе этого не знают!

Игнатьев несколько секунд молча смотрел на Никиту, затем глянул на притихшего Мин и замершую в ужасе Надежду Андреевну, и перевел взгляд на Кирилла.

— Прикрой. Я выхожу. Мин, need your key!

Кирилл с готовностью подошел к двери, а Мин Энг судорожно вытянул из-под ворота рубашки висевшую на шнурке ключ-карту.

— Ребята, он же наверняка стекло давно выдавил! — Надежда Андреевна беспомощно взмахнула руками. — Куда вы прёте?

— В кладовке с той стороны, — Никита проиллюстрировал направление жестом, — стоят бочки водой и планктоном.

— Я думаю, уже без планктона и без воды, — мрачно поправил Кирилл, тщательно ощупывая периметр сомкнутых дверных створ. — Этот сквозняк был здесь с самого начала. Я не придал ему значения. Выход открыт, теперь я уверен.

Мин отчаянным взором обвел русскоговорящих товарищей.

Никита оперативно перевел для него суть неприятных открытий. Мин медленно опустил обе руки, так и не доставив ключ-карту по назначению.

— Что? — сурово спросил Игнатъев по-английски.

— Та дверь не заперта, — медленно выговорил Мин. — Сломанная. Замок работал неправильно. Вчера я опять захлопнулся и бегал вокруг здания через парадный вход, чтобы вернуться и запереть грузовой порт. Фил помог: мы всё отключили совсем. Сегодня я палку поставил, чтобы не открывать руками. Когда принимал грузы. Планктон привозили. Моя работа была принимать. Вчера...

Окончательно запутавшись в чужом языке, он отчаянно высказался по-китайски.

— Мин, погоди, — Никита решительно взял его за плечи и заглянул в лицо.

Студент поднял несчастный взгляд на рослого собеседника.

— В холле есть еще две двери, — по-английским заговорил Никита. — Куда они ведут?

— Грузовой порт наружу. Ключи в офисе. Мне давали, чтобы принимать грузы. Я принимал и сразу возвращал. Сегодня пошел возвращать и задержался. В туалете. Поэтому был в офисе, когда монстр съел моего руководителя здесь.

— Понятно. А вторая?

— Вход в такой же блок, как этот. Были два одинаковые. Изолированные. Но теперь всё размонтировано там. Ремонт. Перестраивают для ботаников. Будут хранилища внизу и оранжерея наверху.

— У кого ключи?

— Я не знаю. Только рабочие ходят там.

Никита выпустил ответчика из жесткой хватки и сообщил для всех:

— Между створами торчал мешок из-под цемента. Боюсь, та дверь не запирается вообще.

— Мин, оттуда есть доступ на второй этаж? — вмешался Игнатъев.

— Я не знаю. Иногда что-то падает вниз. Громко. Но перегородка глухая, не видно.

— Из какого материала перегородка? — быстро спросил Кирилл; он стоял лицом к людям, но паутина щупов-нитей залепила дверь и угол примыкающей стены.

Мин растерянно пожал плечами:

— Гипсокартон, наверное.

— Как все внутренние стены в доме, где мы жили, — пояснил Никита.

— И там, где я по-глупости дырку сделал?

Никита согласно кивнул.

— У-ё, — выдохнул Кирилл.

Игнатъев выразительно глянул на него и речитативом на выдохе процитировал:

— «Всё хорошо, прекрасная маркиза».

— А я-то всегда считала, что бардак только у нас, — пробормотала Надежда Андреевна в стиле «в сторону».

— Тут не бардак. Тут все стенками перекрыто. Картонными, — иронично поправил Игнатъев.

— Посмотрим, как продвигается ремонт? — предложил Никита.

— Расстояние велико, — возразил Кирилл. — Я не смогу прикрывать две группы одновременно.

— Если монстр не караулит нас в коридоре, то эта комната безопасна, — произнес Игнатъев с долей удивления в тоне.

Кирилл прикрыл глаза, отрицательно покачал головой и медленно по-русски проговорил:

— В коридоре ничего не меняется. Его там нет. Движение ощущаю... с той стороны.

Рука и длинный щуп, вытекавший из пальцев, описали короткую дугу и замерли в направлении выхода с красной табличкой «Closed».

— Там маленький холл перед лифтом, — сообщил Мин для Никиты. — Один для всего этажа.

— Значит, он уже погулял по строительной площадке, — преспокойно констатировал Никита.

Кирилл рывком переместился к запертым дверям, прильнул к пластиковому покрытию и раскинул полотно своих щупов. Щупы поползли вверх, к потолку, разделились на несчетное количество нитей, и потекли по периметру дверного блока в безуспешных поисках зазора.

— Здесь крепко, — шепотом напомнил Мин. — Это специальная дверь. И она работает правильно.

— Он слушает второй этаж, — быстро пояснил Никита и взглядом показал вверх, где скопился наиболее объемный ниточный массив.

— Я не слышу ни голосов, ни шагов, — предупредил Кирилл. — Лишь ощущаю бурные эмоции. Началось несколько минут назад.

— Где? — быстро уточнил Игнатъев. — Направление!

— Точно не покажу. Это не звук, не вибрация. Просто поток энергии. Примерно оттуда.

Отдельный щуп описал в воздухе незамкнутую дугу.

— Как раз там офис, — вставила Надежда Андреевна.

— А теперь что-то заработало, — предупредил Кирилл. — Технический звук. Такой впервые слышу.

— Лифт, — догадался Игнатъев. — Сюда спускаются. Спасательная команда прибыла?

— Они не знают, что монстр не заперт! — Мин схватился за голову.

— Тут только два этажа? — быстро спросил Никита.

— Основной и этот полуподземный, — быстро ответил Мин.

Далекий глухой толчок возвестил о том, что лифтовая кабина закончила движение.

— Прочь от двери! — крикнул Кирилл.

И ниточный поток оттеснил людей к стене.

Что-то огромное ударило в стену со стороны холла. И послышался отчаянный женский крик. До того пронзительный, что, показалось, будто человеческий ужас пробился сквозь энные измерения.

— Это Зои, — пролепетал Мин.

— Какого черта она сюда полезла? — выдавил потрясенный Игнатъев.

Кирилл попытался раздвинуть бронированную дверь, но не сумел просочиться между многослойной изоляцией ни на линии смыкания, ни по периметру конструкции. Физическое давление тоже не принесло результатов.

— Всё. Остановись. Ничего уже не поделать, — Надежда Андреевна мягко потянула Кирилла за попавшуюся под руку щупальца.

— Она погибла, — растерянно пробормотал Кирилл. — Еще одна жизнь оборвалась...

— Кирилл, внимание, — напряженно выговорил Никита, глядя на красное табло над выходом. — Если Морган хочет убрать свидетелей, то фортуна улыбается ему прямо сейчас.

Едва он закончил, экран мигнул, и красная запись сменилась зеленой «Орен».

— Ой-ля-... — начала Надежда Андреевна.

И очутилась в ниточном коконе. Вместе с Мином, Игнатъевым и Никитой. Кирилл прижал людей к стене, закрыв всей своей материей, как широкой фальшпанелью.

Из плотного плетения донесся приглушенный голос:

— Не двигайтесь. Молчите. Пожалуйста.

Двери разъехались. И в карантинный зал медленно заглянула густая бурая волна. Как в замедленных кадрах пластилинового мультфильма пласт за пластом масса потекла вперед, вверх и во все стороны. По полу, по стенам, по неподвижному полотну белых нитей. Сквозь густую белую вуаль мелкие детали не просматривались. Но вдруг в поле зрения людей

появился относительно крупный объект — босоножка типа «сабо» с застрявшей в ней человеческой лодыжкой и обломком сустава. Мин приглушенно вскрикнул. Игнатъев зажал ему рот ладонью, но задел свою левую руку. Кирилл почувствовал болевой импульс так, как однажды услышал сведенные мышцы Никиты в воде. К счастью, плотоядный гигант не почуял присутствия людей. И не отреагировал на движение, когда Кирилл выделенным пуком щупальцев перехватил травмированное предплечье.

Наполненные водой пласты материальной субстанции закончили «обход» помещения и подползли к гигиенической комнате. Кирилл, продолжая тщательно отслеживать энергетический потенциал существа, принялся осторожно ощупывать толстую раму входного проёма. Никита — он стоял ближе всех к выходу — медленно, без резких движений выглянул в холл.

— Лифт еще здесь и открыт, — быстро шепнул он.

Громко хлюпнул водно-материальный конгломерат. Люди замерли, Кирилл изготавился отражать атаку.

И вдруг весь объем бурой массы, походя выдавив дверь, хлынул в санузел.

— Наш шанс! — приглушенным шепотом крикнул Игнатъев, но не сделал попытки кинуться к спасительному лифту немедленно.

— Или ловушка! — возразил Никита вдвое громче. — Кирилл, от меня на два часа, полтора метра. Уровень пола...

Кирилл, не раздумывая и не дожидаясь окончания реплики, направил щуп в указанном направлении и наткнулся на поломочную машину.

— Хватай и в лифт так, чтобы двери не закрылись! — закончил Никита.

— Где лифт? Наводи!

— Меня выпусти и за мной!

Операция с электрополотером была проделана так быстро и четко, что никто не довел до ума ее смысл.

Попутно Кирилл успел ощупать часть холла, обнаружил склизкий след противника, выяснил, что в зеркально-симметричной позиции на месте изоляционной двери валяются обломки фанеры и гипсокартона, и одновременно с этим вывел людей из-под стенки собственного производства. Попытка стянуть дверные створы не увенчалась успехом.

— Не трать силы. Здесь гидрозатвор, — предупредил Игнатъев.

Истошно завопил Мин. По инерции вскрикнула Надежда Андреевна. Кирилл не раздумывая запихнул обоих в лифтовую кабину и окружил коконом своих нитей.

— Там нет ничего! — крикнул Никита.

Но и он, и Игнатъев очутились в кабине под напором белой волны.

Лифтовая дверь начала смыкаться, однако помешала поломочная машина.

— Морган отзывает лифт назад! — быстро пояснил Никита.

Кирилл стремительно растекся по лифтовой шахте вверх. Вход он обнаружил и даже приоткрыл, но ощутил только яркий свет и вибрацию быстрых человеческих шагов. Кто принял решение подниматься на второй этаж, он не отследил. Уловил лишь неудовольствие Никиты и услышал короткий диалог. Игнатъев крикнул: «Скажи ему, чтобы форму собрал!» Никита откликнулся: «Сам скажи!» И с досадой добавил: «Не сюда надо было драпать!»

Кирилл поспешил сосредоточиться внутри кабины, но не восстановил плотность. Весьма предусмотрительно, поскольку кабина была маленькая, и пятый полноформатный пассажир создал бы геометрическую проблему.

— Существо не поднимется по шахте, — быстро сообщил он, едва собрал голосовой аппарат.

— Ты уверен? — подала голос Надежда Андреевна и кое-как выглянула из-под недооформленной руки.

— Я понял, как он движется, когда он прополз по моей материи. Его энергия заключена в пласты. Он как слизняк: сокращается и отталкивается от опоры. А цепляться не умеет. Чтобы оттолкнуться, ему нужна обширная горизонтальная плоскость или узкая труба. Шахта лифта слишком широка для его нынешней массы.

Лифт остановился. Двери неспешно разомкнулись.

Игнатьев здоровой рукой как шлагбаумом заблокировал проход.

— Кирилл, сделай себя неотличимым от человека, — распорядился он.

— Сделаю, когда по крайней мере двое выйдут наружу.

— И чем скорее выйдут, тем лучше, — добавил Никита, прижатый к стенке спинами Надежды Андреевны и Мина.

Игнатьев оглянулся на него через плечо.

— Илья Муромец, блин. В двух экземплярах, — усмехнулся он. — Так. А теперь, Надежда Андреевна, идемте в офис. Разговаривать буду я и это не обсуждается. Мин? Мин, wake up, please! — он перешел на английский. — Мин, все в порядке, тут монстров нет. Успокойся. Здесь с тобой Кирилл. Он защитит тебя.

Мин Энг судорожно покивал.

— Парни, — Игнатьев опять вернулся к родному языку. — Изображайте рабочих. Физиями не сверкать, не отсвечивать, в общем...

— Прикинемся ветошью, — закончил Никита.

Игнатьев кашлянул.

— Остроумие свое придержи за зубами!

Он оглянулся и обнаружил, что Надежда Андреевна уже на полпути к центральному офисному коридору.

— Профессор Куприна! — возмущенно воскликнул он.

— Олег Владленович, поторопись! — не оборачиваясь, откликнулась она.

Игнатьев направился за ней широким шагом. А Никита подумал, что намерение сотрудника консульства лично вести диалог с доктором Морганом останется в разделе пожеланий.

— Олег боится, что она испортит ему всю дипломатию, — шепнул Кирилл.

— И она испортит, — утвердительно заметил Никита. — Я думал, он ей не доверяет. А он просто старается оградить ее от участия в конфликтных ситуациях, чтобы не усугубить конфликт.

— Парни! — по-английски позвал Мин.

Никита спохватился.

— Извини. Мы говорили про дипломатию профессора Куприной. Что ты увидел за сломанной стенкой? Почему кричал? Зачем лифт запустил?

— Мне показалось, что монстр там.

— Он утек в санузел, — Никита вопросительно посмотрел на Кирилла.

Тот уверенно кивнул. Но о причине штурма санузла умолчали оба, чтобы не расстраивать Мина.

— Вы думаете, мне показалось? — с вымученной улыбкой спросил Мин. — Он не мог разделиться на два? Это правда — не мог?

Кирилл и Никита напряженно переглянулись.

— Парни, он не научился размножаться почкованием как простейшие? — пробормотал китайский студент.

Вместо ответа Кирилл поднял перед собой руку, выделил из пальцев несколько заметных глазу нитей и отсоединил прядь материи. Нити упали на пол, спустя пару секунд почернели и рассыпались прахом.

— Я понял, — Мин медленно вздохнул. — Кирилл, тебе не больно делать так?

— Нет. Не волнуйся.

— Хорошо, — проговорил Мин, сдержал очередной тяжкий вздох и сказал. — Но ты это ты, Кирилл. Та штука — не такая, как ты. Тебя вырастили хорошие люди. А это выросло с планктоном. Он перемещается как планктон — туда, куда катится волна, где открыто и легко пройти. Он не думает, не любит, никого не защищает. Он просто ест и разрастается. Однажды достигнет критической массы и разделится. Может быть разделился уже. Мне показалось, я видел вторую часть. Пол блестел, как мокрый.

— Из-под его пластов сочится вода. Он оставляет за собой мокрый след, — сообщил Кирилл.

Мин пожал плечами.

— Будет хорошо, если я ошибся. Будет очень хорошо!

Он тревожным взглядом проводил Игнатьева, который быстро прошел за прозрачной стеной и скрылся во внутреннем помещении.

— Что там? — спросил Никита.

— Операторский пульт. Маленькая комната. Узел управления доступом.

— Олег хочет перекрыть «красную зону», — пояснил Никита для Кирилла.

— Он не сможет. Нужен ключ, — Мин подергал шнурок на шее. — Не такой, как этот. Мой самый простой. А где доктор Морган?

— Я слышал шаги, когда проверял шахту лифта. Он бежал туда, — сказал Кирилл и рукой показал направление.

— Но там только туалеты, — удивился Мин и тут сообразил. — Кирилл, ты не видишь?

— Пока нет. Я еще не научился фокусировать свет с большой дистанции.

Мин высказался по-китайски и спохватился.

— Я ругал себя, — объяснил он. — Прости. Я ненаблюдательный.

— Пустяки, — Кирилл улыбнулся, но взор его при этом был обращен на укрытие доктора Моргана.

— А где здесь нормальный вход-выход? — поинтересовался Никита.

— Центральная лестница в большой холл. Но выход на лестницу заперт, — Мин показал в сторону еще одной перекрытой двери с кодовым замком.

— Твой ключ сработает?

Мин отрицательно качнул головой.

— У Зои был такой же доступ, как у меня. Она выйти не смогла. Зачем-то поехала вниз. Наверное, хотела уйти через стройку.

— А ключ от грузового порта? — Никита насторожился, почувствовав, что еще один взрывоопасный информационный блок остался вне внимания.

— Она хранила этот ключ в своем столе. Выдавала мне. Я ей возвращал.

— Погоди-погоди, — Никита потряс головой, спохватился и вернулся к английскому. — Ты говоришь об электронной карте?

— Нет. Просто ключ, — Мин большим и указательным пальцами показал размер.

— Я видел панель электронного замка.

— Это для подъемника. Рабочие включают. Я передвигал бочки на тележке по пандусу.

— Знания — сила, — изрек Никита. — Кирилл, на внешней двери — обычная замочная скважина. Ты мог бы имитировать ключ в два счета.

— Ты не пошел проверять запоры, потому что мы побежали на крики людей.

— Да, верно. И даже сейчас я думаю, что мы сделали правильно, — Никита расправил плечи. — Нужно предупредить Олега, что Морган в туалете.

Мин уловил, о чем идет речь, хотя Никита говорил по-русски.

— Ты думаешь, ему стало плохо, когда Зои кричала? — с сомнением спросил он.

— Ему не станет плохо от чужой смерти. Он спрячется от Игнатьева и Надежды Андреевны.

— Нет, — Кирилл нахмурился. — Он спрячется от монстра. Он открыл карантинный блок после гибели Зои. Ждал, когда существо затечет в наше укрытие, чтобы опять заблокировать дверь. Но услышал крик Мина прямо под лифтом. Потом увидел мои щупы. И решил, что монстр ползет сюда. Не понимаю, почему он побежал в санузел, а не в офис или наружу.

— Санузел? — перебил Никита. — Что ты говорил про трубы?

— Существо способно передвигаться по узкой трубе, — медленно повторил Кирилл. — Вот что это за звук!

Он ринулся в сторону деликатного подхода к туалетным комнатам, а Никита во всю глотку крикнул:

— Олег!! Сюда!

Быстро скомандовал по-английски:

— Мин, беги к профессору. Будь рядом с ней!

И кинулся за Кириллом.

На поисках подхода Кирилл потерял несколько секунд. Подоспевший Никита обогнул декоративную стенку, выполнявшую роль ширмы, и потянул его за собой. Оба уперлись в закрытую дверь.

— Метраж тот же, что в карантинной зоне, — сообщил Никита и саданул плечом в дверное полотно.

Дверь сдалась сразу и безоговорочно, поскольку специального запора для нее не предполагалось. Стал слышен далекий шум воды, но Никита не понял, из женской или мужской комнаты доносится звук.

— Доктор Морган! — крикнул он по-английски. — Вы в опасности. Выходите немедленно. Здесь вы будете под защитой!

— Он там, — Кирилл показал на угловую комнату, помеченную женской.

— Вот дурак, — вырвалось у Никиты.

Он приготовился повторить свою речь, но в этот момент из комнаты раздался хлопок, затем грохот и сдавленный крик. Олег, ворвавшись в санузел, невольно врезался в спину отшатнувшегося Никиты. А Кирилл, оставив всяческие деликатности, разом вынес дверь вместе с рамой и бросил поток нитей к человеку застывшему в шоковом ступоре посреди осколков кафеля и фарфора.

— Кирилл! Труба! — заорал Никита, увидав печально знакомые бурые пласты, выползавшие из обломка канализационной трубы над развороченным каркасом декоративного короба.

Олег рывком отдернул его назад, за порог. В этот же момент Кирилл попытался схватить доктора Моргана, но поскольку не представлял себе его облик, побоялся огулом опутывать человеческое тело. При виде ниточной массы перед собой доктор Морган закричал.

Кирилл сформировал предплечье и кисть, протянул человеку и крикнул по-английски:

— Возьмите мою руку!

Однако вместо ожидаемого движения навстречу отчетливо услышал, как человек шарахнулся в сторону. Точно в распахнутый для захвата широкий бурый затек.

Кирилл не поверил ни одному из своих сенсоров. Но услышал истошный крик и ощутил мощный всплеск энергии внизу, на первом этаже. Суматошная попытка выхватить человека из водяного пузыря привела лишь к короткой сумбурной потасовке нитей и пластов материи.

— Его свернуло в тряпку и утянуло в трубу! — прокричал Никита.

Возглас предполагался как информативный, но давить собственные эмоции Никита не помышлял, поэтому Кирилл мигом очнулся от замешательства.

— Разобью тракт! Нужна опора здесь! — крикнул он.

В конгломерат нитей нырнули две человеческие руки. И с небольшим опозданием еще одна, уже знакомая.

Кирилл закрепился на плечах Никиты и на правом предплечье Олега и смело нырнул за ретиrowавшимся противником. Следы смятого человеческого тела он ощущал, как размазанное по стенкам тепло, которое быстро исчезало в общем температурном фоне. Разорвать пластиковую трубу труда не составило. Но Кирилл потратил десяток секунд на то, чтобы вывернуть и согнуть все вертикальные трубы и короба, которые успел нащупать. Несколько его жгутов попали в захват водянистых пластов. Бултыхания в душевом поддоне, заполненном водой, продлились недолго, поскольку Кирилл не ставил себе цель бороться с отъевшейся водорослью в ее родной среде. Он сбросил плененные пряди нитей и вернулся наверх, к своим. Но продолжал отслеживать движение противника на слух, а потому формирование тела проходило медленнее, чем обычно.

Никита вытолкнул его из разгромленной комнаты вместе со шлейфом недооформленной материи и поспешил в фойе, откуда раздавался громкий голос Надежды Андреевны, требовавшей от Мина пояснений к происшествию. Кирилл опомнился, спешно собрался в человеческой форме, и оглянулся назад. Имитация взгляда получилась сама собой, но информация по-прежнему поступала от веера тонких щупов, раскинутых вокруг. В памяти развернулась вся линейка отчаянных событий, и накатило ощущение беспомощности.

— Почему он не взялся за мою руку? — пробормотал Кирилл. — Я мог его спасти.

— Кирилл, — Игнатъев заглянул в невидящие глаза.

— Я мог спасти, — повторил тот. — Нужно было просто схватить. Я испугался навредить, потому что не ощущал его. Но ведь я руку протянул...

— Кирилл, — Олег крепко сжал его плечо. — Люди такого сорта, как Морган, не понимают жестов доброй воли. Они по себе меряют других. Он свою шкуру хотел спасти за счет наших жизней. А ты ему бескорыстно руку помощи протянул. У него это просто в башке не сложилось. Ну, давай, очухайся. Нет времени в прострациях витать.

Кирилл вздрогнул, когда его слегка хлопнули по щеке.

— Так-то лучше, — удовлетворенно кивнул Олег и продолжил жестким констатирующим тоном. — Ты выбрал жизнь среди людей. Людей — семь миллиардов. И все разные. Есть хорошие, есть непонятные. А есть плохие.

— Или чужие, — сказал Кирилл. — Спасибо, Олег.

— За что? — удивился Игнатъев.

— За то, что ты нечужой и понятный. Прости, что наговорил тебе неприятного в прошлый раз.

— За правду не извиняйся. Ты меня расписал, как по учебнику. И навел на дельные мысли. Ты как? К бою готов?

Кирилл насторожился.

— Ты хочешь напасть на существо? — спросил он.

— Да нет, только посмотрю, что ты там разнес. Подстрахуй.

Кирилл аккуратно опоясал Игнатъева страховкой собственного производства и надежно зафиксировал его левую руку. Но прежде всего быстро исследовал своими щупами разломанный каркас, осколки кафеля и брешь на месте вывернутой трубы, дабы исключить самую ничтожную вероятность нападения снизу.

— Кирилл! Олег! — позвал Никита. — Надежда Андреевна предлагает собраться в офисе и подумать над стратегией и тактикой.

— Ладно, — согласился Игнатъев. — Идем отсюда. Внизу вырубилось освещение. Я все равно ничего разглядеть не могу.

* 8 *

Не успел Кирилл составить представление о помещении, которое называли офисом, как Надежда Андреевна потянула его за собой, пояснив, что нужно вскрыть парочку простых замков. Игнатъев возмутился: мол, не время для научного шпионажа. Но профессор немедля отрубил: я хочу знать, с чем мы имеем дело!

Спору не суждено было разгореться, поскольку в этот момент Мин Энг крикнул, что нашел телефон Зои.

Смартфон валялся под шкафом — не там, куда швырнул его доктор Морган после звонка Филя. Это означало, что как минимум еще раз аппарат побывал в человеческих руках. Мин извлек мобильник со всеми предосторожностями, затаив дыхание, перевернул экраном вверх и радостно объявил, что телефон работает. Пароля на устройстве не оказалось.

— Беспечная барышня, — прокомментировал Игнатъев. — Звоню по инстанциям.

— Олег Владленович, — строго позвала Надежда Андреевна. — Подумай хорошенько. Любой, кто войдет сюда, будет в смертельной опасности. Как ты по телефону объяснишь, что произошло и чего следует опасаться? С нами Кирилл. Он, по крайней мере, услышит приближение чудища загодя. И у нас есть знания, чтобы найти уязвимые места этой плотоядной водоросли.

— Профессор Куприна, — начал Игнатъев, но осекся, подумал и сменил тон. — Надежда Андреевна, нас пять человек. И всем жить охота. Выберемся, а там уже те, кому по службе положено, будут думать про слабые места.

— Он добрался до канализации, — напомнил Никита. — Теперь под угрозой не пять человек. А намного больше. И чем скорее о проблеме станет известно, тем лучше для всех.

Мин Энг вполголоса спросил Кирилла, о чем говорят. Тот кое-как пересказал по-английски. Мин быстро покивал и торопливо добавил:

— Кампус рядом. С другой стороны жилой район. А я не знаю, как сделана канализация.

— У такого здания должна быть автономная система контроля и очистки стоков, — задумчиво проговорил Игнатъев. — Но проблема серьезная, не спорю. Если он выберется наружу, бед будет много. Надежда Андреевна, какие идеи?

— Поймать. И посадить в банку.

Она снизу вверх оглядела озадаченных собеседников.

— В банку нереально, — пробормотал Кирилл. — В бочку может быть.

— Вот. Ты тоже заметил, — Надежда Андреевна многозначительно подняла указательный палец. — Этот объем — не его собственный. Он растягивается до умопомрачительных размеров, но чем больше площадь, тем тоньше материя. И тем больше энергии уходит на управление. Он тратит энергию не на прирост массы, а на укрепление связей — на эластичность. Масса для него вторична.

— Он что-то генерирует, — осторожно напомнил Мин. — Вытяжки брали из воды.

— Ничего он не генерирует, — профессор покачала головой. — Результаты тестов — либо элементарная подтасовка для демонстрации владельцу проекта, либо желаемое, выданное за действительное. Материя — лишь оболочка для энергии. Кирилл задал своей материи форму нитей. Я знаю, почему. Очень хорошо помню момент, когда это произошло. А существо здесь развивалось в водной среде. Ему требовалась другая форма.

— Пласты, — подсказал Кирилл.

— Именно, дорогой мой. Пластики. Возможно, аллюзия на чешую. Когда я познакомила тебя с мышками, тебе очень понравилась их шерстка. И чтобы согреть своих соседей, ты сформировал энергонесущую материю как пучок ниток. Почки, из которых выросли ты и это существо, были одинаковыми. Базовая материя уникальна. Осознать ее строение до деталей лично мне пока не удалось. Но одно я знаю точно: свойств вещественной генерации у этого

биоэнергетического комплекса нет. Всё, что он создает, это себе подобные элементы для самовосстановления и роста. Другое дело энергия. Бесконечное движение информации, которое однажды может привести к изменениям в веществе окружающего фона. Полагаю, подобного рода явление заметил доктор Морган. Планктон не подходит для прокорма водоросли, в планктоне слишком мало собственной энергии. И для доставки планктона в аквариум океанологи не нужны. А Морган в начале этого года нанял очень хорошего специалиста. Даже с учеником, — она улыбнулась Мину Энгу.

Игнатъев многозначительно откашлялся.

— Прекрасная лекция, профессор. Но мы отклонились от темы: наши действия сейчас, в условиях доступности связи и относительно безопасной пространственной позиции.

Он вопросительно глянул на Кирилла.

— Я услышу, если существо каким-то образом приблизится к нам, — ответил он на ожидающее внимание. — Но непосредственно сейчас я его почти не ощущаю.

— Я намерена посмотреть рабочие материалы доктора Моргана, — напомнила Надежда Андреевна.

— Ладно. Смотрите, — Игнатъев отступил. — Но не забывайте, что мы видели на его компьютере: он связывался со своими патронами полчаса назад. Я пока кое-кому позвоню. Так надо.

Он вышел в фойе, оглянулся на декоративную ширму, скрывавшую вход в разгромленный санузел, и встал так, чтобы в поле зрения попадали и лифтовая шахта, и ширма, и прозрачная часть офисной секции. Надежда Андреевна взяла Кирилла за руку, кивнула Мину следовать за собой и направилась в кабинет.

Оставшийся не у дел Никита проводил их взглядом и привалился бедрами к торцу секретарского стола. Захотелось сесть. А лучше лечь, чтобы отделаться от гудящего напряжения в ногах. Ни того, ни другого он себе не позволил, зато в поисках мало-мальски удобной позы обнаружил позицию, с которой хорошо видел Игнатъева сквозь щель между приоткрытой дверью и прозрачными панелями перегородки. Специальных навыков чтения по губам Никита не имел, но ему показалось, что Олег говорит не по-русски и не по-английски. Он наострил слух. В былые времена он бойко общался с мексиканцем, соседом по больничной палате, и теперь опознал испанский. Но сумел уловить лишь несколько отдельных слов.

Взгляд он спрятал до того, как Игнатъев обратил на него внимание. А попутно постарался расслабить корпус, чтобы по напряжению мышц нельзя было догадаться, куда он только что смотрел. Игнатъев вернулся, глянул на кабинет, где Надежда Андреевна в присутствии обоих помощников увлеченно рылась в бумажных папках, быстрым взглядом оценил позицию Никиты и вполголоса заметил ему:

— Зеркало не учел. Иначе была бы «пятерка с плюсом».

Никита искоса проследил, куда он посмотрел, увидел блеклое отражение коридора в стекле дверного полотна и досадливо хмыкнул.

— Ты умный парень, — продолжал Олег. — Не по годам умный. И лишнего не скажешь. Поэтому слушай. Я вызвал сюда человека, который перевезет тебя и Кирилла в Мексику. Близнецы — проблема, но он ловкий парень и связи у него надежные. Из Мехико полетите в Китай. Оттуда в Россию. Я встречу вас по пути. Ваши документы будут у меня. Но про Ника Фогеля забудь уже сейчас. Навсегда. Никакого Ника Фогеля никогда не существовало.

Никита стиснул зубы. Он прекрасно понимал, что этот оборот событий теперь неизбежен. Но мысли об отце сдавили горло. Олег дождался, когда Никита подавит всплеск ненужных сейчас эмоций, и продолжал.

— Вижу, ты был готов платить такую цену. Меня беспокоит Кирилл. Он должен быть уверен, что в твоих потерях нет его вины.

— Да, понимаю, — ответил Никита, услышал в своем голосе дрожащую ноту и мимолетно поморщился.

Игнатьев внимательно проследил за его мимикой и жестко, чеканя слова, повторил:

— Он должен принять это как неоспоримую истину. И никогда не почувствовать твоего сожаления.

Никита расправил плечи.

— Этот выбор я сделал сам. Я не сожалею.

Игнатьев испытующе оглядел его с ног до головы.

— Хорошо, — он отвел взгляд.

Никита почувствовал, как его мысли на несколько секунд погрузились в личное, глубоко спрятанное, такое, о чем он никогда, наверное, никому не говорил. Но очень хотел сказать сейчас. И Никита подтолкнул его вопросом:

— Олег, зачем ты взваливаешь на себя наши проблемы? Это же не твое дело по-крупному.

— У меня был брат. Он наделал глупостей, порвал с семьей, и от него отреклись. Я мог его вернуть, но испугался потерять расположение, удобное место, перспективы. Его спасение отложил на потом. А потом его не стало. Я не могу искупить свою вину, но не повторю ошибку. Считаю, что я тоже сделал выбор.

Кирилл умышленно не вслушивался в голоса, поскольку чувствовал, что Олег инициировал личный разговор. Короткий резонанс эмоциональных токов он расценил как шаг ко взаимному доверию. Настолько гармоничное сочетание энергетики двух разных людей он наблюдал впервые. Его собственные эмоции нашли отражение в легкой улыбке, но тут Надежда Андреевна перетянула внимание на себя.

— Мин, достаточно, спасибо. Оставь старые папки в шкафу, — распорядилась она. — Всё это презентации на публику. Самое главное у него в компьютере.

Она сняла очки, положила на стол и принялась растирать пальцами брови и переносицу.

— Для чтения другие нужны. В машине у Олега оставила, вместе с сумкой и ноутбуком, — пояснила она Кириллу. — Конструкция заинтересовала?

— Я знаю, как люди носят очки. Видел на иллюстрациях. Но не помню, чтобы прикасался к очкам раньше.

— После того, как ты мне сережку снял, я с тобой общалась без очков. Чтобы мы друг друга не поранили.

— Не помню, как общались. И не помню вашего лица.

— Ой-ля-тополя! Ты не дотронулся до меня ни разу. Давай, считывай сейчас же.

Она выпрямилась, сидя перед столом, и при этом задела очки рукой. Угрозы падения не было, но Кирилл подхватил предмет в кокон, как ценную хрупкую вещь... И застыл в потоке новой информации.

— Это синий цвет, — пробормотал он. — Стилизованное изображение цветка. Я как будто... смотрю вдаль.

Надежда Андреевна бросила взгляд на карман своего пиджака с вышитым на нем тюльпаном, и осторожно, своей рукой развернула кокон с очками так, чтобы линзы смотрели ей в лицо.

— Я вас вижу как на экране, — выговорил Кирилл. — На крошеном экране с высокой детализацией.

— Ты меня видишь сквозь линзы, дорогой мой. У меня миопия высокой степени, а эти линзы обеспечивают коррекцию рефракции.

— Кирилл! — Никита подошел сзади. — Ты чего?

— Стой. Погоди, — Кирилл отступил. — Надежда Андреевна, можно?

— Давай-давай, набирайся зрительного опыта, — она отодвинулась от стола вместе с креслом.

Кирилл поднял очки на уровень своих глаз, и первое, что увидел с нового ракурса, была счастливая улыбка Никиты.

Рассуждения Надежды Андреевны на тему методов эмуляции зрения на некоторое время отодвинули практические вопросы настоящего момента. Со своими идеями неожиданно для всех влез Мин Энг, пояснив, что в школе увлекался созданием оптических конструкций и даже собрал небольшой телескоп. Обилие терминов на русском и английском запутали Никиту, изо всех сил старавшегося понять принципы работы глаза, и окончательно сбили с толку Кирилла. В конце концов вмешался Олег Игнатьев.

— Ему нужно не моделировать или эмулировать, а искать свои пути получения информации об удаленных объектах, — сказал он.

— С помощью таких же очков? — спросил Кирилл.

— Может быть и очков. Потому что зрительный аппарат на фоне всех твоих сенсоров — капля в море. Тебе природой дано совершенство управления энергией. А тебе тут предлагают откат на несколько эволюционных ступеней назад. Оно тебе надо?

— Я хочу небо увидеть. С облаками.

Олег медленно выдохнул — погасил то ли смех, то ли вздох.

— Увидишь. Обязательно. Но не сегодня. Двадцать-ноль-пять, солнце уже село. Да и окон поблизости нет.

— Прозрачная крыша есть над второй половиной этажа, — подсказал Мин Энг. — Там, где будет оранжерея. В других офисах есть большие окна. Но комнаты закрыты. А мне кажется, что я слышу дождь. Кирилл, ты слышишь, как льется вода?

— Да. Но это не дождь. Вода течет из разорванной трубы вниз.

— Какой трубы? — Игнатьев развернулся на него корпусом.

— Водопроводной, полагаю, — осторожно ответил Кирилл.

— Ты вентиль сорвал? — ахнул Никита.

— Нет. Воды в душевом поддоне и на полу было много. Я лишь сломал трубы, которые тянулись снизу вверх. Две, примерно вот такие.

Он показал диаметр пальцами.

— Это и есть водопроводные стояки, — попытожил Олег. — Как интересно: вода хлещет уже двадцать минут, и никто не среагировал на потоп.

— Датчики протечки есть даже в жилых домах, — вставил Никита.

Мин Энг заранее состряпал извинительную улыбку и, когда на него дружно оглянулись, развел руками.

— Чего вы от студента хотите! — вступилась за него Надежда Андреевна. — Тут полздания на ремонте. Удивляюсь, как отсюда еще лабораторию не попросили.

Она шумно выбралась из-за начальственного стола и продолжила:

— Олег Владленович, посмотри компьютер своим молодым глазом. Там что-то пищало уже три раза. У меня так вякает почта.

— Посмотрю, но за паролем вряд ли что-то увижу, — Игнатьев, придерживая левую руку, аккуратно разминул с Надеждой Андреевной в узком проходе и занял кресло.

Мин просочился вслед за ней и облегченно вздохнул, очутившись возле выхода из кабинета. А Никита, напротив, улучил момент передвинуться за спину Олега. Тот покосился на него через плечо и пояснил.

— Таймаут на бездействие был длинный, поэтому скайп я успел пролистать, пока вы выманивали Моргана из туалета. Отменить пароль без админовских прав нельзя, а в какой-то момент таймаута не хватило. Идеи есть?

Никита посмотрел на типовую экранную заставку с окном авторизации поверх нее, быстро оглядел стол и задержал взгляд на потускневшей фотографии в простой тонкой рамке.

— Подобрать пароль, — предложил он.

— Так. Ясно. Гуманитарии идут лесом.

— А сам-то кто?

— Медик. Поэтому иду туда же.

Игнатъев начал вставать.

— Погоди, — Никита придержал его за плечо и показал на фотографию в рамке справа от монитора. — Это ведь Морган с девочкой, да?.. Тогда набирай: «Эмили08132002».

— Число попыток наверняка ограничено, — предупредил Олег с нескрываемой иронией в тоне.

— Набирай, — поторопил Никита.

Олег усмехнулся и вбил в строку пароля названные символы.

Заготовленный смешок застрял у него в горле, когда на экране развернулся рабочий стол операционной системы.

— Но черт подери, Холмс, как? — процитировал Игнатъев.

Теперь Никита не удержался от ответной шпильки:

— Элементарно, Штирлиц.

Надежда Андреевна громко икнула и ладонью зажала собственный хохот.

— Никита, действительно, как ты догадался? — поспешил вмешаться Кирилл, чтобы не пришлось разъяснять по-английски цитаты из классики советского кинематографа.

— На фотографии Морган с ребенком, — Никита потянулся через стол и развернул рамку так, чтобы видели все желающие. — Очевидно, это его дочь. Вся генетика на физии написана. Фото выпцветшее, всегда стоит на видном месте, значит, ребенок для него много значил. Отмечают день рождения, это без комментариев. На вымпелах, попавших в кадр, первые буквы имени именинницы. «Эмили» выстраивается однозначно. На торте пять свечек. Дата, когда сделан кадр, в углу: август, 13-е, 2007. Минус пять, получаем год рождения. Собираем имя и цифры, получаем пароль.

— Как ты увидел всё это! — восхитился Мин. — Я даже не знал, что у доктора есть дочь. Он никогда не спешил домой.

— Я думаю, ее уже нет, — мрачно добавил Никита. — Фото сделано шесть лет назад. Она осталась для него пятилетним ребенком.

Никита отошел к Кириллу и Мину, уступив место возле компьютера Надежде Андреевне. А Мин увлек обоих в офисную комнату.

— Мне не нравится стоять в кабинете начальника, — пояснил он, извлек из-под стола лаборантки мятый мешок с лямками, водрузил его на столешницу и продолжал. — Он строгий был. Мой рюкзак велел показывать, чтобы я лишнее не приносил. Поэтому я мой ноутбук не брал.

— И сегодня? — спросил Никита, хотя уже видел, что в матерчатом рюкзаке нет объемных предметов.

— Конечно. Три шоколадки есть. Хотел поделиться с Филом вечером. Поделюсь с вами. Для памяти о нем.

Мин вложил шоколадный батончик в руку Кирилла, протянул такой же Никите, а третий вскрыл сам.

— Помянем, — по-русски произнес Никита и объяснил, что это значит, по-английски.

— Буду учить русский, — сказал Мин. — Вернусь домой, найду преподавателя. И поеду в Россию поступать в аспирантуру.

— В России сложнее, чем тут, — заметил Никита.

— Я не боюсь труда. И теперь я знаю, откуда опять увижу свою мечту. Кирилл в России вырос и русского брата нашел. А тут вырастили только плотоядную водоросль. Поэтому хочу учиться у русских в России, чтобы быть ученым дома в Китае. Где будете учиться вы вдвоем? У профессора Куприной?

— Посмотрим. Еще не решали, — с непринужденной улыбкой ответил Никита.

Мин не заметил наигранной легкости в ответе, но Кирилл понял, что планы на будущее следует держать при себе.

Вдруг отключилось освещение, и отчаянно заголосили все бесперебойники в шкафу с аппаратурой.

— Он добрался до щитовой, — констатировал Никита.

— Парни! Вы здесь? — громко позвал Игнатъев.

Его тень появилась на фоне освещенного монитором стола, но монитор отключился через несколько секунд, и Олег, ударившись плечом о дверную раму, глухо вскрикнул. Кирилл тут же бросил ему навстречу плотный поток нитей, приглушил болевые токи так, как уже делал пару раз, и повлек к себе.

— Лучше свою мамочку выводи, — буркнул Игнатъев очень недовольный вынужденной ролью ведомого.

Надежда Андреевна его услышала.

— Олег Владленович, ты лучше его поблагодари. И кстати мне тоже выдали путеводный канатик. Ой-ля-тополя, ну и темень! Мы как будто в кладовке сидим!

— У меня есть фонарик! — объявил Мин и принялся копать с своей сумке.

Олег вспомнил про функцию «фонарь» в мобильнике, и достал из кармана аппарат Зои.

Фонарик Мина оказался хилым, а мобильник Зои разряженным больше чем на две трети, поэтому заряд постановили побережь. Кирилл собрал немного света для реализации флуоресцентного эффекта, но светящаяся голова над компанией никому не понравилась.

— Убери! — скомандовал Игнатъев. — Моргану написали, чтобы ждал помощников после девяти вечера. У нас всего полчаса до заявленного времени.

— Если придет полиция, потребуют документы, — осторожно вставил Мин и, почувствовав дружное внимание, продолжил смелее. — Какие документы есть у близнецов? Лучше уйти раньше. А мы скажем, что остались только трое живых.

— Правильно, — сдержанно согласился Игнатъев. — Мотивация новая, а вопрос прежний: как уйти?

— По стройке. По второму этажу, — предложил Мин.

— Как попасть на первый?

— Какой-то спуск есть. Рабочие сюда не заходят никогда, а работают на этом этаже тоже. За стенкой. Нужно стенку сломать, пройти и посмотреть.

— Существо было в щитовой, — напомнил Никита. — Подход к щитовой — просто коридорчик от грузового холла. А выход из зоны ремонта в тот же холл. Мы ему ужин обеспечим, если просто так свалимся со второго на первый.

— Я открою грузовую дверь. Пройдете под моим прикрытием, и дверь запрем, — предложил Кирилл.

— Метров десять по прямой, а по стеночкам и того больше. Тебе материи не хватит.

— Значит, буду выводить по одному человеку в плотном коконе. Он меня не замечает, если моя материя в пассивном состоянии.

— Ребята, — позвала Надежда Андреевна. — Существо необходимо загнать в бочку. Иначе никакие помощники никому не помогут. И ужин у него будет до самого утра.

— Да сколько ж ему нужно сожрать, чтобы успокоиться? — в сердцах воскликнул Игнатъев.

Вопрос был риторическим, но Кирилл тему поддержал.

— Он тратит столько, сколько получает. На движение, на прирост материи. Резервировать не умеет. Оптимизировать тоже, — ответил Кирилл.

— Ты откуда это знаешь? Как чувствуешь? — с нажимом в голосе уточнил Игнатъев.

— Я не знаю, как объяснить...

— Думай, как объяснить! Сейчас твоя информация нужна всем, чтобы планировать наши действия.

Кирилл растерянно оглянулся на Никиту, благо проблемы темноты для него не существовало, а привычка имитировать язык человеческого тела уже укрепилась.

— Аналогии ищи, — подсказал Никита. — Простые образы, всем понятные, которые в какой-то степени отображают то, что ты ощущаешь.

— Аналогии... — механически повторил Кирилл и решительно выпрямился. — Представьте двух пловцов в озере. Один пловец синхронизирует движения рук и ног, удерживает тело горизонтально, кладет голову на воду и ритмично дышит. Он плывет легко и быстро, потому что оптимизирует затраты сил. Другой тоже плывет быстро. Но не знает технику плавания. Он бьет руками по воде, высоко держит голову, хаотично работает ногами. Ему нужно очень много сил, чтобы не утонуть и выдержать темп. Со стороны разница между пловцами хорошо видна. Так и я хорошо ощущаю, как расходуется энергия.

Никита поднял большой палец, будучи уверен, что его движения Кирилл отслеживает.

— Очень хорошо объяснил, — похвалила Надежда Андреевна.

— У меня вопрос, — подал голос Мин Энг, которому Никита обеспечил синхронный перевод. — Кирилл, что сделать, чтобы наш нетехнический пловец потонул?

— Надолго оставить без питания.

— Как надолго? — быстро уточнил Игнатъев.

— Месяц. Два. Может быть год. Этого я не знаю.

— Ты говоришь, он резервировать не умеет.

— Резервирование и запас — разные функции. Резервирование — это формирование узлов вроде замкнутых колец, чтобы энергия существовала в цикле. А запас — это поток, направленный на взаимодействие с материей в каждый момент времени. Почти как жизненные силы у человека.

— Он способен расширяться бесконечно?

Кирилл пожал плечами.

Ответила Надежда Андреевна:

— Физические ограничения безусловно есть. Соотношения естественной гравитации и натяжения внутри элементов вещества, хотя бы. Кирилл, насколько можешь вырасти ты?

— Я не могу увеличить объем материи, я стабилизировался в этой форме. Расширять я буду только информацию: поток, скорость оперирования энергией, знания, умения.

— Всё как у людей, — в голосе Олега послышалась легкая усмешка.

— Я сделал свой выбор.

— Хороший выбор, — теперь Игнатъев улыбнулся. — Время не ждет. Пора стенку ломать. На авось.

— Что такое «на авось»? — осторожно спросил Мин Никиту, поскольку первая часть реплики прозвучала по-английски, а дополнение — исключительно по-русски.

Никита хмыкнул.

— Это непереводаемо. А по сути так: действовать без плана, полагаясь на себя, на друзей и чуть-чуть на удачу.

— Круто. Мне нравится! — заявил Мин.

Проникнуть в зону ремонтных работ никаких проблем не составило. Кирилл легко выдал ближайшую панель из профильного каркаса. Благодаря прозрачному потолочному

покрытию в будущей оранжерее было не столь ужасающе темно, как в фойе и лишенном окон офисе. Закат оставил в небе лиловые разводы, уличные фонари изливали в пространство яркий рыжий свет, вдалеке виднелись освещенные окна многоэтажных зданий. Силуэты крупных монтажных элементов на ремонтной площадке просматривались невооруженным глазом, но детали стали видны лишь после того, как Мин воспользовался своим фонариком. Луч света, направленный под ноги, выхватил из темноты грубые щиты, уложенные поверх металлических лаг. Под лагами стали видны разномастные объемные коммуникации, находившиеся в процессе монтажа.

Кирилл тщательно ощупал пространство, куда дотянулся, не двигаясь с места, и сообщил:

— Между нами и первым этажом бетонная плита. Но в ней есть дыры с остатками изолятора в виде застывшей пены. Вместо потолка — такой же швеллер, как у нас под ногами. Там, где должен был бы находиться санузел симметричного карантинного блока, нет ничего, похожего на вертикальные трубы. Я слышу, как продолжает вытекать вода — внизу по-прежнему всё открыто.

— Уровень воды на полу большой? — спросил Игнатъев.

— Прислушивается, как тонкая лужа на асфальте. Но я не опускал щупы до пола.

— Значит, где-то есть открытый слив в канализацию, — подытожил Олег.

— Совсем не значит, — возразила Надежда Андреевна. — Водопровод порвали всего час назад. Диаметр стояка Кирилл показывал, он стандартный. И при обычном напоре такая труба обеспечивает поток примерно 150-160 литров в минуту, то есть около десяти кубометров воды в час... Непонятно? Десять кубометров — это всего десять тысяч литров. А вся площадь первого этажа — примерно полторы тысячи метров квадратных. Чтобы залить такую площадь водой на глубину даже на пять сантиметров, нужно не десять тысяч, семьдесят пять, как минимум.

Игнатъев откашлялся.

— Понятно. Мне казалось, вы тоже гуманитарий, профессор.

— Я биофизик. А привязка человеческих способностей к полам и полушариям — чушь собачья! Кирилл, водоросль еще здесь?

— Прямо под нами. Приполз со стороны грузового холла. Странно, но перемещается он так, будто внутри его пластов очень мало воды.

— Это второй. Отпочкованный, — пролепетал Мин с нескрываемым ужасом в голосе.

— Ой-ля-тополя, — Надежда Андреевна нервно поправила очки. — Не может он так просто делиться. Есть же незыблемые аксиомы для нашего молекулярного мира! Кирилл?

— Я не знаю, как объяснить свое существование, — он растерянно пожал плечами и придвинулся к Никите.

— Дорогой мой, от тебя никто объяснений и не требует. Меня интересует, как ты видишь его энергию? Он один? Или теперь два?

Кирилл нахмурился. От его мнения сейчас зависела тактика всех последующих действий. Ответ «не знаю» в нынешней обстановке не допускался, а полной уверенности в своей правоте не было. Поразмыслив, он все-таки склонился к оптимистическому варианту:

— Я считаю, здесь сейчас — один. Рисунок энергии не изменился.

— Как насчет массы? — уточнил Мин.

— У меня нет эталона. Я контактил с ним, когда его материя образовывала оболочку для аквариумной воды. С тех пор он увеличился в объеме, но объем воды тоже менялся. Сейчас он движется как большая клякса. Невысокая — около полуметра. Но широкая. Шириной примерно как...

— Стол в кабинете Моргана? — подсказал Игнатъев.

Кирилл вздохнул:

— Как весь кабинет.

Заручившись согласием маленькой команды, Кирилл оперативно исследовал ремонтную площадку и попутно убедился, что существо полностью его игнорирует. Зато местоположение потенциальной пищи оно отслеживало прекрасно. И хорошо различало интенсивность света. Последнее было установлено экспериментально. Мин направил луч фонарика вниз и попал точно в брешь, оставшуюся от демонтированного вентиляционного узла. Интенсивное хлопанье услышали все без исключения, а Кирилл, перекрыв дыру полотном своей материи, сообщил, что противник сделал попытку вытянуться к потолку.

Оставлять группу без прикрытия Кирилл теперь опасался, хотя был уверен, что существо не умеет прыгать и не способно растягиваться вверх без опорных поверхностей. Игнатъев заявил, что разделяться в условиях неизвестности нельзя, Надежда Андреевна намеревалась участвовать в принятии решений, осмелевший Мин Энг заметил, что лучше него никто здесь не знает здание, а Никита следовал рядом с Кириллом безо всяких специальных установок и договоренностей. Поэтому к строительному подъемнику, установленному над сквозным проемом, приблизились все вместе. Кирилл лишь загодя ощупал подходы, чтобы убедиться в надежности мостков и крепежа конструкции.

Снизу немедленно раздалось громкое чавканье и хлопанье. Короткая какофония завершилась смачным влажным шлепком.

— Он пытался сделать из себя конус со щупальцами, — пояснил Никита, наблюдавший попытку атаки своими глазами.

— Ты не слишком близко к краю? — забеспокоилась Надежда Андреевна.

— У него там страховочная сетка, — заметил Игнатъев, державшийся на пару шагов позади.

— К сожалению, только сетка, — сообщил Кирилл. — Теперь он чует живую плоть несмотря на все мои ухищрения. Наверное, расширил способности своих сенсоров. Такое впечатление, что питание необходимо ему безотлагательно с какой-то определенной целью.

— Или распробовал живую энергию, и жаждет добавки, — вставил Игнатъев.

— Согласно неопубликованным отчетам его кормили стероидами, а раз в неделю подавали ему живых кроликов, — сообщила Надежда Андреевна.

— Кроликов? — Никита оглянулся на Мина.

— Я никогда не видел, — пробормотал тот, шокированный не меньше, чем остальные. — Наверное, это тот бонус, про который говорили.

— Безопаснее было бы давать ему рыбу, — заметил Кирилл.

— Морепродукты в рацион не включали умышленно, чтобы он не покушался на планктон, — объяснила Надежда Андреевна. — Планктон использовали как посредника между его энергией и естественной средой. Теория интересная, но практический результат нигде не описан. Боюсь, что результат так и не получили. Впрочем, я тоже не смогла объяснить, как ты, дорогой мой, мышей лечил. Тебе подсаживали больных мышек, а через пару-тройку дней доставали совершенно здоровых.

Кирилл растерянно повернулся в сторону Никиты.

— Вспомнить бы, как, — пробормотал он.

— Массаж? — обронил Никита как бы между прочем и покосился на Игнатъева, внимательно следившего за разговором.

— О, нет! — Надежда Андреевна потрясла в воздухе указательным пальцем. — Те заболевания, которые у мышек культивировали, в штатных условиях неизлечимы.

Снизу донесся очередной громкий «плюх».

— Он не даст нам пройти, — Игнатъев переключил внимание компании на актуальную тему.

— Придется применять силу, — сказал Кирилл. — Энергии у него сейчас раза в три больше, чем у меня. Но маневренность хуже. Если заранее откромлю входные ворота, а потом успею заключить его в свою сеть и найду как укрепить связи, удержу секунд на двадцать. За это время вам нужно спуститься, выскочить наружу и забаррикадировать вход.

— Кирилл, — позвал Никита. — Нереально. Во-первых, слишком много «если», во-вторых, твой отход не продуман. А в-третьих, как ты вообще предполагаешь спуск без своего непосредственного участия? Лебедка на электроприводе, а электричества нет. Строительные леса внизу валяются по частям — видимо, он уже пытался сюда залезть. А лестница для будущего технического люка лежит здесь несмонтированная.

Наступило напряженное молчание. Каждый разыскивал взглядом названные объекты.

— Никита, ты очень-очень внимательный, — проговорил Мин Энг, закончив осмотр первым благодаря своему фонарику.

Никита лишь пожал плечами. А Игнатъев, взяв Мина за руку, заставил его осветить лестницу еще раз и подытожил:

— Лестница выглядит рабочей. Не красоты же ради ее сюда затащили. Если отманить тварь, спустим ее вручную.

— Олег Владленович, — позвала Надежда Андреевна, — как предлагаешь отманить? За кроликами сбегать на ближайшую ферму?

— Я на себя отманю, — сказал Никита. — С прикрытием, конечно.

— Никита, нет! — отрубил Кирилл.

— Кирилл, кладовка.

Тот задержал заготовленные аргументы вместе с дыханием. Никита воспользовался паузой:

— Заманим его туда. Дверь открывается наружу. Захлопнем ее и завалим мешками с цементной смесью. Мешки рядом. Пять или шесть. Это двести с лишним килограмм.

— Никита, не успеть! И дверь с мешками он разнесет в два счета. Вспомни, как он подбросил железный шкаф. Теперь он еще сильнее. Намного сильнее, пойми!

— Ладно. Это предложение снимается, — Никита внимательно оглядел ремонтную площадку.

— Никогда не сдастся, — прокомментировал его взгляд Олег Игнатъев.

— Погоди, — механически отозвался Никита и медленно пошел к внешней стене, на которую упирался скат стеклянного потолка. — Когда я осматривал грузовой холл, видел естественный свет над входным портом... Вот оно!

Он призывно махнул рукой и, когда к нему приблизились, показал новую вентиляционную трубу, крепившуюся на консолях вдоль ребра бетонного перекрытия между этажами. Технический зазор предполагалось прятать за панелями, однако до чистовой отделки было далеко, а потому готовый тракт для побега на первый этаж предстал перед зрителями во всей своей видимой простоте.

Плотоядное создание почуяло передвижение людей и переместилось к внешней стене. Кирилл воспользовался сменой позиции и, спустившись в грузовой холл по стенным фермам, стянул створы двери, ведущей в ремонтную зону. Однако не смог разобраться, сработал ли электронный замок. А Игнатъев напомнил, что рабочий гидравлический привод не позволил бы так просто управлять створами вручную. Поэтому заслон посчитали ненадежным. Зато внешние ворота Кирилл открыл быстро и без каких-либо сложностей: запустил нити в замочную скважину и смоделировал тот самый ключ, который пропал вместе с погибшей лаборанткой.

— Ребята, теперь не тормозим, — Надежда Андреевна нервно сжала кулаки. — Пока он не сообразил, что открыт выход наружу.

— Явного сквозняка нет, поэтому издали он не скоро почует щель, — обнадежил ее Кирилл.

Игнатьев опять попытался взять командование на себя:

— Помоги профессору спуститься, — распорядился он.

— Сначала Мин, — безапелляционно возразил Кирилл. — Он легче, ловчее и сильнее. Мин, закрепись на поясе фермы над площадкой, я подведу тебе Надежду Андреевну, будешь ее страховать. Олег, потом ты. Никита последним. Выходить нужно всем вместе, чтобы не держать ворота открытыми долго.

— Я пока подражаю его, — добавил Никита. — Чтобы не понял, что добыча уходит.

— Будь осторожен. У него под боком стена, примерно тут, — Кирилл блекло-светящимся щупом показал на полу, как на первом этаже расположена стена между «красной зоной» и грузовым холлом.

Никита кивнул и вернулся к люку.

Пройти по трубе полуметрового диаметра, хрустевшей и дрожавшей в такт шагам, оказалось непросто даже для легкого и ловкого Мина. А когда потребовалось перескочить ниже, на рельс между стойками, Кириллу пришлось не просто страховать, а спускать студента в авоське собственного производства. Мин чуть не выронил фонарик, дрожащими руками вцепился в металлические раскосы, но клятвенно заверил, что обеспечит профессору полную безопасность.

Надежда Андреевна мужественно переступила на трубу, окруженная полотном нитей, и беспрестанно поминая свои тополя, пошла боком мелкими шажками. Мин хотел подсветить ей путь лучом фонарика, но находился он на полроста ниже, поэтому не добился ничего, кроме плясок солнечных зайчиков по хромированной поверхности.

А Никита, развлекавший плотоядную водоросль прицельными плевками, вдруг заметил блики света в темноте помещения, которое до сих пор считалось герметичным.

— Олег! Подойди.

Тот немедленно подбежал за зов, благо его помощь на переправе закончилась в тот момент, когда Надежда Андреевна шагнула на трубу.

— Что? — он заглянул в люк над распластавшимся по полу Никитой.

— Фонарик Мина. Я отсюда вижу свет.

Игнатьев не сдержал судорожный вздох.

— Это изолированный блок, — пробормотал он.

— Был. До начала ремонта. А теперь здесь строят склады для ботаников. И черт знает, что тут просверлили.

Он попытался опуститься еще ниже, удерживаясь за каркас полового покрытия, но предел его личной гибкости был уже достигнут.

— Спусти камеру с руки, — Игнатьев полез в карман за телефоном.

Никита приподнялся. Щит, на котором он лежал бедрами и животом, сместился, Олег невольно пошатнулся и сделал рефлекторное движение левой рукой. Полоснувшая боль на мгновение лишила его бдительности. Он судорожно оперся правой в ребро каркаса, и мобильник, совершив изощренный пируэт, нырнул вниз. Смачный «чавк» возвестил о том, что дегустация проведена.

После короткой паузы Никита изрек:

— Теперь не придется объяснять, кому и зачем ты звонил с чужого аппарата.

Не успел он закончить фразу, как со стороны спасительной тропы раздался апокалипсический треск. Затем короткий крик на два голоса и торопливые уверения Надежды Андреевны, что с ней все в порядке.

Олег очутился возле ферм первым. Никита подоспел следом и увидел то, что ожидал: крепления трубы воздуховода не выдержали вес человека.

— По фермам пройдем, — постановил Игнатъев.

— Подожди Кирилла!

— Некогда. Нельзя показывать монстру этот путь. Иначе мы застрянем на стене на сутки.

Прыгай!

Хотел Никита высказать грубоватую мудрость про торопливость и блох, но решил, что препираться сейчас — только раскачивать лодку. Он легко перекинулся на сварной каркас стены, благо роста и длины рук хватило, чтобы сделать это с минимальной нагрузкой на ноги. Игнатъеву с одной действующей рукой трюк дался не так просто, но от роли замыкающего он не отказался.

— Двигайся! Быстро! — скомандовал он и через плечо посмотрел вниз.

Картина его не порадовала. Никита оглянулся и тоже увидел вскрытые панели и уходящие в темноту не то трубы, не то короба. Некоторый оптимизм внушало густое переплетение технических конструкций над полом. Однако глупо было надеяться, что сетчатая преграда надолго остановит жаждущую пищи кляксообразную тварь.

Никита переместился в следующую секцию ферм по узкому швеллеру на руках поочередными перехватами, и встал на широкий, относительно стопы, горизонтальный профиль. И тут сообразил, что для преодоления оставшегося позади участка нужны две здоровые руки. Или немного терпения, чтобы дождаться, когда Кирилл передаст Надежду Андреевну под защиту Мина. А Игнатъев не имел на данный момент ни того, не другого. И на беду плотоядная тварь почуяла, в какую сторону направилась ее несостоявшаяся — пока — добыча.

Игнатъев ухватился за ребро раскоса. По положению его корпуса Никита понял, что он полагается на силу прыжка и надеется удержаться на широком профиле без помощи недостающей сейчас руки. Идея показалась настолько идиотской, что Никита вскрикнул до того, как состоялся отчаянный прыжок. И заранее перехватил левой рукой стойку. В тот момент, когда на целевой точке нога Игнатъева соскользнула с опоры, Никита падал на пояс фермы, как на спину оседланного коня. Руки сцепились в жестком захвате. Никиту по инерции дернуло вниз, и он остался лежать верхом на широком профиле, вцепившись левой рукой толстое ребро стойки, а правой — в предплечье человека, повисшего над черной подвижной массой.

Увидав угрозу, буквально выросшую над полом и гирляндами арматуры, Никита судорожно потянул Олега вверх на себя.

— Не получится! — задыхаясь от напряжения, крикнул Игнатъев.

Но Никита упрямо повторил неудавшийся прием.

— Отпусти! Так он сожрет обоих!

Игнатъев, судя по охватившему его ужасу, не оценивал дистанцию, между собой и монстром. И быстро продолжал:

— Запомни. Твой код «Финист»...

— Заткнись! — гаркнул на него Никита.

Быстро глянул вверх, на сварную стойку, и, подтянувшись на левой руке, перехватил ее на ладонь выше. Собрался с духом и повторил подъем. Еще раз. И еще. С нагрузкой более семидесяти килограмм упражнение казалось невозможным. То самое упражнение, которое он видел однажды в ролике паркурщиков: парень поднимался по вертикальной штанге на вытянутых руках, удерживая тело параллельно земле, и ногами имитировал прогулочный шаг так, будто шел вверх по невидимой стене. До плавности трюкача из ролика Никите было далеко, но и условия отличались от постановочных, как небо и земля.

От напряжения заложило уши, а в глазах поднялась мерцающая тьма. Но он продолжал подъем, пока вдруг не почувствовал, как нагрузка разом пропала.

— Олег! — выдавил он...

И медленно выдохнул. Вокруг клубились белые нити, Игнатъев сидел на профиле рядом, а самого Никиту немилостиво трясли за плечи.

— Орангутанг, блин, — проговорил Игнатъев.

— Все мы когда-то слезли с пальмы, — откликнулся Никита в ответ.

— Никита, — Кирилл заглянул ему в глаза. — Ноги чувствуешь?

Никита с трудом приподнял колено. В спине при этом вспыхнуло так, будто к пояснице приложили горячую кочергу. Белое полотно тотчас окутало как шаль, щупальца заползли под футболку и под поясок спортивных штанов и растеклись по спине и ногам. А Кирилл напустился на Игнатъева:

— Зачем ты полез на фермы, не подождав меня?

— Прости, — Олег поднял здоровую руку. — Так надо было. Был шанс скрыться от монстра, чтобы не почуял.

— Помещение не изолированное. Не заметили сразу, — пояснил Никита.

— Да он здесь уже, — Игнатъев тяжело вздохнул.

О том, что охотника за плотью увидели все, возвестили реплика на китайском и очередное упоминание тополей.

— До двери метров пять, — продолжал Игнатъев. — Кирилл, выведи профессора и Мина.

— Да, нужно рискнуть, пока...

Кирилл умолк, а Никита озвучил то, что увидел:

— Он ползет к воротам.

Олег невнятно выругался.

Фонарик Мина подсветил щуп-затек, исследовавший сетчатый пандус перед грузовым портом. Щуп с хлопом убрался в общую массу.

— Ему не нравится свет! — крикнул Мин.

— Никита, в каком направлении кладовка? — вдруг спросил Кирилл.

Никита посмотрел на входную дверь, тускло подсвеченную сверху далеким светом вечерних улиц, по памяти восстановил схему помещения и ответил:

— От меня «на час-тридцать». Но что ты намерен сделать?

— Доберусь до щитовой, попробую включить электричество.

— Ты не отпугнешь его таким образом! — крикнула Надежда Андреевна.

— Хотя бы освещение верну.

И Кирилл, оставив Никите свою «путеводную нить», отправился в обход помещения по правой стене. По фермам, подбодрив по пути Мина, крепко державшего под руки вверенную ему профессора Куприну. Над плотоядной кляксой на штабель ящиков, мешки с цементом и через лабораторные каталки, о чем возвестил глухой звон столкнувшихся алюминиевых конструкций. По торцевой стене кладовки, задержавшись на раме открытой двери.

Щелчки и металлический скрежет из щитовой в холле услышали.

Вспыхнул свет.

— Кирилл! Есть! — крикнул Никита.

В этот же момент огромная плоская клякса, заливавшая пол, отчаянно взбурлила и принялась стекаться в угол между стеной и короткой крутой лестницей на площадку. За те несколько секунд, которые потребовались Кириллу, чтобы вернуться на фермы, клякса собралась в форму упругой шарообразной капли диаметром не более метра. В сжатом виде создание продержалось недолго. Сначала растеклась подошва, затем оплыли боковые поверхности.

— Оно не в состоянии качественно управлять своей материей в сухой среде! — воскликнула Надежда Андреевна, во все глаза наблюдая за метаморфозами под лестницей.

— Я уточню, — заговорил Кирилл. — На управление материей без посредничества воды ему нужно очень много энергии. Не знаю, почему и как он сбросил воду, забранную из

аквариума, но сейчас ему не хватает сил, чтобы аккумулировать жидкость, разлитую по полу. Ему нужен замкнутый объем, чтобы сформировать из своих пластов водяные мешки.

— То есть первая же сточная канава, и город на пороге катастрофы? — уточнил Игнатъев.

— Наверное, не столь масштабно, но в целом недалеко от истины. И чтобы этого не произошло, я кое-что сделаю. Вам придется спуститься на площадку перед дверью с некоторым риском. Но я уверен, что правильно прогнозирую его поведение.

— Кирилл! — Никита взял его за плечо. — Что ты задумал? С какой целью был этот поход по стенкам? Что ты ощупывал? Зачем тебе цементная пыль?

Кирилл поспешно спрятал в глубину своего массива мешочек, сотканный из нитей и наполненный щепоткой цемента. Потом улыбнулся и поместил образец в оформленную человеческую руку.

— От тебя ничто не скроется, Никита, — сказал он. — Не волнуйся. Я знаю, что делаю. Поверь мне. И помни, мы вместе. Просто некоторое время ответить тебе не смогу. Олег, пожалуйста, верни нас на Родину. А если нужны дополнительные рычаги влияния на твоих начальников, используй этот.

Кирилл взял Никиту за руку.

— Нет, — Никита отрицательно потряс головой, быстро распахнул рубашку и оттянул ворот майки. — Сюда. К сердцу. И чем глубже, тем лучше.

Кирилл согласно кивнул и приложил ладонь к человеческой коже. В ложбинке между рельефных грудных мышц Никиты появилась крупная родинка.

— Увидимся.

С этими словами Кирилл разом распустил все нити. Никита успел лишь прижать рукой горячий сгусток, впившийся в кожу. Тонкий почти невидимый жгут обвил пальцы и затерялся в подвижном потоке. Белая волна хлынула в кладовку, и в холл была доставлена открытая бочка. Секунды не прошло, как водоросль почувала знакомую среду. Парочка белых щупов услужливо придержала емкость, пока ошалевшее существо втекало вовнутрь. А белая масса в то же время быстро спускала людей на грузовую площадку, прямо к воротам. Когда последний — Никита — оказался внизу, в воздух взлетела цементная пыль от рывком вскрытого мешка. Белый ниточный ком посерел, когда бесчисленные мешочки наполнились порошком, и серая масса хлынула в бочку, из которой показались водянистые пласты.

Битва энергий отобразилась в материальном пространстве, как хаотичное движение пластиковой емкости во всех возможных плоскостях, сопровождаемое разливом выдавленной воды.

— Что он делает? — проговорил Игнатъев не своим голосом.

— Бетономешалка. Не видишь, что ли? — пробормотал Никита и прикрыл глаза.

Путеводная нить на его пальцах все еще оставалась белой.

— Кирилл сдерживает его энергию, — пробормотала Надежда Андреевна. — Он что же?.. Он же так погибнет! Глупый мальчишка! Никита, останови его немедленно!

— Всё будет в порядке, — произнес Никита и с силой сжал зубы, чтобы не дрожала скула.

Бочка треснула. Цементная каша вывалилась на пол, остатки воды из спрессованных пластов брызнули во все стороны. Каша сдвинулась на несколько сантиметров и замерла. «Путеводная нить» на пальцах Никиты посерела и осыпалась прахом. Никита судорожно прижал ладонь к груди. Псевдо-родинка ответила ему тонкой струйкой тепла и легким зудом под кожей.

* 9 *

До парковки Никита дошел сам, но с опорой на плечо Мина, а там уже повалился на траву за высоким поребриком. О чем причитала Надежда Андреевна и что он отвечал ей, он не запомнил. Из прострации его выдернул Игнатъев: поднял с газона едва ли не пинком и шикнул в самое ухо — соберись!

Никита опомнился. Олег заглянул в красные от усталости глаза.

— Соберись, — внятно повторил он. — Ради Кирилла. И ради своей Родины. Впереди путь домой. Я тебя встречу, и тогда обеспечим Кириллу материальную подпитку. А сейчас поедешь с ним.

И Никита увидел назначенного ему сопровождающего. Загорелый небритый мужчина неопределенного возраста разглядывал подопечного, вальяжно подпирая задом помятый капот грязной автомашины.

— Не суди по одежке, — шепнул Игнатъев. — Он хороший парень. Доверяй ему как мне.

Никита согласно кивнул.

Игнатъев подтолкнул его со словами — иди уже!

Таким образом ему не оставили времени, чтобы проститься с товарищами по приключениям. Мин, увидав, что Никита идет к машине, крикнул: «Я найду тебя в России!»

Никита успел лишь оглянуться. Небритый тип захихнул его на заднее сиденье и захлопнул дверцу. Махнул рукой Игнатъеву, сел за руль, вырулил на дорогу, и машина на полной скорости ринулась в электрическую ночь.

Вопрос прозвучал минут через пятнадцать, когда оживленные улицы остались позади.

— Где второй?

Никите потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что имеет в виду человек, под присмотр которого его сдали.

— Ты отключился? — нетерпеливо спросил провожатый, оглянувшись назад. — Где близнец, я спрашиваю?

Никита невольно прижал ладонь к груди. Очень хотелось заглянуть под ворот, чтобы убедиться, что узелок, имитировавший родимое пятно, не почернел. Но таких телодвижений он не мог себе позволить. Игнатъев сказал: «Доверяй ему как мне», — но полного доверия к себе он не добился и должен был это понимать. Значит, здесь, в этой пропахшей куревом машине, нельзя выдавать личную информацию. И нельзя расслабляться.

— Нигде, — ответил Никита.

Потемневший взгляд водителя отразился в треснувшем зеркале над лобовым стеклом.

Новых вопросов не прозвучало.

Никита попытался определить, в какую сторону света движется автомобиль. Теоретически, если план Игнатъева оставался в силе, его везли в Мехико. Он прикинул, сколько километров между Сан-Франциско, где расположено Российское консульство, до столицы Мексики. Навскидку получилось около трех с половиной тысяч. Потом вспомнил, что в Калифорнии два больших университета, а Надежда Андреевна пеняла Игнатъеву за «двенадцать часов за рулем», и понял, что лаборатория находилась в Сан-Диего. Это означало, что от полученного числа нужно отнять восемьсот километров. Но и в этом случае результат не радовал: в пути предстояло провести более суток, не считая остановок.

Про пересечение границы при полном отсутствии документов Никита подумать не успел. Его провожатый остановил автомобиль на пустой дороге и распорядился пассажиру пересаживаться в автофургон. Никита постарался идти твердым шагом, хотя казалось, что ноги вот-вот подогнутся от непомерной нагрузки.

И тут его огорошили новым вопросом:

- Кому из вас двоих нужны были костыли?
- Никому, — вырвалось у Никиты.
- Ты видишь, — тоном констатации факта произнес сопровождавший.
- Да, — на всякий случай подтвердил Никита.
- Мне сказали, один слепой, другой без ног. Ты не слепой.

Несмотря на предельно напряженную обстановку Никите очень захотелось высказаться в адрес Игнатьева по-русски. Его намерение было угадано.

— Рожа — класс!.. — небритый мачо прищелкнул языком. — Зови меня Дьябло. Делай, что говорю, и доберешься до пункта назначения без происшествий. Сейчас полезай в фургон и молчи, пока не выпущу тебя наружу.

Перечить профессиональному контрабандисту в вопросах нелегального перехода границы Никита не помышлял. Разногласия начались уже на территории Мексики, в захолустном мотеле, где Дьябло остановил фургон на рассвете. Никита категорически отказался от алкогольных напитков. Насмешки на английском и испанском он проигнорировал, чем разозлил проводника до белого каления. Фразу — меня предупреждали, что ты упрямый парень! — он принял, как капитуляцию противника. Но не учел его коварства: в качестве еды Дьябло принес ему тарелку, обильно залитую острейшим соусом, а про питьевую воду как будто забыл. Никита от еды отказался, хотя понимал, что еще сутки без полноценного питания лишат его сил окончательно. Про вторую, гораздо более опасную проблему, он вспомнил после смены автофургона на тесную легковую машину, когда жара, духота и табачный дым довели его до короткого коллапса. Без еды человек в состоянии прожить и неделю, и две, а без воды — всего три дня. Причем три дня в нормальной привычной атмосфере, а не под июльским солнцем Мексики.

На заправке, пока Дьябло расплачивался за бензин и делал покупки, Никита смотрел на бесконечное полотно пышущей жаром дороги и думал о будущем. Это тяжелое путешествие скоро закончится. Нужно лишь стиснуть зубы и пережить боль и слабость, как заставлял себя раньше — после операций. Самодурство провожатого тоже не конец света. Бывало, его унижали куда более жестоко. Но роль пленника обстоятельств угнетала больше и больше. Он не питал иллюзий по поводу радушной встречи на Родине. Родина его не знала. Ему, вырванному из родного гнезда девять лет назад, предстояло доказать, что он достоин быть гражданином России. И не знанием государственного языка, истории и права, как требовал экзамен на гражданство США. А своими делами и преданностью Отчизне.

Никита приложил ладонь к груди.

— Нам обоим предстоит начинать с чистого листа, — прошептал он по-русски. — И над нами будет стоять надсмотрщик. Это неизбежно, потому что и для России мы оба — иностранное. Пока не докажем, что иностранное может стать родным.

— Ты с кем разговариваешь? — раздалось над приоткрытой дверцей авто.

Никита сообразил, что опять выпал из реальности. И решил промолчать.

— Бредишь или что? — в голосе Дьябло послышались испуганные ноты. — Упрямый осел! Говорил тебе, жрать надо по утрам! На, держи.

Никите в руку впихнули холодную жестяную банку.

— Это тоник, — пояснил Дьябло и сунул в другую руку что-то съедобное, завернутое в салфетку. — Буритос. Лопай. Перца мало, не вспыхнешь.

Дорога потекла дальше, на юг. Дьябло несколько раз норовил завести разговор, но Никита отвечал односложно и игнорировал вопросы, касавшиеся его личности. В конце концов Дьябло воскликнул:

— Вы — русские — все такие суровые? Или ты родственник Игнатоса?

«Игнатосом» он уже несколько раз называл Олега Игнатьева. Никита решил, что это нечто вроде клички в определенных кругах. На вопрос о родстве он просто ответил — нет.

— А похож, — откликнулся Дьябло. — Бывало, его подколоть старались...

И он принялся рассказывать о какой-то большой военизированной компании. Никита делал вид, что слушает в пол-уха и усмехается в ответ только из вежливости. Но сам очень внимательно следил за грубоватым повествованием. Место и время приключений названо не было, но в целом получалось, что Игнатьев участвовал в неких «миротворческих миссиях» в жарких странах, а Дьябло был одним из его сослуживцев.

Разговорный запал водителя скоро иссяк, и он начал клевать носом. Никита заподозрил влияние алкоголя. Пиво здесь, видимо, не считалось чем-либо запретным для людей за рулем, и его приторный дух висел в салоне машины постоянно, а дурящая жара, однообразие и дорожное одиночество делали монотонную поездку прекрасным снотворным. Никита несколько раз вытряхивал себя из состояния дремы элементарными дыхательными упражнениями. Дьябло полагался лишь на свою выносливость, и настал момент когда объективные факторы оказались сильнее него. Машину начало сносить налево. Никита живо оценил траекторию, решил, что близкое знакомство с придорожными кактусами в планы не входит, и громким возгласом разбудил водителя.

Тот сначала смутился, затем выругался, а после напустился на пассажира, мол, почему не спишь, пока возможность есть. Никита проигнорировал необоснованные претензии и, когда сопровождающий умолк, сказал:

— Ты давно за рулем без полноценного отдыха. Сворачивай в мотель.

Дьябло опять взвился: какой такой мотель?

— Поворот направо через четыре километра, — спокойно ответил Никита.

— Какие четыре? Откуда ты взял? — не унимался ущемленный за гордость мачо.

— На дорожном указателе было написано. Теперь два.

— Здесь нет указателей! Тут пусто! — завопил Дьябло, потрясая рукой над рулевым колесом.

— Два мы проехали, пока пререкались, — сообщил Никита и добавил. — Но теперь ты достаточно взвинчен и не заснешь до следующего мотеля.

В длинный ответ по-испански он вслушиваться не стал.

На парковке стояли несколько машин и три байка. Никита заметил, что Дьябло задержал взгляд на двухколесных транспортных средствах, но не определил, что именно его заинтересовало. Он сам обратил внимание только на радужную размалевку сидений и экстравагантные наклейки на бензобаках.

Мотель выглядел вполне прилично для окружающего захолустья, и самое время было воспользоваться мало-мальским уютом для отдыха. Однако Дьябло, получив ключи, потащил подопечного не в номер, а в местный ресторан, всунул ему в нагрудный карман рубашки несколько мятых банкнот, велел заказывать еду для себя, а сам направился напрямик к барной стойке, вокруг которой ошивались личности неопределенного пола.

Никита сел за столик спиной к бару, дабы не привлекать внимание европейской внешностью, быстро разобрался в местном меню и, когда к нему подошел безучастный официант, сделал заказ. Официант слегка оживился, услышав от иностранца фразы на испанском, а Никита отметил про себя, что несмотря на отсутствие практики сохранил наработанные навыки устного языка.

Еда оказалась неприятно сладкой, а вода теплой, но Никита постарался заглушить вкусовые ощущения в пользу биологических потребностей. А попутно вспомнил, что рассказывал товарищ по несчастью про национальную кухню: мексиканский парень восхищался сладостью повседневной еды.

Мысли Никиты поплыли в просторы воспоминаний далеких и близких, и нечаянно сползли в минорные тона. От умершего во сне соседа по палате — к айтишнику Филу. К Мину Энгу, впервые узревшему смерть своими глазами. К сумбурному расставанию с Надеждой Андреевной, которой он не успел сказать ни «спасибо», ни «прощайте».

На образе Кирилла мысль запнулась. Никита механически приложил ладонь к груди. По ладони тут же прокатилось непривычное тепло. И Никита с опозданием заметил, что тепло пульсирует под кожей.

Нужно было морзянку изучать, — мелькнуло у него.

Сосредоточившись на окружающей действительности, он тут же услышал резкие голоса за спиной. Оглянулся и увидел Дьябло в окружении трех молодых людей. Не нужно было владеть языком в совершенстве, чтобы догадаться, что словесная перепалка вот-вот выльется в физические разборки. Но для определения темы конфликта знаний языка не хватило, и Никита всерьез забеспокоился, когда после короткого взгляда провожатого в его сторону, один из троих парней показал на него рукой и громко произнес несколько слов. После этого Дьябло нанес удар: неожиданно, быстро, коротко, по всему видно — профессионально. Петушившийся перед ним парень охнул и сложился пополам. Двое других отпрянули. Никита заметил у них в руках короткие ножи. Дьябло отпихнул выбывшего и шагнул к вооруженным. Один принялся махать ножом перед его носом, а другой — мелкий и проворный — сиганул через столик и подбежал к Никите. Лезвие застыло в опасной близости от его щеки, и шустрый наглец крикнул что-то в сторону Дьябло. Никита дословно не понял фразу, изобиловавшую местным сленгом, но смысл был кристально ясен: вооруженный угрожал изуродовать ему лицо.

— Кирилл, ничего не предпринимай, — предельным шепотом процедил Никита.

Приемов самообороны он не знал, но противостоять насилию удавалось и без спецподготовки. А сейчас, когда от него зависело не только его личное будущее, изобретательность и смекалка встали на передовые рубежи самозащиты.

Он оперся руками на стол так, чтобы под закатанными по локоть рукавами проступили все мышцы предплечий, и медленно встал на ноги. Специально играть мышцами груди не пришлось: пропитанная потом футболка облегла торс как гимнастическое трико.

Парень с ножом приоткрыл рот и запрокинул голову. Никита пристально посмотрел на него сверху вниз, пошевелил плечами, почувствовал, что хорошо вошел в роль богатыря, и выразительным кивком, показал на выход. Движение можно было расценить и как приглашение «выйти и разобраться», и как разрешение свалить, пока не поздно. Несостоявшийся шантажист оглянулся на подельников, опять посмотрел на Никиту и, не спуская с него глаз, попятился к двери. Дьябло, безусловно, понял, что Никита блефует, и с удовольствием подыграл: задумчиво размял пальцы и сжал кулак. Его потенциальный противник во всю прыть дернул к выходу. За ним поковылял подбитый, и последним быстро ретировался горе-шантажист.

Номер мотеля оказался «семейным»: здесь имелась только одна двуспальная кровать. Однако Дьябло это ничуть не смутило. Он запер дверь изнутри, оставил ключи в замке, прошел к окну, опустил жалюзи, снял поясную сумку, швырнул ее на тумбочку и разлегся поверх покрывала, не потрудившись снять даже ботинки.

— Выезжаем в три утра, — предупредил он, вынул из нагрудного кармана кнопочный мобильный телефон, зажал его в руке, перевернулся на бок и засунул руку с телефоном под подушку.

Никита огляделся.

— Наружу ни шагу, — добавил Дьябло, не оборачиваясь.

Никита выждал с минуту и решил, что Дьябло отрубился по-настоящему. Но ключи на видном месте и брошенная борсетка с деньгами выглядели как приманка. И закралось подозрение, что крутой мачо с говорящим прозвищем «Дьявол» приставлен к нему не только как провожатый.

Тестирует меня? — Никита искоса смотрел на спящего. — Собирает информацию, чтобы мне характеристику дать?.. Не могу представить его профессиональным агентом, тем более российским. А если он не агент, то зачем ему меня проверять? Спрятал только телефон. Деньги оставил так, чтобы было легко стянуть. Или он хочет, чтобы я сбежал?

Никита отступил в короткий входной тамбур, прислонился плечом к двери туалетной комнаты, чтобы немного снять нагрузку на ноги, и еще раз посмотрел на ключи в дверном замке.

— Это не та ситуация, Кирилл, в которой побывал ты, — начал он еле слышно, но вслух, будто Кирилл стоял перед ним. — У тебя не было информации о внешнем мире. А здесь мы знаем, где и зачем находимся. Впрочем, — он помедлил с озвучиванием нового витка мыслей, — впрочем и «где», и «зачем» тоже неоднозначно. Я знаю, что мы едем на юг — это видно по солнцу. А куда именно, знает только Дьябло. И на вопрос «зачем» существуют разные ответы. Поначалу российские службы при информационном содействии американских искали нас, чтобы вернуть тебя в институт. Акценты изменились, но по-прежнему цель осталась. А о позиции американцев мы вообще ничего теперь не знаем.

В груди появилось знакомое тепло. Никита улыбнулся и прижал «родинку» рукой через ткань истертой футболки.

— Согласен: иногда приходится верить на слово. И я хочу верить Олегу. Но хватит ли у него влияния, убедительности и сил, чтобы развернуть политические жернова нам навстречу и нас при этом не раздавить? Он уже пустился в авантюру, когда поручил нас своему приятелю. Разрешены ли ему такого рода отсебятины? Может быть он хочет нас спрятать?

Легкая пульсация под кожей стала похожей на неспешные колебания теплого воздуха. Никита распознал попытку имитировать какую-то мелодию, но какую именно, уловил, когда предположил, что Кирилл напоминает ему о принципе «утро вечера мудренее». Он воровато оглянулся на Дьябло, спавшего лицом к закрытому окну, и зашел в туалетную комнату. Стенки здесь были фанерными, но соседние номера пустовали, это Никита заметил раньше. Поэтому сейчас он, бесшумно прочистив горло, склонил голову на грудь и тихонько запел: «Ложкой снег мешая, ночь идет большая...»

Тепло растеклось, будто дыхание уснувшего человека, и притаилось в «родимом пятне».

— Все будет хорошо, Кирилл. Пока мы вместе, все будет в порядке, — прошептал Никита.

Он на авось повернул барашек водопроводного крана. Из носика потекла тонкая струйка воды. В мотеле, где Дьябло останавливался рано утром, вода подавалась только в определенные часы, и постояльцы были лишены возможности принять душ, когда вздумается. Никита заткнул раковину пробкой, висевшей на веревочке тут же, подождал немного, убедился, что напор слабый, но постоянный, и разделся по пояс. Тщательно умылся, перевязал растрепавшиеся волосы в новый «хвост», смочил футболку и стер пот с груди. «Родинка» как будто натянулась.

— Это вместо душа, не волнуйся, — шепнул Никита.

— С кем ты разговаривал?!

Никита вздрогнул и развернулся лицом ко входу. Дьябло буравил его тяжелым взглядом. Ответ созрел моментально, но кроме того вспыхнула неприятная догадка, подтверждение которой следовало получить как можно скорее:

— С энергетической сущностью, — ответил Никита по-русски.

Глубокий смысл ответа остался нерасшифрованным, но слова были поняты, и это означало, что догадка верна — Дьябло понимал русский язык. Однако использовать не собирался.

— Придурок! Где твой телефон? — гаркнул он по-английски.

— У меня нет телефона.

Никита развел руки в стороны.

Движение было воспринято не как жест доброй воли.

Дьябло жестким приемом развернул его лицом к стене, саданул коленом по ногам так, что Никита в поисках потерянного равновесия рефлекторно ухватился за стену и тем самым согнулся вперед, и быстро прощупал карманы спортивных брюк и обе ноги до кроссовок.

Такого рода насилие Никита испытал на себе впервые. Первым желанием было развернуться и врезать беспардонному надсмотрщику чем попало и куда попало. Но он заставил себя не двигаться. Рядом с ним находился боец каких-то сомнительных войск. Жестокий, опытный, умелый. Бестолковое размахивание руками его только позабавит особенно теперь, после сценки в ресторане. А унижительное поражение сподвигнет Кирилла встать на защиту. «Родимое пятно» уже накалилось так, что стали ощущаться движения нитей под кожей.

«Нет, нет, нет! — мысленно крикнул Никита. — Я справлюсь. Брат! Поверь, пожалуйста!»

И заметил, что Дьябло уже отступил.

Никита повернулся к нему лицом.

— Протезы? — Дьябло взглядом показал на его ноги.

— Нет, не протезы, — насколько смог спокойно ответил Никита.

— Сними штаны.

— Это уже слишком, Дьябло. Всему есть красная черта.

— Красная черта? — мигом завелся тот. — Игнатос сказал: один слепой, другой без ног. А свалил мне одного с ногами и с кучей закидонов! Болтать с призраками можешь сколько влезет, а я должен знать, за кого взял ответственность! Мне велено было тебя на коляску посадить сразу за границей! Я этого не сделал, потому что тебе поверил на слово! А у тебя вся спина хирургами изрезана, и вместо ног две кости. И как эти две кости держат твою гору мускулов, я не знаю! Я обещал Игнатосу доставить тебя ему живым и здоровым. Ты ему нужен. А я ему жизнью обязан. И поэтому ты теперь будешь делать всё, что он велел. Под моим контролем!

«Родимое пятно» прекратило отчаянную пульсацию и медленно потухло, будто Кирилл облегченно вздохнул. А Никита смотрел на взбешенного провожатого и никак не решался поверить, что весь букет неразгаданных причинно-следственных связей сводит к одному простому итогу: забота о человеке, который нужен другу. Стало по-настоящему стыдно за тотальное недоверие, поиск скрытых коварных планов и уклонение от протянутой руки.

— Я сяду на коляску, если это необходимо для конспирации, — произнес Никита. — Я не хочу подводить ни тебя, ни Игнатьева. Но ноги у меня на месте, и мышцы я восстановлю со временем.

Он приподнял штанину до колена и предоставил визуальное доказательство.

— Ты восстановишь, — Дьябло сделал акцент на «ты».

Затем обронил: — я сожалею, — и ушел в спальную часть номера.

Несмотря на монотонность, жару и пыль следующий отрезок пути показался Никите не столь изнурительным, как вчерашний. Дьябло не рассказывал историй, не задавал вопросов, но путевые реплики стали естественнее, а потому проще. После полудня Дьябло несколько раз останавливал автомобиль, выходил на обочину с мобильником в руке и подолгу вызывал абонента. Дважды ему ответили, но обстоятельный разговор не состоялся по каким-то

причинам. Никита не спрашивал, кому и зачем звонит его провожатый, ибо было ясно, что тот ждет дальнейших указаний. Около двух часов дня, когда Дьябло уже нервничал неприкрыто, ему ответили, и беседа заняла несколько минут. Никита не пытался расслышать его реплики, но отлично видел, что указания ему не нравятся. Резкую фразу на испанском — «я полечу с ним», — Никита не только услышал, но и понял. Предложение было отвергнуто, что ярко отобразилось на небритой физиономии, однако новых эмоциональных выступлений не последовало.

Дьябло вернулся в машину, швырнул мобильник на переднее пассажирское сидение и оперся предплечьями на рулевое колесо.

— Игнатоса отправили в Россию, — сообщил он. — В Китай тебе придется лететь одному.

— Разве не так было запланировано? — осторожно уточнил Никита.

— Он хотел встретиться тебя в Шанхае. Ему запретили пересадку. Он ищет новый вариант для тебя. Будет звонить через час и говорить с тобой сам. А пока тебя велено умыть, побрить, переодеть, накормить и везти в аэропорт.

— На коляске.

Дьябло резко оглянулся на пассажира.

— Откуда узнал?

— Догадался, когда ты предложил меня сопровождать.

Дьябло прожевал непечатную реплику и взялся за рычаг коробки передач.

— Есть и другая причина присматривать за тобой, — сказал он как будто между прочем.

Никита насторожился, поскольку почувствовал, что готовится контрудар за проявленную догадливость.

— Не понял? — подстегнул его Дьябло с насмешкой в голосе.

Никита провернул в уме факты из ближайшей памяти, но не нашел ничего подходящего.

— А я уж подумал, что ты и правда экстрасенс какой-то, — Дьябло хохотнул.

Выдержал паузу и произнес уже без иронии:

— Ты во сне брата звал.

Никита чертыхнулся сквозь зубы. Он старался не засыпать ни вчера в пути, ни сегодня ночью в мотеле. Но на час или полтора все-таки отключился.

— Спасибо за информацию, — сказал он.

Дьябло ожидал не такую реакцию.

— И что делать собираешься? — забеспокоился он.

— Не засыпать в присутствии посторонних.

— Придурок! Ты знаешь, сколько лететь отсюда до Китая?

— Около двадцати часов. Плюс пересечение 180-го меридиана.

Упоминание меридиана сбило Дьябло с толку.

— А меридиан чем помешал?

— Ничем, — невозмутимо продолжался Никита. — Это меридиан смены дат. Если вылет сегодня и двадцать часов пути, то по прибытии я попаду сразу в послезавтра.

— Умный! — воскликнул Дьябло по-русски.

— Вот так говорят: «Умный очень», — Никита продемонстрировал, с какой именно интонацией произносится эта контекстная реплика.

Дьябло повернул на парковку возле большого супермаркета, лихо вписался на пустующее место и, заглушив мотор, опять обернулся к Никите, сидевшему на заднем сиденье.

— Мой тебе совет. Чем бороться со сном и сонным бредом, разберись с призраками в своей душе. Не таскай с собой. Хуже будет.

Никита улыбнулся.

— Мой брат жив. Надеюсь, Игнатьев не соврал, и мы встретимся в России.

— Ах вот в чем дело, — Дьябло облегченно вздохнул. — Он решил переправлять вас разными путями. Хорошо. А тебе к сведению: Игнатос никогда не врет. Невозможного не пообещает, а если пообещал, значит, сделает.

Разговор с Игнатьевым по телефону Никита вел в присутствии Дьябло из уважения к человеку, потратившему столько сил и времени на выполнение задания и априорно лишенному возможности увидеть финал. За своими ответами он тщательно следил, поэтому ничего секретного в его репликах не прозвучало. Игнатьев спешил, поскольку до окончания посадки на его рейс оставалось несколько минут, и Никита не успел спросить его о Надежде Андреевне. Обнадежила фраза — «остальное при встрече». На том разговор закончился, и Никита вернул телефон владельцу.

Изучать тонкости правил аэропорта Никите не пришлось: Дьябло сам выполнил все пункты, не требовавшие участия пассажира, пока пассажир осваивал новую инвалидную коляску. Кто и как привез медицинский инвентарь, подложные документы и наплечную сумку с предметами личной гигиены, Никита не узнал. Успел лишь познакомиться с временной своей личностью. Имя, год и место рождения он запомнил с первого прочтения, но задержал взгляд на фотографии, сделанной два часа назад. С бледно пропечатанного изображения на него смотрел бритый почти под ноль широколицый субъект с тяжелыми синяками под глазами и красным загаром на щеках и на лбу. Загар предательски выдавал контур прежней прически, но этот момент Дьябло уже учел: в новый джинсовый гардероб Никиты была включена черная бейсболка.

Дьябло сопровождал подопечного вплоть до зоны вылета.

— Встретимся когда-нибудь, — сказал он на прощание. — У вас говорят — «земля круглая». А я знаю, что в жизни всегда по две встречи. Тебе и твоему брату пожелать хочу, чтобы предстоящая ваша встреча была навсегда.

— Спасибо тебе. От нас обоих, — ответил Никита.

Авиалайнер оторвался от взлетной полосы и устремился в закатное небо, будто норовил догнать солнце. А Никита смотрел через кресло соседа в иллюминатор и начинал осознавать, что навсегда отрывается от своего прошлого. Ник Фогель остался там, на континенте, удалявшемся в пространстве и времени, вместе с матерью, создавшей американскую семью, со школьными недругами, внимательным и справедливым шерифом Джонсоном, горластой миссией Гейс. Какое-то время в маленьком городке, затерявшемся среди Великих Озер, будут помнить «немецкого юношу» и гадать, куда исчез художник на инвалидной коляске.

Пусть у вас там всё будет хорошо, — мысленно произнес Никита и отвернулся в проход.

Из динамика оповещения раздалась приятная музыка, и мужской голос сделал сообщение по-китайски. Никита улыбнулся. Слова «пожалуйста» и «спасибо» он теперь тоже знал благодаря общению с Мином Энгом. Сообщение сдублировали по-английски, как положено было на международных авиарейсах. Затем на центральном экране в салоне запустили рекламный ролик авиакомпании на английском языке. Никита слушал краем уха, но вдруг понял, почему Дьябло по пути в аэропорт несколько раз назвал его везунчиком. Прямой авиарейс Мехико-Пекин выполняла единственная авиакомпания и только один раз в месяц. И именно на этот рейс Игнатьеву при посредничестве своих агентов удалось посадить подопечного.

Неужели действительно повезло? — мелькнуло у Никиты.

«Родимое пятно» ответило на его неопределенные эмоции бодрящим тепловым импульсом.

В хвостовом салоне экономкласса, где находился Никита, летели в основном китайцы — возвращались домой из деловых и туристических поездок. Китайки-бортпроводницы выполняли свою работу добросовестно, напитки и еда были предложены вовремя, а непосредственно к Никите несколько раз обращались по-английски с вопросом, не нужна ли какая-либо помощь.

Никита хорошо помнил инструктаж Игнатьева, но решил, что указание скрывать знания языков относится к пункту «не разевать рот без острой необходимости». Поэтому на четвертый вопрос, заданный бортпроводником-мужчиной, он ответил, что перемещаться на короткие дистанции на своих ногах он способен и коляска для похода в туалет ему не нужна.

Второе нарушение «языкового запрета» состоялось на пятом часе пути, когда Никита все-таки уснул. Голосовые связки он контролировал так жестко, что сначала ему приснилось, будто он очутился на океанском дне и не может вымолвить ни слова, а потом вдруг ощутил холод на груди и подумал, что остался один. Ужас безвозвратной потери прорвался сквозь границы сна и яви и разлился по телу холодным потом. Никита услышал собственный сдавленный крик и очнулся в положении согнувшись вперед с руками, прижатыми к груди.

Разбуженный возгласом пожилой сосед-китаец тревожно смотрел на него из-под приподнятой маски для сна. Подоспела бортпроводница.

Никита знаком поспешно дал понять, что с ним все в порядке, но не сразу сумел заговорить. Бортпроводница наклонилась к нему так, чтобы оградить от взглядов пассажиров, сидевших в креслах через проход. На молодом — даже юном — азиатском лице расцветал букет эмоций со страхом во главе. И дабы успокоить ее, Никита поспешил кое-как выдать:

— Wasser, bitte.

Стюардесса вымученно улыбнулась. А он сообразил, что высказался по-немецки. Он тут же повторил просьбу по-английски и буквально через полминуты получил стакан воды.

Но для тушения собственных эмоций и отчаянной пульсации под рубашкой стакана воды было не достаточно, и Никита решил, что пора взять тайм-аут.

До туалета он доковылял, придерживаясь за спинки сидений и извинительно улыбаясь в обе стороны прохода. Путь был коротким, поскольку его место находилось в трех рядах от конца салона. Закрывшись в кабинке, он привалился спиной к двери и выполнил несколько глубоких вдохов. Потом глянул в зеркало и в первый момент себя не узнал. Короткая стрижка была сделана профессиональным парикмахером и смотрелась не столь ужасно, как виделось на фотографии. Но физиономия напоминала грим статиста к фильмам про зомби-апокалипсис.

— Ничего, прорвемся, — еле слышно по-русски произнес он.

И осторожно расстегнул пуговицы на новенькой джинсовой рубашке. «Родимое пятно» чуть-чуть приподнялось над кожей и тонкая прозрачная нить вытянулась наружу сантиметров на десять. Никита подставил палец и тихонько спросил:

— Ты в порядке?

Кончик невесомой нити приподнялся и опустился. Это было похоже и на кивок, и на попытку одинарного прикосновения. Никита улыбнулся.

— Будем морзянку учить. Пригодится и в темноте, и там, где говорить нельзя. А пока полезай назад. Не трать силы.

Нить обмоталась вокруг пальца — Никита ощутил едва заметное давление — и скрылась под псевдо-родинкой. Легкий зуд на груди возвестил о том, что вся материя Кирилла вернулась под кожу.

О пересечении границы полушарий пассажирам сообщили в красочном познавательном ролике на китайском языке с английскими субтитрами. Никита просмотрел ролик с

удовольствием, поскольку за истекшие часы полета перечитал все флаеры и буклеты, предложенные пассажирам, и теперь, чтобы не уснуть, занимался визуальным изучением иероглифов.

Через некоторое время, когда сосед вышел, Никита догадался хорошенько проревизировать выданную ему сумку. Среди бесполезной мелочи обнаружился простенький англо-китайский разговорник. Таким образом, нашлось занятие на ближайшее время. Однако турист-китаец оказался любопытным. Сначала он просто с интересом косился на увлеченного молодого европейца, затем начал озвучивать фразы, которые молча заучивал Никита. Никита сказал ему «спасибо» по-китайски. Пожилой турист прямо-таки расцвел и принялся всячески помогать в изучении разговорного языка. Вне словаря объясняться пришлось на пальцах, поскольку самодеятельный репетитор английского не знал, но и он, и Никита получили удовольствие от взаимного общения.

Заминка вышла, когда китаец спросил имя попутчика. В принципе Никита мог назвать любое. Но очень не хотелось врать добродушному открытому человеку. И он составил ответную фразу так: «мой отец называет меня Ник». Это не соответствовало строчке в подложном паспорте, да и фраза получилась не совсем правильной, судя по реакции носителя языка. Зато по содержанию абсолютно правдивой.

Необходимость оправдания перед Игнатьевым была исключительно абстрактной, но Никита, представив соответствующий диалог, мысленно сказал: «Случайные встречи неизбежны, а я — это я. И я — не актер. Поэтому если я буду стараться выглядеть другим человеком, это заметят. И возникнут подозрения. А сейчас один из миллиарда китайцев узнал, как меня называл отец. И какие угрозы национальной безопасности отсюда вытекают?»

Отбившись от «Штирлица» в воображаемом диалоге, Никита вернулся к своим упражнениям. Но закон парных случаев не заставил себя долго ждать.

Бесшумная стюардесса выросла перед ним как из-под земли и по-английски спросила, действительно ли он хорошо владеет немецким языком. Никита напрягся, что тут же отразилось на лице, но бортпроводница поспешно объяснила: экипажу очень нужен переводчик для общения с пассажиром в бизнес-классе.

Никита встал. И чуть не упал назад, в кресло, поскольку от многочасового сидения в неудобной вынужденной позе ноги отказались держать тело. Стюард был уже рядом с оперативно развернутой коляской. Пришлось воспользоваться навязанным сервисом. Бортпроводники извинялись перед потревоженными пассажирами крайних сидений, пока перевозили колясочника через оба салона, и тем самым невольно привлекали внимание даже тех, чьи посадочные места располагались далеко от задействованного прохода. Никита поставил себе «неуд» за конспирацию, но оправдательный монолог моделировать не стал — оправдываться было нечем.

Собственная совесть очистилась, когда он разобрался в причинах конфликта, возникшего между стюардессой и немецко говорящим пассажиром. Мужчина в возрасте твердил, что поданный обед не подходит ему по медицинским показаниям и требовал заменить блюда. Повышенный тон, резкие жесты и абсолютное нежелание прислушаться к попыткам стюардессы исправить ситуацию создали впечатление буйного скандала, и китайцы поняли, что клиент не доволен качеством пищи.

Никита в две фразы разъяснил суть проблемы обслуживающему персоналу, по-немецки уверил пассажира, что его требования сейчас же удовлетворят, и собрался отъехать назад, в широкий проход комфортабельного салона. Но стюардесса — та самая, молоденькая, подавшая ему стакан воды — смотрела на него таким молящим помощи взглядом, что у него не повернулась рука уехать прямо сейчас. Поднос с обновленным набором блюд принесли очень быстро, Никита обеспечил взаимопонимание между бортпроводниками и пассажиром, но

теперь пассажир, успокоившись, довел до ума, что переводчиком для него стал случайный попутчик. Он попытался познакомиться с «соотечественником», высказав ряд предположений о месте его рождения. Ответ Никита дал почти правдивый: мол, в Германии жил несколько лет. Ничего другого он ответить не мог, поскольку немец точно определил по особенностям его говора, в какой области он рос. И Никита не нашел ничего лучше как пожертвовать этикетом: перебил собеседника, коротко извинился и сказал, что должен вернуться на своё место.

— Вляпался так вляпался. Вот зачем нужно сопровождение. Будь здесь Дьябло, я бы сидел рядом с ним и не помышлял кому-то помогать, — так Никита закончил короткий пересказ событий формально своему отражению в туалетном зеркале, а фактически прозрачному щупу, накрученному на палец. — Теперь двести с лишним человек знают, что на борту был парень на коляске, и еще человек двадцать, что парень на коляске говорит по-немецки. А по липовому паспорту я родился в Сербии.

Никита достал из нагрудного кармана свои псевдо-документы и на всякий случай проверил, правильно ли запомнил персональные данные.

Полупрозрачный щуп вытянулся еще на десяток сантиметров.

— Куда ты? — забеспокоился Никита. — Воду открыть?.. Ладно, держи.

Нить абсорбировала несколько капель воды.

— Объем набираешь?

Нить ответила отрицательно — провела по пальцу дважды.

— Энергию?

Положительный ответ.

Никита оглянулся на дверь, убедился, что маркер «занято» на месте, и, расстегнув рубашку, обратился к «родинке» непосредственно.

— Кирилл, если тебе необходима энергия прямо сейчас, бери у меня. Из крови, из тела — откуда хочешь!.. Не отнекивайся ты, дослушай! Пойми, твое инкогнито — защита для нас обоих. Если кто-то узнает о твоём существовании, меня просто вырубят, а тебя срежут с моего тела.

Нить чуть-чуть расширилась, разделилась на пять кончиков и сложилась в форму фиги.

Выходить из салона Никите надлежало одним из последних, поскольку вместе с ним по трапу спускали инвалидную коляску. Этот распорядок вполне устраивал: значительно понижалась вероятность натолкнуться на немца, общаться с которым повторно было недопустимо. Никита по-китайски тепло распрощался со своим «репетитором» и приготовился ждать, когда ему выдадут его персональное транспортное средство. Стюард сделал это, когда все пассажиры вышли, и сам подвез Никиту к выходу, где выстроились все стюардессы. Никита по привычке насторожился, но почувствовал на себе доброжелательные взгляды и увидел искренние улыбки. Старшая бортпроводница встала перед ним, сидевшим в коляске, и произнесла короткую благодарственную речь. Другая объявила о подарке, показала на своей ладони фирменный значок компании и прикрепила этот значок на лацкан его рубашки. Никита по-английски сказал несколько ответных слов и по-китайски поблагодарил за подарок. Бортпроводники не сговариваясь заплодировали.

Так в приподнятом настроении Никита въехал в зону ожидания Пекинского аэропорта...

Мимо проходили люди. Много людей. Но никому не было дела до плечистого парня на инвалидной коляске. Десять минут.

Пятнадцать...

Тридцать...

— А вот теперь я понятия не имею, что делать, — пробормотал Никита себе в грудь.

И отъехал дальше, к стеклянной стене, за которой в легком рассветном тумане чинно разъезжались по взлетным полосам воздушные суда.

Взгляд выхватил родные цвета. Лайнер с бело-сине-красный флагом на хвосте медленно разворачивался перед посадочной зоной. Вот он встал на выделенную позицию, и Никита прочел на борту «Аэрофлот».

В глазах поднялся непривычный жар. Он никогда не воображал себе момент отлета на Родину, потому что давно разучился мечтать. Но сейчас, глядя на этот бело-синий крылатый корабль, хотелось думать, что вот-вот случится чудо, стеклянная стена разверзнется и для него откроется тропинка, ведущая в салон самолета Аэрофлота.

Никита одернул разгулявшиеся фантазии и спешно проморгался, дабы жар не сконцентрировался влагой на ресницах.

— Соберись, — скомандовал он сам себе.

И слегка дрогнул, потому что показалось, что команда прозвучала над ухом голосом и тоном Олега.

Мимолетная мистификация подействовала отрезвляюще. Никита сосредоточился на окружающей действительности и быстро нашел взглядом информационные табло со списками и статусами рейсов. Досада выпала на язык коротким «у-ё»: в первых строках значился рейс Аэрофлота Пекин-Владивосток, регистрация на который заканчивалась через десять минут. Никита приподнялся с опорой на хилые подлокотники коляски, но быстро понял, что искать стойки регистрации бесполезно. У него не было ни денег, ни реальных документов. В голову забрела идея еще раз тщательно проверить сумку на предмет скрытых карманов или зашитых в подкладку записок. Никита приступил к реализации безо всякой надежды на успех.

И тут рядом прозвучало.

— Феникс.

Запыхавшийся парень ожидающе смотрел на Никиту. Никита непонимающе нахмурился. Игнатьев дважды называл ему именной код: в отчаянный момент на фермах и в установочном телефонном разговоре. И звучало это иначе.

Парень с монголоидными чертами лица испуганно огляделся и опять вернулся взглядом к инвалиду в коляске.

— Сорри. Я наверное ошибся, — произнес он по-русски.

И Никита понял, почему подсознательно не признал в нем китайца. Перед ним стоял россиянин — бурят или представитель какого-то коренного народа Сибири.

— Ты с кодом не ошибся? — по-свойски уточнил Никита.

— А? — узкие глаза радостно распахнулись в ответ на русскую речь. — Код?.. Уй! — парень хлопнул себя по лбу. — Финист. Ты Финист?

— Да.

— Прости! Меня спозаранку нахлобучили. Запутался в конец! Мы опаздываем! Бегом!

Никита не двинулся с места.

— Куда бегом? Ты кто такой?

— Я из турагентства. Короче, некогда. Регистрация заканчивается! Пошли!

Никита толкнул обручи на колесах.

— А ты бегом никак? — испугался турагент.

— Нет.

— И вообще без этого никак?

Парень показал пальцем на коляску.

— По комнате могу. Проблема?

— Не. Норм. Я думал, для вида. Извини... Давай за мной быстрее.

На регистрации на рейс Аэрофлота Никита оказался последним. Его суматошный сопровождающий бодро изъяснялся по-китайски, но путался в билетах, документах, именах и датах. Никита молчал и очень внимательно отслеживал передвижение персонала аэропорта, не без основания опасаясь появления местной полиции. «Родинка» на груди заметно потеплела: Кирилл всеми накопленными силами зондировал окружающую обстановку. На суету турагента никто внимания не обращал. Но вдаль, за линией таможенного контроля, стоял кто-то в темно-синей форме. И его пристальный взгляд Никита ощущал на себе.

— Всё. Готов, — объявил турагент.

Следуя указанному направлению, Никита покатил коляску к воротам таможенного контроля. Значок, подаренные ему китайцами, он на всякий случай снял и убрал в нагрудный карман рубашки. Предстояло пройти через металлоискатели. В аэропорту Мехико он сделал это на своих ногах, опираясь на руку Дьябло. А здешний его гид уже умчался по своим делам с той же скоростью и суматошностью, с которой предстал перед ним десять минут назад.

Пока он раздумывал, как бы поэлегантнее подняться без посторонней помощи и дополнительной опоры, с другой стороны подошел тот самый человек в синей форме, который следил за процессом регистрации. Показав таможенникам какой-то документ, он молча взялся за ведущие ручки и повел коляску с пассажиром в обход контрольной системы. Сканированию была подвернута только полупустая дорожная сумка, небрежно брошенная на транспортировочную ленту.

— Что-то личное в сумке есть? — спросил провожатый у Никиты над головой.

— Только отпечатки пальцев.

Остроумный ответ не произвел никакого впечатления. Провожатый забрал сумку с ленты, но на колени сидящего не вернул. Приостановился возле мусорного контейнера и вытряхнул туда содержимое. В другой контейнер отправилась скомканная тряпчатая тара. Обращение с собой как с объектом для выполнения оплачиваемых обязанностей Никита испытывал неоднократно. Но сейчас стало обидно. Ведь объектом он являлся не для американской санитарки в дешевой клинике, а для сотрудника российской авиакомпании.

Всё правильно, — мысленно одернул Никита так, как в былые времена говорил сам с собой. — Я никто для него. Просто обязанность. Это нормально.

Воздушный корабль с синей надписью «Аэрофлот» больше не казался сказочным и недостижимым. Он просто приближался в пространстве со скоростью бортпроводника, которому поручили доставить коляску с инвалидом на борт.

По трапу Никита поднялся сам, но с огромным трудом, и это неприятно удивило. Он не ожидал, что психологическое напряжение и отсутствие полноценного сна настолько ослабят его физически. Бортпроводник доставил сложенную коляску вручную, посмотрел, как Никита упрямо идет на своих ногах в салон, поставил коляску рядом с крайним креслом в проходе и показал:

— Сюда садитесь.

Присутствующая тут же стюардесса что-то удивленно шепнула коллеге. Тот отмахнулся и ответил вполголоса:

— Наплевать. Тут ему удобнее будет.

Никита сел, а вернее — хлопнулся на указанное место, поднял голову и произнес:

— Спасибо.

Стюард ничего не ответил...

Никита опять не сомкнул глаз. И не потому, что удерживал себя от сна, а потому, что физически уже не мог отключиться. Волнение, усталость, подозрительность, попытки прогноза предстоящих событий и мрачное воображение собрались в один большой ком и

теперь варились в разгоряченной голове, как ведьмино зелье в волшебном котле. Голова тоже походила на котел: звенела и гудела в ответ на каждый внешний звук.

Полет длился всего неполные три часа, поэтому еду на борту не разносили, лишь напитки. Никита взял только негазированную воду. Стюардесса обошла свою часть салона, опять остановилась перед ним и предложила горячий чай. Он задумался, она с улыбкой добавила — с клюквой. Он согласился. А когда она принесла ему благоухающий таежными ароматами напиток, попросил:

— Пожалуйста, скажите, когда будем лететь над Россией.

— Обязательно. Если хотите, подведу вас к иллюминатору.

Никита отрицательно качнул головой.

— Спасибо. Мне достаточно просто знать.

Никита не ждал ярких эмоций от первого за много лет прикосновения к родной земле и тем более к бетонному покрытию посадочной полосы. Но спустившись с трапа, невольно замер.

— Кирилл, мы дома, — произнес он одними губами.

И почувствовал, как опять потеплели глаза. Он поспешно тряхнул головой и скомандовал сам себе: — Соберись.

Ему опять предоставили коляску, и все тот же немногословный бортпроводник отвез к зданию аэропорта.

— Подождите здесь, вас встретят, — произнес он.

Никита спохватился, развернул коляску, чтобы поблагодарить провожатого, но тот уже шел назад, к лайнеру.

— Большое спасибо, — вслух произнес Никита.

Он посмотрел вверх, в чистое яркое небо. Солнце не было видно за козырьком здания аэропорта, но находилось оно высоко, и Никита принялся вычислять, который сейчас час.

— Привет.

Никита замер и медленно прикрыл глаза, чтобы взрыв непонятных ему самому эмоций не получил отображение в мимике.

Игнатьев взялся за ручку коляски и развернул на себя.

— Привет, — ответил ему Никита вполголоса.

Увидел медицинский бандаж, прижимавший аккуратно перевязанную руку к торсу, и вскинул голову.

— Ты как? Олег, как рука?

Игнатьев молча сверху вниз взирал на него потрясенным взглядом.

— Ты бы на себя сначала посмотрел, — процедил он. — Ты как будто на веслах океан пересекал!

— Если ты про загар, то это привет из Мексики.

— Я про твою рожу! — Игнатьев ладонью развернул голову Никиты и нашел пальцами сонную артерию.

— Да живой я, живой, — Никита вяло мотнул головой.

— Идти можешь?

— Прямо сейчас — не уверен. Если посплю немного, наверное, смогу.

Он покосился на стоявшего над ним Олега, ожидая вопросов о Кирилле. Но Олег был занят высвобождением своих пальцев из крепкой ниточной петли.

— Да-да, я тоже очень рад тебя видеть, — быстро проговорил Олег с заметными дрожжащими нотами в голосе и глянул на Никиту. — Рад видеть вас обоих... Ну всё, Кирилл, скройся, пока тебя не заметили... Никита, скажи ему.

— Он прекрасно всё слышит.

Игнатъев нервно огляделся, сдул со лба слегка растрепанные волосы и, отступив на шаг, достал телефон. Никита взялся за обручи, чтобы откатить коляску и предоставить ему возможность разговаривать без посторонних ушей. Но Олег быстро вынул левую руку из бандажа и опустил на плечо Никиты. Зафиксированная жесткой повязкой кисть не двигалась, но рука уже не доставляла болезненных ощущений.

Из коротких реплик над головой Никита понял, что некое мероприятие переносится на неопределенный срок и перенос не повлияет на планы в целом. Затем Олег сказал: «Подгони мне пару капельниц...» и последовало перечисление лекарств, из которых Никита знал только одно название — «натрия хлорид». Под конец Олег подтвердил: «Да, обязательно. И лучше побыстрее».

— Едем в гостиницу, — сообщил он, закончив разговор.

— Но какой-то пограничный контроль нужен, вроде, — Никита обернулся.

— Сиди, — Игнатъев усмехнулся и взялся за ручку коляски.

— Я сам. Руку в бандаж верни.

Игнатъев ничего не ответил, но слегка ткнул Никиту кулаком в затылок.

Дружеский тычок почему-то очень понравился Кириллу — его настроение Никита почувствовал собственной грудью как волнообразную тепловую пульсацию.

Вместо обещанной гостиницы такси доставило пассажиров к пятиэтажному жилому дому.

— Где здесь гостиница? — насторожился Никита.

— Сейчас все будет, — уверил его Олег.

Таксист посмотрел, как мужчина со сломанной рукой пытается вывести из автомобиля рослого парня с бездействующими ногами, покачал головой и помог с высадкой.

Ни лифта, ни даже пандуса в доме не было, но цель путешествия располагалась на первом этаже. Никита преодолел пять обязательных ступенек и остановился, разглядывая обшарпанный подъезд. Детские воспоминания поднимались в сознании как штормовые волны. Точно в таком же кирпичном доме он жил с дедом и бабушкой. По таким же ступенькам бегал во двор гулять. Втискивался в точно такой же тамбур с первым своим великом в охапку. Он нашел взглядом окно между лестничными площадками. В доме деда рамы были деревянные с форточками. Дед, поднимаясь по лестнице, всегда закрывал распахнутую форточку и объяснял: чтобы в потемках не врезаться лобешником. Бывало, он приходил после вечерних смен с синяком на лбу, ругался на любителей свежего воздуха, а бабушка привычно прикладывала к его лицу холодный компресс. Никита всегда помнил, что дед был высоким могучим мужиком, а сейчас, глядя на подъездное окно с высоты собственного роста, решил, что рост деда составлял метр-девятьюсто как минимум.

Игнатъев не торопился. Стоял перед приоткрытой дверью квартиры с ключами в руке и ждал, когда Никита очнется от оцепенения.

Никита спохватился.

— Извини, задумался, — он оттолкнулся от перил и сделал два шага к двери.

— Да ну тебя. Какие тут извинения!

— Дом похож на дедов.

— Таких домов в каждом городе полно. Типовая хрущевка.

— Может и типовая. Но я в такой вырос.

Никита зашел в прихожую, куда Игнатъев уже поставил сложенную коляску.

— Олег. Ты не знаешь, случайно...

Он поспешно зажал дрогнувший голос. Олег запер дверь.

— Родственников у тебя не осталось, — ответил он на непрозвучавший вопрос.

— Значит, бабушка тоже умерла.

— Через год после того, как тебя увезли. Мне очень жаль тебе об этом сообщать.

Никита покачал головой.

— Спасибо, что сказал... Я ей писал письма на старый адрес. А ее уже в живых не было.

— Хотел вернуться? — осторожно уточнил Игнатъев.

— Всегда хотел. Даже в Германии, хотя там мне было хорошо. Баба Лиза поддерживала. Говорила: где родился, там и пригодился. И мечтала, чтобы я однажды перевез ее прах в родное село под Смоленском. Я это село на гугл-картах нашел и ей показал. Она распечатку спутникового снимка повесила на стенку в своей спальне. В кадре не видно ничего, кроме мутных квадратиков. А для нее в этих квадратиках и боль, и память, и надежда.

Игнатъев ненавязчиво развернул Никиту налево, к арке в жилую комнату, и слегка подтолкнул, мол, проходи. Никита на автопилоте вошел в гостиную и, повинуясь направляющей руке, сел на жесткий диван.

— После травмы я определил свою цель, — заговорил он опять. — Получить образование, встать на ноги и добраться до России. А потом уже думать, как вернуть гражданство.

— Ты гражданин России был и остался.

Никита вскинул взгляд. Олег развернул стул и уселся к нему лицом.

— Если бы твой дед озаботился правовыми вопросами, он бы легко добился для твоей биологической матери лишения родительских прав, на себя бы оформил официальное опекуновство, и тогда никто бы никуда тебя не увез. Но он этого не сделал. Либо не знал тонкости законодательства, либо у него были какие-то личные соображения. Теперь ошибку поправили. Ведь в те шальные годы чего только не терялось среди документов.

Никита неуверенно хмыкнул. А Олег, стараясь сохранить бесстрастный тон, продолжал:

— Кроме того, когда тебя вывозили, совершили несколько юридических ошибок. В общем, гражданство у тебя как было российским, так и осталось по праву рождения. Тебя даже военкомат разыскивал по месту жительства перед этим весенним призывом.

— У-ё! — выдохнул Никита. — И как мне восстановить...

— Все уже восстановлено и установлено. Когда отдохнешь, всё покажу и объясню, — Игнатъев спрятал хитрый прищур, встал и заглянул в портфель, оставленный на столе. — Когда ты ел?

— У китайцев в самолете хорошо кормили. На Аэрофлоте стюардесса чай с печеньем принесла.

— Сейчас есть хочешь?

Никита помотал головой.

— Не знаю. Поспать нужно сначала.

— А ты вообще спал? — догадался спросить Олег.

Никита отвел взгляд. Игнатъев аж задохнулся от возмущения:

— У тебя было двадцать часов на один перелет и три на другой! Ты что, вообще глаз не сомкнул?

Никита не стал говорить, что и двое суток перед упомянутым отрезком времени провел почти без сна, но честно признался:

— Мне нужен был самоконтроль.

Игнатъев медленно выдохнул сквозь зубы.

— Твоей бы силой воли целину поднимать! — вполголоса воскликнул он. — Рубашку снимай и ложись немедленно.

— Рубашку-то зачем?

Игнатъев достал из портфеля пакет с одноразовой капельницей.

— Раздевайся, тебе сказано!

Никита не пошевелился.

— Что ты собираешься мне вколоть? — он демонстративно посмотрел на коробки с ампулами, извлеченные вслед за капельницей.

Терпение Игнатьева закончилось.

— Щас допросишься — вырублю!

— Это ты можешь, — спокойно ответил Никита. — А у меня сейчас не хватит сил даже на элементарное сопротивление, не говоря уже о противостоянии профессионалу. Но проще на мой вопрос ответить.

— Ладно. Извини, — Игнатьев заставил себя погасить раздражение. — Но тебе было бы проще, если бы начал элементарно доверять. Ты ведешь себя так, будто кругом одни враги. Знаешь, обидно бывает.

Никита вспомнил свою никем не раскрытую, но лично признанную ошибку в определении мотивации Дьябло. Ошибка повторилась.

— Прости, Олег, — он опустил взгляд. — Привычка. Исправлюсь.

Игнатьев выпрямился, как отпрянул, несколько секунд напряженно смотрел на Никиту и, вдохнув, заговорил в своей манере.

— Смотри сюда, — он взял с стола коробку с ампулами. — Это комплекс витаминов. Вводить буду внутривенно-капильно. А еще есть хороший седативный препарат. Тебе бы сейчас был полезен.

— А время-то есть под снотворное засыпать? Ты из-за меня уже что-то куда-то перенес.

— Времени у нас столько, сколько нужно вам обоим на восстановление: тебе — сил, а Кириллу — материи. Кирилл слышит?

Никита расстегнул рубашку и показал пальцем на пучок нитей, приподнявшийся из-под «родимого пятна».

— От него так мало осталось! — по-настоящему испугался Игнатьев.

— Он сохранил всю информацию. Это главное, — быстро заверил Никита.

Олег отложил медицинский инвентарь на стол и со словами: — это нужно сделать сейчас, — ушел в смежную комнату. Никита видел через открытую дверь, как он достает что-то из большого дорожного баула камуфляжной раскраски. Вернулся он с двумя красными книжками в руках. Никита выпрямился. Не верить глазам он не мог, но и поверить боялся. «Российская Федерация». Двуглавый орел, выполненный золотистым тиснением. «Паспорт».

— Это ваши, — Олег вручил ему документы.

Никита механически взял оба паспорта и открыл первый. Несколько раз прочел «Кирилл Викторович Соколов», потом спешно открыл второй, увидел своё российское имя, зацепился взглядом за дату рождения — одинаковую в обоих документах — и поднял повлажневший взгляд на Олега.

— Как так сделали? — пробормотал он. — Это по-настоящему?

— Разумеется, — Олег улыбался.

— А фото?

— Помнишь, как в анекдоте: «Сфотографируйте моих сыновей. — Но тут только один мальчик. — Не проблема, второй такой же». А если присмотришься, заметишь, что Кириллу подрисовали родинку для разнообразия.

— Но как?

— Это уже не твое дело. И не моё тоже. Считай, что вы «отказники», оставленные в роддоме. Воспитывались в разных семьях, потом встретились. Подробности легенды мы с вами потом обговорим. Но по мне так лучше не сказки рассказывать, а уклоняться от ответов на неудобные вопросы. У тебя это ловко получалось.

— А дальше что? — спросил Никита.

Олег забрал у него из рук оба паспорта, отложил на стол и ответил.

— А дальше ты ложишься под капельницу, Кирилл занимается самовосстановлением по собственной программе. Когда будете готовы, объясню наши следующие шаги.

— Ему питание нужно.

— Я в курсе. Я здесь, чтобы присматривать за вами обоими. И не надейтесь от меня скоро избавиться. Хотите ли вы этого или нет, но сотрудничать нам предстоит долго.

Никита согласился на инъекцию снотворного, чтобы не обижать Олега недоверием. Как тот ставил ему капельницу, он уже не слышал.

Слух очнулся через неопределенное время, когда где-то рядом начался негромкий разговор о кухне, завтраке и о грибах. Грибная тема вздернула сознание, и Никита довел до ума звучавшее над головой:

— Он подтянется в росте сантиметров на пять, как минимум. И очень скоро, потому что в коляску больше не сядет. Хочешь и дальше мериться с братом макушками, береги ресурсы на прирост...

Голоса уплыли в просторы грез, но сохранилось ощущение домашнего уюта, и Никита позволил себе беспечно понежиться в тепле и комфорте, в ожидании сигнала будильника. Дрема затягивалась, а будильник не срабатывал, и он вспомнил, что отключил зуммер, чтобы не нервировать Кирилла.

Через несколько секунд в памяти провернулся шквал пережитых событий, и в сердце вонзилось холодное копьё ужаса. Никита резко сел, схватился за грудь и вмиг покрылся холодным потом: под ладонью больше не было горячего «родимого пятна».

Теплые руки обхватили сзади за плечи и над ухом прозвучало:

— Я здесь. Никита, всё в порядке.

Он оглянулся. Кирилл сидел тут же, на диване. На коленях, обтянутых грубой тканью плотных брюк, лежала тонкая подушка, служившая Никите подголовником. Человеческий облик был имитирован безупречно, даже пририсованная в паспорте родинка красовалась на отведенном ей месте — над левой бровью ближе к виску. Никита оценил точность копирования своей новой прически и с досадой хмыкнул:

— Я даже не почувствовал твои щупы.

— Я очень осторожно. Тебе нужно было выспаться, Никита.

Кирилл притянул его к себе и заставил привалиться к своему торсу. Никита охотно последовал за бережными руками, поскольку стресс все еще клокотал в сердце, и барабанная дробь бурного кровотока тупо стучала в висках.

— Ты полностью восстановился? — спросил Никита, наблюдая за ритмичным движением грудной клетки в такт ровному дыханию.

— Мне предоставили два ведра живой океанской рыбы. Весь материальный объем я восстановил сразу. Кажется, шокировал Олега.

— Переживет. Он заявил, что подрядился за нами присматривать.

— Ты против?

— Нет. Он хороший парень. Но все еще бесит иногда.

— Ты его тоже. Но мы ему нравимся, я это ощущаю хорошо. Он спрашивал про тебя.

— Что именно?

Никита неохотно отлип от крепкого плеча и пересел в пол-оборота к Кириллу.

— Он спросил: знаю ли я, почему ты ощущаешь себя окруженным врагами.

— И что ты ответил?

— То, что думаю. Ты жил на чужбине один и не скрывал, что инородный, поэтому вокруг тебя было много врагов.

— Правильно сказал, — Никита спустил ноги на пол и попробовал привстать. — Уже лучше, — подытожил он и спохватился. — Кирилл, а где Олег?

— Ушел по делам.

Никита посмотрел на окно. За задернутыми шторами было светло.

— Сколько я проспал? — осторожно уточнил он.

— Наверное, почти сутки. Я плохо отслеживал время. Точно знаю только, что закончил восстановление рано утром, и с тех пор прошло три с половиной часа.

Никита быстро осмотрел комнату. На столе остались пакеты с отработанными капельницами. На спинке стула висели две плотные туристические куртки, а на сиденье лежала стопка одежды. Возле старого пустого шкафа типа «сервант» появились две большие пухлые сумки. В задней зеркальной стенке серванта отражалась короткая прихожая, и в этом отражении Никита не увидел сложенную коляску, зато заметил два пустых жестяных ведра.

Отсутствие коляски вдохновило, и Никита смело встал на ноги. Кирилл торопливо поднялся следом, сделал шаг вперед и чуть не ухнул носом в стол. Никита подхватил его под руку.

— Что с тобой?

— Брюки, — с досадой процедил Кирилл.

И Никита с опозданием заметил, что и рукав, и штанины сотканы из настоящей ткани.

— Олег уволок коляску, — продолжал Кирилл, выпрямившись, — чтобы у меня был стимул научиться носить одежду в считанные часы.

— Я не понял связи, — признался Никита.

— На период восстановления тебе нужна физическая поддержка. Поэтому мне поставлена задача освоить человеческий быт в кратчайшие сроки.

Никита возмутился формулировке, но Кирилл его остановил:

— Не кипятись. Мы всегда будем вместе, и Олег это тоже прекрасно понимает. Но сейчас он делает акцент на ближайшее будущее. Нам предстоит жить в каком-то небольшом коллективе. И никто не должен узнать, что я нечеловек.

— Что еще было сказано про наше будущее? — поинтересовался Никита многозначительным тоном.

— Ничего конкретного. Олег ждал, когда ты проснешься.

Кирилл медленно прошелся по комнате, тщательно контролируя движения обтянутых брюками ног. Никита разворошил стопку теплой одежды и оглянулся на пухлые сумки.

— Сдается мне, нас готовят к поездке на север, — заметил он.

— Он интересовался, как я реагирую на холод, — подтвердил Кирилл. — Почему север?

— Далеко от крупных городов, мало населения, сложные условия существования. Все, что нужно, для проверки на лояльность. И наверняка это не Олег придумал, а его начальство. А он взял за нас ответственность и теперь готовится лететь с нами.

Кирилл с интересом присмотрелся к Никите:

— Не пойму: ты как-то по-новому радуешься.

— Наверное, это то, что называется — счастлив. Мы с тобой в России, оба вместе, и это признанный факт, — он показал на паспорта, лежавшие на столе. — И Олег с нами. Без наставника рядом было бы сложно. Ведь я помню Россию с позиции девятилетнего мальчишки, а ее современную знаю только по прессе, литературе и форумам в интернете. Ну а север... Легких путей мы и не ждали. Надо же откуда-то начинать!

— Крепче станем, — Кирилл улыбнулся.

— Точно. Начнем с сурового, чистого, снежного листа.